

Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области Московский государственный областной университет

На правах рукописи

Кузнецова Мария Алексеевна

Категория личности и ее текстовый потенциал

Специальность 10.02.19 –
Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Левченко Марина Николаевна

Мытищи – 2021

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования категории персональности.....	16
1.1. Подходы к исследованию категории персональности в современной лингвистике.....	16
1.2. Средства выражения категории персональности.....	26
1.3. Сущность и содержание понятия «потенциал текста» и категория персональности.....	42
1.4. Алгоритм анализа текста в рамках выявления текстообразующих возможностей категории персональности.....	53
Выводы по главе.....	59
Глава 2. Текстовой потенциал категории персональности (на примере художественных произведений А. Кристи, Ю. Семенова, Г. Хольц- Баумерта).....	63
2.1. Комплексность как характеристика реализации функций категории персональности.....	63
2.2. ИмPLICITность/эксплицитность как характеристика функционального проявления категории персональности.....	89
2.2.1. Информативный компонент текстового потенциала категории персональности.....	90
2.2.2. Идентификационный компонент текстового потенциала категории персональности.....	98
2.2.3. Художественно-эстетический компонент текстового потенциала категории персональности.....	104
2.3. Особенности выразительной лексики и экспрессивного синтаксиса в функциональном проявлении категории персональности.....	110
2.3.1. Эмотивный компонент текстового потенциала категории персональности.....	111

2.3.2. Экспрессивный компонент текстового потенциала категории персональности.....	123
2.3.3. Эмпатический компонент текстового потенциала категории персональности.....	133
2.4. Особенности актуализации рефлексивных процессов адресата в функциональном проявлении личности.....	138
2.4.1. Компонент перцептивной актуализации текстового потенциала категории личности.....	138
2.4.2. Побудительно-нормативный компонент текстового потенциала категории личности.....	143
Выводы по главе 2.....	151
Заключение.....	153
Список сокращений.....	158
Список литературы.....	160

Введение

Актуальность темы исследования. Текстовая категория личности является одной из универсальных категорий языка, которая требует специального изучения. В связи с многоаспектностью данного языкового явления, возможностью выражения личности с помощью различных языковых единиц и множеством выполняемых ими функций, важно рассмотреть личность в контексте ее текстового потенциала.

В сущности, личность определяет содержание и характеристики ряда текстовых категорий, реализующих коммуникативные интенции автора. Так, личность в совокупности с другими категориями участвует в создании адресованности, то есть выборе автором адресата, формировании мотивации в общении. Личностные значения включены в процессы соотнесения текста с объектом, отражения в тексте связей между явлениями реальности, создания смысловой цельности и отношений коммуникативной преемственности между предложениями текста. Личность как компонент системы образа автора, воплощающий авторское «Я», влияет на преломление в тексте внеязыковой реальности посредством восприятия, оценки субъекта, рефлексии отражаемых в тексте явлений. Эмоциональное отношение автора к сообщаемому и адресату, присущее категории личности, формирует доминирующие языковые, целевые, мотивационные, действенные компоненты текстового сообщения.

В современной науке существует несколько оснований для категоризации личностных значений. Такими основаниями могут быть области языковой системы, внеязыковой реальности, речевой коммуникативной деятельности. Исследователи отмечают, что категория личности обуславливает структуру предложения [Арутюнова, 1969; Богданов, 1990; Сусов, 1986]. Личностные значения выражают отношения между субъектом или объектом предложения, участниками ситуации и речевой деятельности. Категория личности рассматривается как один из аспектов семантической организации предложения. Характеристика предложений по отношению между субъектами и предикатами

может быть ранжирована, и выделяет 7 классов: лицо «Я», индивид-не-лицо, определенное множество лиц и не-лиц, неопределенное множество индивидов, определённое по пространственно-временным свойствам явление внутреннего мира или внешней реальности, неопределённое по пространственно-временным границам явление природы [Степанов, 1998]. Наличие персональных значений определяется особенностями взаимосвязей между субъектом и предикатом предложения, а также семантическими ролями актантов.

Очевидно, что многофункциональность рассматриваемой категории требует исследования результирующих показателей функций персональности с точки зрения системного подхода, определения особенностей взаимосвязей между компонентами данного языкового явления, ее роли в определении других текстовых категорий. Категория персональности является грамматической и семантической категорией, обладающей комплексом функций, результирующим показателем которых является эмоционально-оценочное отражение образа автора. Текстовый потенциал категории персональности представляет собой способность языковых средств актуализировать вербальное присутствие автора и его функциональное воздействие на адресата.

Функции текста и функциональное предназначение компонентов текстовой категории персональности представляют собой явления взаимосвязанные и взаимодействующие [Дзялошинский, 2012; Левченко, 2013; 2015; 2017; Нойберт, 2003]. Так, функция текста, предполагающая рефлексивное осмысление им своих чувств, мыслей, особенностей, реализуется в ходе функционального воздействия таких компонентов, как экспрессивно-эмотивный и идентификационный. Функция интерпретации, обусловленная стремлением реципиента определить суть явлений окружающего мира, диагностическая функция, позволяющая раскрыть в тексте личностные, социальные или культурные особенности говорящего, а также функция информирования – соотносятся с информативным компонентом категории персональности. Функции художественно-эстетического воздействия для текста и категории персональности имеют аналогичное значение. Функция психологического воздействия на адресата

реализуется за счет таких компонентов, как нормативно-побудительный и эмотивный. При этом категория персональности проявляет себя как некий транслятор общественной культуры, обеспечивает передачу культурных ценностей, объясняет мотивы, ценности, потребности субъекта.

Исследования категории персональности заняли прочное место в языкознании, приобрели статус самостоятельного лингвистического направления и направлены на выявление языковых закономерностей в реализации рассматриваемой категории. Для этого могут быть выделены так называемые маркеры персональности, отмечаемые в тексте: морфологические, лексические, стилистические. В ходе изучения потенциала категории персональности учитывается тот факт, что при диалоге автора с читателем динамические текстовые единицы, имеющие лингвистический и экстралингвистический характер, различаются по своим функциям и объему коммуникативной составляющей, играют различные по содержанию и значимости роли в формировании системы «автор – текст – читатель».

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется, прежде всего, необходимостью системного описания персональности как универсальной категории, обладающей значительным текстообразующим потенциалом, и выявлением конкретных способов реализации данного потенциала. Такие исследования неизбежно будут связаны с анализом репрезентации личности в тексте, который важен с точки зрения антропоцентризма современного языкознания. Textoобразующая категория персональности и ее потенциал вызывают особый интерес в лингвистических исследованиях, поскольку вербальная форма эмоционально-оценочного отражения личности является фундаментальной категорией сознания. С этих позиций категория персональности является универсальной, а ее проявления в языковой системе обусловлены особенностями динамической системы выразительных средств и мышления автора. Актуальность исследования обусловлена, в том числе еще и отсутствием четких описаний функций

потенциальных компонентов категории персональности и результирующих показателей их функционального воздействия.

Степень научной разработанности. Исследование функционально-семантической категории персональности обусловлено тем фактом, что персональность как ведущая текстообразующая категория является определяющей для модальности, темпоральности, последовательности и других категорий текста, отражая сознание субъектов, участвующих в речевой деятельности [Бондарко, 1996; Голев, 2004; Девятова, 2001; Касаткин, 1984; Левченко, 2013; Скрипник, 2016].

На изучение категории персональности направлен ряд работ, освещающих категорию лица глагола. Это труды В.В. Виноградова [Виноградов, 1975], А.М. Пешковского [Пешковский, 1956], А.А. Потебни [Потебня, 1999], А.А. Шахматова [Шахматов, 1957], А.А. Юдина [Юдин, 1970], Р.О. Якобсона [Якобсон, 1985] и др. З.М. Мурыгина [Мурыгина, 1980], Е.В. Падучева [Падучева, 1985], О.Н. Селиверстова [Селиверстова, 2004], А.М. Шелякина [Шелякина, 2001] рассматривают категорию персональности в аспекте семантики и функций личных местоимений. Одним из ведущих подходов в изучении категории персональности является функциональный: он представлен в исследованиях А.В. Бондарко [Бондарко, 1996], А.П. Володина [Володин, 1998], Г.А. Золотовой [Золотова, 1974], Н.К. Онипенко [Онипенко, 2014], Е.И. Соловей [Соловей, 2019а], В.В. Химика [Химик, 1990], А.М. Шелякина [Шелякин, 1998], А.Д. Шмелева [Шмелев, 2002] и др. В этом случае категория лица изучается как явление, образующее функционально-семантическое поле с центральными и периферийными грамматическими конституентами.

Изучение текстового потенциала категории персональности осуществляется в работах, освещающих различные аспекты текстообразующих категорий и выразительных средств, так или иначе затрагивающих и характеристики категории персональности. Значимыми исследованиями такой проблематики являются работы Л.И. Борисовой о стилистических трансформациях и метафорах [Борисова, 2016], А.Е. Гусевой о структурной организации антропоцентрически

ориентированных концептов [Гусева, 2016], И.Г. Жировой об эмоционально-оценочном дискурсе [Жирова, 2011], И.Г. Кошевой о семантико-фонетическом комплексе [Кошечкина, 2017], Л.А. Телегина о развитии метафорических значений [Телегин, 2017] и др. Исследования И.И. Валуйцевой [Валуйцева, 2014], М.Н. Левченко [Левченко, 2013; 2015; 2017], А.А. Осиповой [Осипова, 2014], Э.А. Сорокиной [Сорокина, 2015], И.Н. Филипповой [Филиппова, 2015], Г.Т. Хухуни [Хухуни, 2014] позволяют рассматривать категорию персональности с точки зрения системного подхода, в свете различных аспектов презентации, интерпретации и понимания текста.

Однако следует отметить, что проблема целостного представления когнитивно-коммуникативной категории персональности и ее текстовых возможностей в художественных текстах рассматривалась недостаточно полно, что, в конечном итоге, и обусловило выбор предмета/объекта данного исследования, а также формулировку его цели и задач.

Объект исследования: система когнитивно-коммуникативных средств языка, реализующих категорию персональности на уровне текста.

Предмет исследования: текстообразующие возможности категории персональности в современном языке.

Цель исследования: на основе целостного представления когнитивно-коммуникативной категории персональности определить ее текстообразующие возможности в художественных текстах.

На основе предварительного анализа положений теории и практического опыта по рассматриваемой проблеме, а также, в соответствии с поставленной целью, была выдвинута следующая **гипотеза исследования:** система когнитивно-коммуникативных средств, обуславливающих текстообразующие возможности категории персональности, выполняет в художественном тексте ряд функций: служат для передачи информации о субъекте и адресате речи; раскрывают представления о явлениях окружающей действительности; транслируют эмоции и экспрессию; идентифицируют субъекта и объекта речи; передают культурные и социальные особенности. При этом реализуются данные средства при помощи

языковых элементов разных уровней: личных и неличных предложений, форм глаголов и местоимений, вводных слов, средств лексико-семантической выразительности и экспрессивного синтаксиса и т. д.

Исходя из цели и гипотезы исследования, определены его основные **задачи**:

1. Выявить с помощью теоретического анализа характеристики элементов системы категории персональности, средства ее выражения, особенности взаимосвязей и иерархии между компонентами системы данной категории.

2. Установить и описать языковые средства выражения категории персональности в плане текстообразования, как элементы конструирования текста, обратив особое внимание на специфику их использования в произведениях художественной литературы.

3. Определить особенности имплицитности / эксплицитности и комплексности как основных характеристик реализации категории персональности в тексте.

4. Выявить способы актуализации образа адресата в процессе функционирования категории персональности в тексте.

5. Показать возможности экспрессивного синтаксиса и лексической выразительности, проявляемые при функционировании категории персональности в тексте.

6. Описать результирующие показатели функционального воздействия информативного, эмотивного, экспрессивного, идентификационного, художественно-эстетического, эмпатического, перцептивной актуализации, побудительно-нормативного компонентов текстового потенциала.

Теоретико-методологической основой исследования послужили понятия о категории лица как средстве выражения семантических значений в работах А.М. Пешковского [Пешковский, 1956], А.А. Потебни [Потебня, 1999], А.А. Шахматова [Шахматов, 1957]); исследования средств выражения категории лица в трудах Г.А. Золотовой [Золотова, 1974; 1982]; анализ когнитивных аспектов персональности, проведённый А.В. Бондарко [Бондарко, 1976; 1981; 1984; 1996]; мысль о функциональных характеристиках текста

И.М. Дзялошинского [Дзялошинский, 2012]; исследования лингвистических явлений Л.А. Ноздриной [Ноздрина, 2001]; положения Е.М. Якимовой об историко-культурном потенциале текста [Якимова, 2016]. В контексте исследования категории персональности важными являются теоретические и методологические основы типологического исследования текстов разных литературных жанров М.Н. Левченко [Левченко, 2018]; идеи Е.А. Красиной о персональности как прагматической категории [Красина, 2016]; Е.Л. Кузьменко – об отражении эмоциональных состояний личности в языке [Кузьменко, 2011]; П.Н. Хроменкова и О.И. Максименко – о прагматическом потенциале поэтического текста [Хроменков, 2016].

Научная новизна результатов исследования заключается в разработке теоретических положений, методических подходов, а также практических рекомендаций по выявлению ранее не описанных в научной литературе языковых средств категории персональности, обладающих определенным текстовым потенциалом (выполняющих определенные функции: передачи культурных ценностей, художественно-эстетического и психологического воздействия, интерпретации, рефлексии, самовыражения личности автора и персонажей и пр., при этом обладающих универсальным характером, что подтверждается исследованием текстового материала на 3-х языках: русском, английском и немецком), в процессе реализации которого (потенциала) отражается многогранность личностных интенций автора, его эмоционально-когнитивных свойств, раскрывается единая система презентации авторского творческого процесса.

Положения, выносимые на защиту:

1. Персональность как категория, наделенная потенциалом, реализуемым в тексте посредством языковых единиц разных уровней, определяется за счет способности глагольных форм и других языковых средств выражать различные свойства субъекта речи. При этом учитываются особенности его деятельности, поведения, характеристики его личности, а также действовать в языке в

комплексе с другими текстовыми категориями (темпоральностью, экспрессивностью, модальностью, эмотивностью и т. д.).

2. Текстовый потенциал категории персональности обусловлен целым рядом функций (информирования, интерпретации, передачи культурных ценностей, художественно-эстетического и психологического воздействия, передачи культурных ценностей и пр.), предназначенных для идентификации личности и передачи отношения данной личности к происходящему. Одной из значимых функций является актуализация рефлексивных процессов адресата за счет целенаправленного обращения автора к опыту читателя, отнесение этого опыта к определенным ситуациям, помещение его в локус внимания.

3. Специфика выразительной лексики и экспрессивного синтаксиса в функциональном проявлении персональности определяется частотностью использования в текстах таких синтаксических фигур, как повтор, антитеза, синтаксический параллелизм, эллипсис, риторический вопрос, инверсия, фигура умолчания, безличные предложения и др. Вместе с тем особую функциональную нагрузку несут аллегории, метафоры и метафорические сочетания, градация, сравнения и пр.

4. Среди выявленных компонентов потенциала категории персональности (информативного, эмотивного, эмпатического, экспрессивного, художественно-эстетического, побудительно-нормативного, перцептивной актуализации, идентификационного) наиболее частотными являются сочетания эмотивного и информативного компонентов (за счет использования идиом, аллегорий, эпитетов, неопределенно-личных предложений) и эмотивного и эмпатического компонентов (аллегорий, метафор и метафорических сочетаний, повтора, изменение синтаксиса микротемы).

5. Выявленные компоненты текстового потенциала персональности могут быть одновременно в определенных языковых конструктах: сочетать в себе информативный / эмотивный и эмотивный / и эмпатический компоненты. Однако в каждом случае лишь один компонент является доминирующим, исходя из интенциональности автора, что характеризует текстовый потенциал категории

персональности как сложное многофункциональное явление, раскрывающее в тексте особенности личности (интеллектуальные, когнитивные, культурные, эмоциональные, коммуникативные и т. п.), создавшей текст.

6. В русском, английском и немецком языках текстовой потенциал категории персональности реализуется универсальным образом. Это проявляется, прежде всего, как на уровне функциональных потенций данной категории (служат для передачи информации о субъекте и адресате речи, транслируют эмоции и экспрессию, идентифицируют субъекта и объекта речи, передают культурные и социальные особенности и пр.), так и при использовании языковых элементов (личных и неличных предложений, форм глаголов и местоимений, вводных слов, средств лексико-семантической выразительности и экспрессивного синтаксиса и т. д.).

Теоретическая значимость. Результаты проведенного исследования вносят существенный вклад в развитие теории текста, а также уточняют и развивают основные положения о персональности как категории, обладающей богатым текстовым потенциалом. Основные результаты исследования вносят дополнения в технологию создания текста, в теорию и практику анализа текстов, в частности: в исследование таких языковых средств выражения категории персональности, которые выступают текстообразующими показателями и важными составляющими текстового потенциала данной категории. Кроме того, в работе определяются особенности экспрессивного синтаксиса и выразительной лексики в функциональном проявлении категории персональности; особенности актуализации рефлексивных процессов адресата с точки зрения персональности; особенности имплицитности и комплексности как функциональных характеристик категории персональности.

Практическую ценность работы составляет возможность применения её результатов в процессе конструирования структуры и содержания таких учебных курсов, как функциональная грамматика, риторика, переводоведение, филологический анализ текста, теория речевой коммуникации и другие, а также

спецкурсов по проблемам текста. Полученные результаты могут использоваться при написании научных исследований различного статуса.

Решение поставленных задач и достижение заявленной в работе цели предполагает использование как общенаучных, так и специальных **методов исследования:**

– описательно-аналитический метод и метод наблюдения (в ходе описания и анализа языкового материала – средств выражения категории персональности);

– метод сопоставления (при сравнении функционирования категории персональности в разных языках);

– метод моделирования и элементы метода трансформации (при изменениях, вносимых в средства выражения категории персональности с целью оценки их лингвистической сути);

– метод контекстуального анализа (при наблюдении языковых единиц в типичных контекстах их использования в речи).

Материалом исследования послужили художественные произведения известных мировых писателей на английском, немецком и русском языках: Agatha Christie “Five little pigs” [Christie, 2012], Ю. Семенова «Петровка 38» [Семенов, 2008], G. Holtz-Baumert. Alfons Zitterbacke: Geschichten eines Pechvogels [Holtz-Baumert, 2015]. При отборе художественных текстов использовались два критерия: 1) тексты должны быть признаны образцовыми в рамках литературного жанра; 2) тексты должны обладать определенной эталонностью и художественной ценностью с точки зрения языка.

Достоверность результатов исследования обеспечивается: объемом исследуемого материала (в общей сложности анализу подверглись 112 страниц русскоязычного текста, 220 страниц английского, 147 страниц немецкого, что в совокупности составляет 479 страниц печатного текста); непротиворечивостью положений и выводов диссертации, логичностью ее структуры.

Апробация работы. Результаты проведенного анализа и полученные итоги обсуждались на заседаниях кафедры германской филологии ИЛиМК МГОУ (2016–2019 гг.), были представлены на международных научно-практических

конференциях: «Гуманитарные и общественные науки в XXI веке: проблемы и основные направления их решения» (Москва, 2016), «Европейское пространство. Инновации в науке и образовании» (Москва, 2018), «Европейско-азиатское пространство. Инновации в экономике, науке и образовании» (Пекин, 2019), «Проблемы исследования и преподавания иностранных языков в поликультурном пространстве» (Краснодар, 2019), а также конференциях Московского государственного областного университета «Наука на благо человечества» (Москва 2017, 2018, 2019), отражены в 9 опубликованных статьях, шесть из которых изданы в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения.

Во введении обосновывается актуальность диссертационного исследования, выстраивается его научный аппарат: формулируются цели и задачи исследования, приводятся методы и материалы исследования, описываются достоверность и обоснованность результатов исследования, а также их апробация и обсуждение. Во введении также содержатся сведения о теоретической и практической значимости выполненного исследования, приведено его краткое содержание.

Первая глава работы *«Теоретико-методологические основы исследования категории персональности»* состоит из четырех параграфов, в которых рассматриваются подходы к исследованию категории персональности в современной лингвистике, средства выражения категории персональности, сущность и содержание понятия «потенциал текста» и категория персональности, представлен алгоритм анализа текста в рамках выявления текстообразующих возможностей категории персональности.

Во второй главе *«Текстовый потенциал категории персональности (на примере художественных произведений А. Кристи, Ю. Семенова, Г. Хольц-Баумерта)»*, состоящей из пяти параграфов, представлены материалы исследования комплексности как характеристики реализации функций категории персональности, имплицитности и эксплицитности как свойств функционального

проявления категории персональности, особенности актуализации рефлексивных процессов адресата, экспрессивного синтаксиса и выразительной лексики в функциональном проявлении категории персональности, а также содержание функций категории персональности и их результирующие показатели.

Каждый параграф и главы диссертационного исследования содержат выводы, а основные результаты выполненного исследования представлены в заключении работы. Раздел «Список литературы» представлен источниками на русском и иностранных языках, общим количеством 258 наименований.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования категории личности

В первой главе представлено теоретико-методологическое обоснование рассматриваемой проблемы: 1) обозначены подходы к исследованию категории личности, играющей центральную роль в формировании и проявлении других категорий текста, таких как модальность, последовательность, темпоральность и др., что говорит о её значимости как текстообразующей категории; 2) выявлены средства выражения категории личности как многокомпонентной категории, включающей в себя разнообразные языковые средства всех уровней языка: грамматического, лексико-семантического и т. д.; 3) в контексте рассматриваемой проблемы уточнены сущность и содержание понятия «потенциал текста», определяющегося (понятия) с точки зрения воздействия, которое текст оказывает на адресата.

Кроме того, в рамках первой главы представлен алгоритм анализа текстового материала, позволяющий исследовать совокупность языковых средств различных уровней, которые обусловлены системными отношениями, и в частности: выявить систему когнитивно-коммуникативных средств языка, реализующих категорию личности на уровне текста. Соответственно, введение данного алгоритма обусловлено не только гетерогенностью категории личности, проявляющейся в разнородности средств выражения, но и необходимостью выявления специфики связей между языковыми единицами разных уровней, закономерностей формирования текстового потенциала личности в разных языках.

1.1. Подходы к исследованию категории личности в современной лингвистике

Современное понимание личности основывается на определении грамматической категории лица, которая представляет собой систему

противопоставляемых форм, которые выражают соотношенность действия к его производителю с точки зрения адресанта. Категория лица как базовая синтаксически ориентированная глагольная категория является основным средством выражения семантических значений персональности (А.М. Пешковский [Пешковский, 1956], А.А. Потебня [Потебня, 1999], А.А. Шахматов [Шахматов, 1957]), Обозначение отношения действия к определенному лицу исследователями определяется как грамматическая функция личных форм глагола. В работах В.В. Виноградова [Виноградов, 1972, 1975], А.А. Юдина [Юдин, 1954; 1968; 1970] и др. Категория лица рассматривается как одна из составляющих предикативности предложения. Исследования теории синтаксического лица позволили В.В. Виноградову [Виноградов, 1972; 1975], Г.А. Золотовой [Золотова, 1974] заключить, что средства выражения категории лица не ограничивается глагольным спряжением. Ученые квалифицировали категорию, основанную на лице, но не ограниченную им, как функционально-семантическую категорию (ФСК) персональности. При этом А.В. Бондарко [Бондарко, 1996] указывает, что именно на данной категории основывается соответствующее функционально-семантическое поле (ФСР).

В современных лингвистических работах М.Н. Левченко, А.А. Елиссеовой, И.В. Елистратовой и др. [Левченко, 2013], Л.А. Ноздриной [Ноздрина, 1993; 2001] персональность рассматривается как форма самопрезентации автора, его оценочно-идеологической позиции. В.В. Химик выделяет семантику, которая субъективно окрашена и передается в отношении автора к сообщаемому явлению, а посредством оценки факта проявляется и сам автор [Химик, 1990]. В современных исследованиях субъективная персональность рассматривается как базовый элемент и источник цели коммуникации, содержания сведений, характера речевых знаков, другими словами, прагматики высказывания. В сущности, категория персональности является феноменом, включенным в процесс регуляции поведения другого человека [Леонтьев, 1969; Гнездилова, 2017]. При этом персональность определяет обстоятельства протекания речевых актов, а также возможности использования суждений в конкретных речевых контекстах.

Нельзя исключать того обстоятельства, что между различными видами речевых актов имеется иерархия, предполагающая главные и второстепенные речевые акты. Согласно Ю.С. Степанову [Степанов, 1998], соотнесение говорящим используемых им знаков со своим «я» относится к прагматике, что отражает особенности личности.

Любое высказывание, характеризующееся субъективной модальностью, выражает определенную личность, которая, в свою очередь, является субъективной. Представителями функционального подхода личность рассматривается как такая семантическая категория, которая характеризует всех участвующих в ситуации по отношению к самой ситуации, к другим субъектам взаимодействия, к высказывающемуся субъекту [Бондарко, 1981]. С точки зрения изучения когнитивных аспектов личности, содержательную основу данной категории составляет характеристика познавательной активности субъекта высказывания. Для субъекта высказывания его представленность во времени и пространстве является ориентацией в окружающей действительности, поэтому личность тесно связана с темпоральностью. Различия в выражении категории личности исследователи объясняют особенностями протекания мыслительных действий, характером умственных операций анализа, синтеза, сравнения и т. д. Различия в специфике логического мышления и эмоционально-оценочного отражения объектов действительности проявляются в языковых феноменах. Так, отмечается, что в русском языке в большей степени, чем в английском, доминирует оценочно окрашенная лексика, в английском языке преобладают модальные глаголы для выражения личности [Гильмутдинова, 2019; Скрипник, 2016].

Мыслительные и языковые категории различных языков в большинстве случаев не совпадают, однако логические основания функционирования языков служат соотнесению в них разных аспектов личности. Согласно А.В. Бондарко, для изучения слова и выявления его функций необходимо рассмотреть закономерности функционирования его словоформ. Функционально-семантическое поле личности при этом связывается с субъектностью, в

качестве основы которой выступает семантическая категория агентивности, предполагающая понятие о действующем лице [Бондарко, 1984]. Изучение взаимосвязей признака с его носителем и формой его выражения в тексте дает возможность проводить различия между понятиями «морфологическое лицо» и «персональность». Очевидно, что понятие персональности является более широким, чем понятие «лицо», а категория персональности понимается как целостная система средств языка разного уровня – морфологических, синтаксических, лексических. Центром же ФСП персональности являются формы лица глаголов и личных местоимений [Бондарко, 1991]. Отношения и семантика персональности могут быть описаны посредством множества языковых единиц, находящихся по своему объему между словом и высказыванием.

Для ФСП персональности важным является понятие ситуации, которая выступает типовой по своему содержанию структурой. В таком аспекте отношение к лицу рассматривается достаточно широко: анализируется взаимодействие участников ситуации, отношение ситуации и ее участников к окружающей действительности, лицам и предметам, выступающим как внешние по отношению к ситуации. Категориальные ситуации персональности рассматривает в диссертационном исследовании В.А. Чистов. Категориальную ситуацию персональности он определяет как «структурно-семантическое единство, образуемое одним или несколькими актантами при каждой глагольной форме (как финитной, так и нефинитной), выступающей в высказывании» [Чистов, 2008, с. 5]. Важными компонентами и условиями ситуации исследователь считает сопряжённость лиц в её пределах, компоненты, актуализирующие ситуацию или смягчающие коммуникативное воздействие в ней (например, пропуск местоимений, употребление неличных местоимений и т. п.). Исследователями выделяются разные типы ситуаций персональности: персональная ситуация адресантной определенно-личности [Харабаева, 2013] и др.

Семантически центр категории персональности составляют смысловые значения персональных отношений. В составе поля выделяются макрополя и

микрополя, которые образуют единую систему, имеющую свою иерархию ядерных единиц и периферийных языковых средств выражения персональности. Более подробно состав категории персональности будет рассмотрен в следующем параграфе.

Анализ подходов к определению лица показал, что в каждом случае речь идет об определении характеристик субъекта высказывания и участия в высказывании других субъектов. При этом рассматриваются два аспекта отношений между первым лицом (высказывающийся), вторым лицом (слушающий) и третьим лицом (предмет высказывания). Один аспект представлен отношением действия, которое выражено предикатом, и его грамматического (семантического) субъекта; другой включает отношение действительной операции к его производителю, совокупность эмоций и когнитивных функций, характеризующих отношение адресанта к различным явлениям ситуации, к ее характеристикам. В этом случае имеется возможность для более полного описания языковых средств, которые выражают отношение к лицу, а также для выявления функциональных проявлений персональности.

Д. Мюллер [Müller, 1973] говорит о коммуникативном факторе, который позволяет выявить значимые аспекты персональности, взаимосвязи ее составляющих и особенности проявления в соотношении с категорией лица или субъекта. Согласно мнению ученого, классификационным признаком может стать необходимость отражения в тексте (высказывании) авторской позиции. При этом выражение субъекта связано с функцией члена предложения в первом и втором лице, а отсутствие выражения – с функцией члена предложения в третьем лице. Коммуникативная роль субъекта речевой деятельности помогает определить его объективные, наиболее существенные характеристики, не зависящие от точки зрения адресанта или ситуации общения. Д. Мюллер, как видим, противопоставляет понятия «лицо» и «субъект», имея в виду под первым личные формы глагола как составляющие грамматической категории лица глагола, передающие информацию о лице и субъекте.

А.В. Бондарко указывает, что форма первого лица не только обозначает участие говорящего в событии, выраженном глаголом. Если это форма первого лица множественного числа, то она может обозначать характеристики участия говорящего в речевом акте, а не в событии, обозначенном в высказывании [Бондарко, 1991]. Неопределенно-личные глагольные формы близки по значению к безличным формам, обозначающим действие субъекта, который не является определенным. Инфинитивная форма, в отличие от безличных глаголов, имеет возможность раскрывать активность субъекта, показывать его разнообразные действия. То есть инфинитив в инфинитивных предложениях может быть средством выражения персональности, как, впрочем, и безличные формы глагола в некоторых случаях. Т.В. Чумакова отмечает, что инфинитивные предложения являются компонентами синонимических парадигм, каждый из членов которых по-разному выражает персональность. В результате говорящий может выбрать именно ту синтаксическую модель, «которая является оптимальной в определенной речевой ситуации» [Чумакова, 2013, с. 77].

С точки зрения функционального подхода персональность представляет собой одну из основных категорий, формирующих сказуемость, служащих связи между субъектом действия и производимым им действием. Традиционно персональность относят к дейктическим категориям языка, которые опираются на грамматическую категорию лица, а, следовательно, обладают функциями дейксиса. Согласно А.В. Бондарко [Бондарко, 1991], персональный дейксис является одним из основных видов дейксиса наряду с локативным и темпоральным.

Дейктическая категория, выраженная лексическими и грамматическими средствами, актуализирует компоненты ситуации речевого высказывания. Персональный дейксис может выражаться местоимениями, указывающими на участников общения – говорящего и адресата. К. Шеппер считает, что понятие адресата (объекта речи) в категории персональности универсально, в то время как феномен говорящего (субъекта речи) может отличаться в разных языках [Schepper, 2015, p. 137]. Г.А. Золотова отмечает, что субъект высказывания

занимает центральное место по отношению ко всем участникам коммуникации. Семантические характеристики персональности основываются на отношениях между участниками речевой ситуации. Участники могут взаимодействовать и не взаимодействовать между собой, при этом субъектом ситуации может выступать говорящий или группа лиц, в которую он входит, а может – слушающий и т. п. [Золотова, 1974].

Существует более широкое определение персональности: в этом случае в объем категории включается лицо субъекта и объекта [Золотова, 1974]. В связи с наличием взаимосвязи персональности, субъекта и объекта различают типы субъектов. Так, А.В. Бондарко [Бондарко, 1984] основанием типологизации предлагает принять позицию субъекта: подлежащее, дополнение, атрибут. Г.А. Золотова [Золотова, 1974] классифицирует субъект в зависимости от его семантики, представленности его в предложении. Субъекты могут иметь определенно-личностное, неопределенное или обобщенное значения. Очевидно, что категория персональности включает субъектность и объектность, а также те случаи, когда в высказывании представлена грамматическая категория лица.

Ядро системы категории персональности включает формы лица местоимений и глаголов. Особое значение для семантического центра категории персональности имеют местоименные и глагольные формы 1-го лица. Затем – формы 2-го лица, после чего – противопоставленные данным двум группам формы 3-го лица. Следует отметить, что ядро языковых средств выражения категории персональности содержит в себе только формы именительного падежа, которые являются подлежащим и входят в предикативную основу предложений. Так, Г.А. Золотова указывает, что определенно-личная модификация «выражает действие 1-го или 2-го лица (в единственном или множественном числе), при неназванном субъекте – личным окончанием глагола» [Золотова, 1974]. Личные местоимения в косвенных падежах, не выступающие в функции подлежащего, играют роль связующего звена ядра системы и периферийных компонентов.

Основными средствами, которые являются компонентами системы персональности, являются притяжательные местоимения, совмещающие указание

на лицо и значение принадлежности. В данном микрополе представлен также «комплекс синтаксических, интонационно-синтаксических, лексико-синтаксических и лексических средств» [Володин, 1998]. Семантическая система языка определяется различными неязыковыми механизмами, имеющими когнитивную и нейрофизиологическую природу и представленные в языковых структурах [Ушакова, 2011]. В свою очередь, языковые структуры детерминированы спецификой динамики когнитивных процессов. Это доказывает положение о зависимости языка от процесса познания субъектом действительности, всех психологических феноменов, составляющих систему формирования образа речевой ситуации.

Фактом является также и то обстоятельство, что концептуальные комплексы не только фиксируются в какой-либо языковой структуре, но и трансформируются в семантические явления. Следовательно, отраженные в языке семантические комплексы представляют опыт восприятия субъектами отраженной действительности. При таком подходе становится очевидным, что персональность не просто участвует в реализации речевого акта, она, в большой степени, определяет сам речевой акт, его семантику, обстоятельность (ситуативность), грамматическую оформленность и др. При этом персональность не обязательно требует грамматикализации в форме морфем или личных местоимений. Для местоимений 3-го лица на первом месте стоит лексическая репрезентация, с помощью которой передается информация, ее описание. Универсальность категории персональности, представленность её в разных языках объясняется потребностью говорящего как можно более точно создать отношение между словом и объектом неязыковой действительности. С помощью Я-местоимения субъект речевой деятельности выстраивает коммуникацию, формирует рефлексию собственных образов, что придает дейктическим местоимениям социально-психологическое значение.

С категорией персональности и выражающими её языковыми единицами связаны другие семантические категории, которые выполняют в языке и тексте разнообразные прагматические функции. Данные категории определяются

социально-психологической характеристикой субъектов говорения, их мировоззрением, личностными и коммуникативными потребностями, что позволяет семантическим категориям отражаться в дискурсе и играть существенную роль при непосредственном влиянии личности в коммуникативном взаимодействии.

Персональность как элемент дискурса активно анализируется в исследованиях последних лет [Гапутина, 2018; Казимова, 2004; Шевцова, 2015 и др.]. Под дискурсом в современной лингвистике понимается «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова, 1998а, с. 136]. Э.А. Казимова рассматривает персональность в дискурсе побуждения и выясняет: «Стратегия общения диктуется в первую очередь позицией персоны. Следовательно, персональность определяет характер дискурса побуждения» [Казимова, 2004, с. 7], то есть дискурс побуждения формируется под влиянием создающей его личности, на основе средств персональности, представляющих эту личность в тексте. Персональность рассматривается как неотъемлемый элемент политического дискурса [Петрухина, 2016], авторского художественного дискурса [Компанец, 2017] и других типов дискурса. Социопрагматический аспект персональности, которой заключается в её культурной специфике, является универсальным, однако при этом в разных языках он представлен разнообразием функциональных моделей [Ефремова, 1996].

Очевидно, что категорию персональности нельзя определить в полной степени, ориентируясь лишь на грамматическую категорию глагола. М.Ю. Захарова даёт следующее определение: «Персональность – это группировка разноуровневых (морфологических, синтаксических, лексических, а также комбинированных лексико-грамматических) средств данного языка, служащих для выражения различных вариантов отношения к лицу» [Захарова, 2015, с. 19]. То есть всё в языке, что так или иначе связано с передачей информации о лице, говорящем или производящем действие, о лице, имеющем какое-то отношение к

акту речи, составляет персональность как многоуровневую комплексную категорию. Большинство исследователей полагают, что персональность связана с построением предложения, формированием его предикативного центра, а обозначение носителей персональных отношений связано с личными местоимениями [Арутюнова, 1998б; Недобух, 2008; Степанов, 1998]. В современных лингвистических исследованиях считается признанным положение о том, что значения категории персональности отражают отношения между всеми участниками коммуникации. Персональность можно трактовать с точки зрения способности глагольных форм выражать отношение между действием и субъектом действия, выступающим в предложении как подлежащее.

Персональности принадлежит центральная роль в формировании и проявлении других категорий текста, таких как модальность, темпоральность, последовательность и др., что говорит о её значимости как текстообразующей категории. Одним из важнейших вопросов категории персональности является вопрос о составе языковых средств, способных выражать персональность и каким-то способом транслировать в предложении и тексте значение лица.

Таким образом, рассмотрев основные подходы к исследованию категории персональности в современной лингвистике, можно установить, что на сегодняшний день нет единой позиции относительно данной проблемы. Ученые предлагают разные определения понятию персональности, различные подходы к исследованию этой категории. Вероятно, неоднозначность представления данной проблемы в современной лингвистике обусловлена многогранностью (многокомпонентностью) самой категории персональности, которая (категория) способна формировать семантическую, грамматическую, функциональную стороны текста, с чем и связано её отнесение к текстообразующим категориям. Кроме того, категория персональности транслирует эмоционально-когнитивные аспекты субъекта речи, что, в целом, формирует текст: такая способность персональности придает ей универсальный характер. При этом отметим, что различия в конкретном языковом выражении категории персональности детерминированы языковыми системами, для которых характерны определенные

разноуровневые (морфологические, синтаксические, лексические и пр.) средства, служащие для передачи информации о лице, говорящем или производящем действие, а также имеющем какое-то отношение к акту речи. Все вышесказанное позволило сформулировать следующее рабочее определение исследуемой категории. Категория персональности (персональность) – это текстообразующая категория, обеспечивающая формирование семантической, грамматической, функциональной стороны текста, за счет передачи эмоционально-когнитивных аспектов субъекта речи (лица, говорящего или производящего действие, а также имеющего какое-то отношение к акту речи) при помощи разноуровневых средств: морфологических, синтаксических, лексических и пр.

1.2. Средства выражения категории персональности

Анализ работ, раскрывающих сущность категории персональности, показывает, что персональность может быть реализована эксплицитно или имплицитно [Артамонов, 2009; Литвяк, 2018; Уразаева, 2002 и др.]. В случае, когда имеется прямое наименование лица (собственное или нарицательное имя существительное), или местоимение, называющее лицо, имеем дело с эксплицитным характером выражения персональности. Но когнитивная интерпретация явлений внеязыковой действительности обуславливает имплицитность выражения категории персональности. Субъективные значения, исходящие от говорящего, содержатся в каждом предложении.

Исследователи неоднократно обращались к изучению проблемы выражения персональности в разных языках, определяя сходство и различия функциональной представленности рассматриваемой категории в текстах [Гак, 1991; Гильмутдинова, 2019; Соловей, 2019б; Теория..., 1991 и др.]. На основании этих исследований можно выделить две большие группы средств выражения персональности: лексико-семантические и грамматические. В основе категории персональности, несомненно, лежит морфологическая категория лица, которая является «грамматической словоизменяющей категорией глагола»,

определяющей «отношение субъекта действия (процесса, качества) к говорящему лицу», «отнесенность или неотнесенность действия к участникам речевого акта» [Русская..., 1980, с. 636]. Основными понятиями грамматической категории лица являются понятия субъекта действия, говорящего, речевого акта, его участников. Основной сферой её применения в языке выступает словоизменение глагола.

Морфологическая категория лица относится к языковым категориям, формирующим предикативность предложения, делающим высказывание законченным, точным, ясным. По мнению А.М. Пешковского, «есть необходимая категория языковой (да и не только языковой) мысли, присущая ей по самой ее сущности: ведь без лица говорящего не может быть и речи...» [Пешковский, 1956, с. 306]. Очевидно, что категория лица является коммуникативной, связанной с организацией процесса общения и речевого взаимодействия, передающей отношение автора к ситуации или явлению, а также выражающей связь ситуации с автором и участниками. В.Г. Гак отмечает: «Категория лица, рассматриваемая нередко как одна из базовых категорий предикации, принадлежит предложению, реализуется... в обязательной или возможной связи финитной формы глагола со словом, указывающим на субъект...» [Гак, 1991, с. 73]. Однако рассмотрение языковых средств категории персональности не следует ограничивать только характеристикой глагольного спряжения, анализом личных форм, поскольку категория полифункциональна и касается всего речевого акта.

По утверждению А.В. Бондарко, систему языковых средств выражения категории персональности необходимо распределять по двум направлениям: элементы первого порядка (1-го ранга, центральные) определяются лицом, относящимся к субъекту-подлежащему, и выражаются за счет связанных с ним смыслов; элементы второго порядка (2-го ранга, периферийные) определяются лицом, которое выражено дополнением, а также объектом и атрибутом. Такое деление является системой ядерных и периферийных средств категории персональности и ориентируется не на сами средства, а на то, какой смысл они выражают в предложении. Языковое явление, независимо от того, к группе какого порядка оно принадлежит, имеет свою систему средств выражения

персональности, среди которых основной является категория лица [Бондарко, 1976; 1984; 1991; 1998].

Л.К. Гильмутдинова и Е.А. Бобкова терминологии, включающей понятия «ядро» и «периферия» категории личности, противопоставляет иную терминологию: «северном полюсе шкалы личности / безличности» (ядерные средства) и «южный полюс» (средства крайней периферии) [Гильмутдинова, 2019]. Однако целесообразно придерживаться более традиционной терминологии. Так, среди центральных (ядерных) средств выражения категории личности выделяют:

1) личные формы глагола 1-го и 2-го лица в индикативе или императиве, которые указывают на связь действия с субъектом;

2) личные местоимения 1-го и 2-го лица в форме Им.п., которые выступают в качестве подлежащего в предложениях и обозначают субъекта.

Одновременное использование автором личных глагольных форм и личных местоимений выполняет задачу выделить субъекта действия.

Существуют и другие мнения относительно центра категории личности. С.П. Петрунина, к примеру, считает, что в него входят личные существительные – собственные имена лиц (*Иван, Петровна*), термины родства (*мама, сын*), наименования лиц по профессии (*доктор, учитель*), слова, каким-то образом характеризующие объект речи (*подруга, сосед, певунья*) [Петрунина, 2006, с. 184-185]. Считаем необходимым придерживаться традиционного взгляда на состав ядра категории личности. Безусловно, личные существительные играют значимую роль для выражения значения личности, однако относить их следует не к центру, а к периферии категории, так как она представляет моноцентрическую категорию бинарного типа, основанную на грамматических, а не на лексико-семантических компонентах. Если центром категории личности традиционно выступает грамматическая категория лица глагола, а в её пределах – формы глаголов 1-го лица, а также личные местоимения 1-го лица в именительном падеже (это ФСК моноцентрического типа с бинарной структурой центра), то есть «прототипические личные предложения»

[Гильмутдинова, 2019], то относительно периферии категории существуют разные мнения. При исследовании вариантов поля персональности в разных языках лингвистами отмечаются не только категории глаголов, но и существительного, личные и притяжательные местоимения, личные и безличные предложения.

Несомненно, что система периферийных средств выражения категории персональности гораздо более разнообразна, чем система ядерных средств. В ней может быть выделена ближняя и крайняя периферия. Е.И. Соловей относит к периферии категории формы косвенных падежей личных местоимений, притяжательные местоимения, возвратное местоимение *себя*, инфинитивные конструкции, безличные формы, имена собственные лиц и т. п. [Соловей, 2019б]. А.П. Володин предлагает трактовать эту категорию, учитывая изменения по лицам глаголов, имён, личных значений субъекта, объекта, особенностей выражения лица, значений личной принадлежности и т. п. [Володин, 1998]. Из этих и других средств к ближней периферии (околоядерной части) категории персональности относятся:

- 1) косвенные падежи личных местоимений 1-го и 2-го лица, которые выполняют в предложении роль второстепенных членов [Шевцова, 2015];
- 2) личные формы глаголов 3-го лица;
- 3) местоимения 3-го лица, указывающие на лицо или лица [Мальцева, 2018, с. 356];
- 4) притяжательные местоимения [Шевцова, 2015];
- 5) возвратное местоимение *себя* в разных падежных формах и т. п.

Формы будущего времени глагола обозначают действие, которое произойдет после описываемой или обозначенной автором актуальной ситуации. Будущее время, выраженное с помощью простых форм глагола совершенного вида («сделает») или сложных форм глагола несовершенного вида («будет делать»), в зависимости от контекста, способны порождать эмоциональное напряжение, что сопряжено с определением значимости для автора сообщаемой информации. При этом очевидно, что совершенный или несовершенный вид

может определять уверенность автора в том или ином явлении (действии) [Доминенко, 2019]. Таким образом, время глагола в соотношении с категорией вида выполняет функцию обозначения внутренних проявлений автора, служит для передачи в тексте его воображения, особенностей мышления, а в некоторых случаях – волевых характеристик субъекта речи.

В дальнюю периферию категории персональности разными исследователями включаются:

1) местоимения 3-го лица, указывающие на предмет [Мальцева, 2018, с. 356];

2) субстантивные местоимения – определительные, указательные, неопределенные: каждый, все, тот, некто, кто-то, nobody, someone и др. [Гриченко, 2013, с. 29; Миниярова, 1993];

3) собственные имена существительные, в первую очередь, имена лиц [Миниярова, 1993; Соловей, 2019б; Шевцова, 2015], в том числе, специфически для русского языка, диминутивы: Вовочка, Танюша [Гриченко, 2013, с. 26] и прецедентные имена собственные, например, в анекдотах: Штирлиц, Жерар Депардьё [Гриченко, 2013, с. 27];

4) нарицательные личные имена существительные: *читатель, учитель, мальчик, англичанин, левша, отличница, тип, субъект, муж* [Гриченко, 2013, с. 27-28; Миниярова, 1993; Шевцова, 2015];

5) неличные существительные, способные выражать отношение к лицу: *кукла, фигура, лицо*, в том числе собирательные: *люди, people* [Гриченко, 2013, с. 28] и др.;

6) субстантивированные прилагательные [Левченко, 2018];

7) субстантивные числительные: один, двое, оба и др. [Миниярова, 1993];

8) фразеологизмы [Ковшова, 2009];

9) эвфемизмы [Кутинова, 2019; Орехова, 2011];

10) глаголы авторизации [Шигуров, 2015];

11) модальные глаголы [Василенко, 1984; Двоенко, 2014];

12) причастия [Левченко, 2018] и деепричастия – «опосредованное выражение отнесенности к лицу, заключённое в деепричастных конструкциях» [Захарова, 2015, с. 20];

13) предикативные наречия (слова категории состояния);

14) модальные частицы [Нагорный, 2009; Уразаева, 2002];

15) междометия [Мещерякова, 2013; Уразаева, 2002];

16) обращения к читателю [Игнатов, 2019; Лаврентьев, 2011; Скрипник, 2016, с. 13], в том числе «обращения с названием титула, профессии, рода занятия или просто имени персонажа» [Левченко, 2015, с. 168];

17) обобщённо-личные предложения [Гильмутдинова, 2019; Копытов, 2009];

18) неопределённо-личные предложения [Серебрякова, 2015];

19) безличные формы глаголов и односоставные безличные предложения [Арутюнова, 1999; Березина, 2012; Бондарко, 1984; Гильмутдинова, 2019; Серебрякова, 2015; Соловей, 2019б; Степанов, 1998];

20) инфинитивные предложения [Соловей, 2019б; Широбокова, 2012];

21) пассивные синтаксические конструкции [Черняков, 2016, с. 400];

22) вводные (модальные) слова и выражения [Гапутина, 2018, с. 48; Мухин, 2002; Чаплыгина, 2002; Шигуров, 2015];

23) парцелированные конструкции [Гапутина, 2018, с. 48; Горбунова, 2015; Иванчикова, 1968];

24) риторические вопросы [Гапутина, 2018, с. 48; Двоенко, 2014];

25) вопросно-ответная форма изложения [Гапутина, 2018, с. 48];

26) лексико-семантические, лингвостилистические средства выражения категории персональности, участвующие в формировании образно-выразительного пространства текста: метафоры, метонимии эпитеты, сравнения, эмоционально-экспрессивная, оценочная лексика, коннотативные значения слов, идиомы, лексические и семантические повторы [Тихонова, 2010; Цатурян, 2019];

27) интонационно-синтаксические средства [Захарова, 2015, с. 20; Левченко, 2018, с. 168].

Потенциально на периферии (особенно на дальней периферии) категории персональности может оказаться любое языковое средство, каким-либо образом представляющее в тексте лицо или отсылающее к нему. Особая роль в выражении категории персональности принадлежит местоимению, которое отражает структуру коммуникативного акта, используется как заместитель собственного или нарицательного имени. Выражение категории персональности в предложениях с причастным оборотом может быть при наличии одного или более субъектов (носителей признака). Центральное место в системе средств выражения категории персональности имеют имена собственные и личные местоимения в 3-ем лице ед. числе.

Большие возможности в языковом представлении категории персональности имеют имена существительные. Так, использование автором нарицательных существительных, определяющих общее название для класса однородных предметов (*мальчик, лицо*), позволяет ему обобщить разнообразные характеристики предметов или явлений. Известно, что при обобщении объем понятия становится шире, однако содержание уменьшается. Исключая характерные признаки, присущие предмету, автор движется к расширению объема понятия, в то же время мысленно абстрагируясь от него. Такое отстранение от более подробных характеристик может служить автору не только для логического представления, но и для выражения безразличного отношения или даже пренебрежения к описываемому предмету (персонажу).

Можно предположить, что подобные функции играют отвлеченные существительные, обозначающие отвлеченные понятия (*синева, доброта, восхождение, сон*). Однако, в связи с тем, отвлеченные существительные сочетаются с языковыми единицами *много, мало* (*много радости, «Сколько эмоций!»*), они могут быть эмоционально насыщенными, тем самым являясь следствием эмоционального обобщения. Под эмоциональным обобщением понимается оценка явления, выраженная с помощью чувства, раскрывающая сущность человека или явления [Рубинштейн, 2003]. Исходя из положений о том, что эмоциональное обобщение является следствием чувственного и

функционального опыта человека, рожденного при взаимодействии с обществом, можно с уверенностью сказать, что отвлеченные существительные, используемые автором, отражают его опыт общения, деятельности, взаимодействия, ценности, сформированные под влиянием уже сформированного социумом рационального обобщения. Надо также заметить, что эмоциональные обобщения являются одним из ключевых механизмов формирования и развития ценностей человека. То есть, автор, который использует языковые формы, отражающие эмоциональное обобщение, оказывает влияние на формирование ценностного отношения читателя к определенному явлению. И в этом случае ценностное отношение и переживание становится открытием для каждого конкретного человека, обращающегося к данному автору.

С точки зрения категории персональности заслуживают внимания переходные глаголы с отсутствующими безличными формами, которые обозначают действие физического, интеллектуального или социального характера, обращенное на тот или иной объект: *пишет, изучает, открывает (выставку)*. Безусловно, они способствуют выражению отраженной в сознании автора картины происходящего. Событие или персонаж представляется читателю, будучи обработанной сознанием автора, что выражается в определенном выборе автора глаголов и их форм. Необходимо также обратить внимание на глаголы с отсутствующими личными формами, обозначающими модальные состояния (*следует, надлежит*). В этом случае автором может подчеркиваться категоричность высказывания, строгость по отношению к персонажам, эмоциональная холодность, внешняя эмоциональная дистанция. В некоторых случаях особое значение имеет использование пассивных конструкций в тексте: так, использование пассивных конструкций с агентивным дополнением позволяет употреблять их в различных целях, поскольку пассивная структура фразы придает ей коммуникативный характер. Общеизвестно, что употребление пассивных конструкций позволяет обеспечить единство и связность текста.

Российские авторы, обобщая исследования рассматриваемой категории, классифицируют употребление её средств на основании признака определенности

языковых единиц, с помощью которых она может быть выражена. Поэтому в составе категории персональности выделяется микрополе неопределённо-личности. Г.А. Золотова относит к нему двусоставные предложения, в которых неизвестен или не назван субъект в силу нежелания автора его указать, и односоставные неопределённо-личные предложения, не предполагающие указание субъекта по своей лингвистической сути [Золотова, 1974]. Хотя в состав микрополя неопределённо-личности входят языковые единицы, не указывающие на конкретное лицо, их отношение к категории персональности несомненно, поскольку отсутствие наименования субъекта речи или действия вызывает у адресата текста стремление выяснить, кем он является, понять его имплицитное присутствие в тексте.

Аналогично выделяется микрополе обобщённо-личности, основными конституентами которого являются обобщенно-личные предложения, относящие производимое действие к максимально широкому кругу лиц. Г.А. Золотова выделяет в составе обобщенно-личных конструкций предложения пословичного, повествовательно-узуального и оценочно-характеризующего типов [Золотова, 1974]. Обобщённо-личные значения могут выражаться и двусоставными предложениями, например, такими, подлежащие которых выражены определительными местоимениями *каждый, всякий, любой* и их сочетаниями (*каждый из присутствующих, любой учитель* и т. п.).

Важнейшим микрополем в составе категории персональности является также микрополе безличности, которое противостоит микрополям неопределённо-личности и обобщённо-личности, поскольку они связаны с обозначением личности более тесно. Исследователи говорят о важном месте, которое занимает безличность в рамках поля персональности [Березина, 2012]. Конечно, единицы микрополя безличности (безличные глаголы и безличные формы глагола, предикативные наречия, односоставные безличные предложения) находятся на периферии языковых средств выражения персональности, поскольку не допускают использования подлежащего – главного ядерного средства категории. О важности безличных предложений в структуре русского языка

говорит А. Вежбицкая, отмечающая широкую представленность безличных предложений в русском языке по сравнению с другими славянскими языками и их связь с русским менталитетом – скромностью, стремлением к пассивности, склонностью к наблюдательности [Вежбицкая, 1996, с. 44].

Если более подробно рассмотреть морфологические средства выражения персональности, то необходимо особое внимание уделить функциональному содержанию наречий, грамматическому классу слов, обозначающих признак действия вне процессуального характера, предмета или другого признака: качества или свойства. Предикативные наречия, а также слова категории состояния, выступающие в синтаксической роли главного члена безличного предложения, служат для выражения состояния. Определение автором состояния может отражать собственно состояние автора, а в некоторых случаях, отношение к персонажу.

При определении авторского начала в тексте, содержания внутреннего мира автора, важно обратить внимание на наличие форм субъективной оценки наречий, которая создается с помощью суффиксов *-оват-*, *-еват-* (*маловато, простовато*), *-оньк-*, *-еньк-* (*тихонько, близенько*), *-к-* (*тихонечко*), приставки *пре-* (*превесело*) и редупликации (удвоения): *сладко-пресладко*. В зависимости от контекста, такие формы могут служить разным целям автора: от выражения душевной теплоты, радости, сердечности до выражения уничижительной оценки. Прибегая к подобным формам, автор способен принизить качества личности персонажа, что является выражением пренебрежительного отношения автора к действиям или поступкам героя. С другой стороны, формы субъективной оценки наречий способны усилить эмоциональную насыщенность сюжета или явления (например, *преспокойно, премило*), что с большой степенью вероятности может свидетельствовать об особом отношении автора к сообщаемой информации.

Обобщим исследования отечественных и зарубежных авторов, предлагающих рассматривать различные функции лексико-семантических средств выражения категории персональности. Одним из функционально насыщенных средств выражения персональности являются эвфемизмы,

представляющие многообразный пласт лексики любого языка. Используя данное выразительное средство, автор может выразить уважение к различным социальным группам [Орехова, 2011] или повысить социальную значимость какого-либо явления общественной жизни. Эвфемизмы выступают «маркерами локальности, темпоральности и персональности» публицистического текста [Кутинова, 2019, с. 43]. К эвфемизмам с подобной функциональностью относят наименования, относящиеся к сфере расовых особенностей, связанные с бедностью, со статусом человека. С целью маскировки негативных фактов, нейтрализации негативного восприятия или выражения аффекта автор использует эвфемистические замены. В этом случае с их помощью можно распознать эмоции автора относительно ценностей, установок, действий какого-либо субъекта или группы.

Авторы используют эвфемизмы, которые выражают определенное отношение смягченно, непрямо, желая противостоять лексике жаргона или использованию неприличных фразеологизмов. Выделяется несколько функций эвфемизмов: так, кооперирующая функция выражена в потребности говорящего предупредить социальное напряжение, что отражает наличие просоциальности авторской позиции. Мотивация автора, выраженная в желании вызвать у читателя уважительное отношение к определенным социальным группам, свидетельствует о толерантности самого высказывающегося, об его осознанном отношении к людям, что является отражением гуманистической позиции в мировоззрении автора. В сущности, говоря об эвфемизмах и их роли в выражении персональности, имеем дело с лексикой, свидетельствующей о мотивации автора нивелировать радикальность собственного мышления, что свидетельствует о способности самого автора воспринимать явления толерантно, избегая радикальных или экстремистских установок.

Исследователи отмечают значимую роль фразеологизмов в выражении авторской позиции [Ковшова, 2009; Лысенко, 2010; Осадчая, 2014]. Фразеологизм может выступать ведущим средством выражения авторского отношения, идеи, расширяя содержание повествования, усиливая информативность,

эмоциональную насыщенность текста. Можно говорить о многофункциональности фразеологизмов, поскольку они потенциально способны выражать авторское отношение к героям произведения, играть роль сравнительных элементов для предметов и явлений, передавать эмоциональные состояния и интенции автора. С помощью фразеологизмов автор имеет возможность имплицитно представить собственное видение ситуации, передать смысловые значения предмета описания. Такие возможности фразеологизмов создают предпосылки для создания у читателя художественного образа.

Исследования использования фразеологизмов в различных языках мира показывают все разнообразие эмоциональных проявлений, которые отражаются автором с помощью данной языковой единицы [Блытова, 2015; Зимовец, 2015]. Это может быть ирония, страх, тревожность, раздражение, надежда и т. д. Представленные в языках номинации предметов и явлений с помощью фразеологизмов во многом определяются социальными, психологическими, культурными феноменами. Можно предположить, что автор, использующий фразеологизмы, предстает перед читателем субъектом своего времени, особого восприятия действительности, характерного для определенного исторического периода развития общества или отдельной страны. Фразеологические обороты выступают своеобразной кодировкой эмоциональных переживаний автора. При этом эмоциональный мир автора, являясь следствием восприятия, познания и оценивания реальности, представленный разнообразными языковыми средствами, может стимулировать читателя на определенное отношение к тому объекту или событию, которое описывает автор. Особенностями фразеологизмов при выражении категории персональности является их экспрессивность.

В работах М.Л. Ковшовой определяются особенности восприятия языковой семантики фразеологизма, при этом вводится понятие «фразеологическая оценка», которое обозначает результат ценностного осмысления фразеологизма с учетом ценностей и культурных установок [Ковшова, 2009]. Автор текста достигает определенного эмоционального эффекта, используя в качестве периферийных средств выражения персональности эпитеты, метафоры и другие

тропы и образно-выразительные средства языка. Автор, определяя общую эмоциональную направленность текста, наделяя предмет некоторыми характеристиками, заставляющими читателя переживать определенные эмоции, сам опосредованно выражает собственное отношение к описываемому им явлению или предмету. М.А. Цатурян отмечает, что «автор высказывания вводит в свою речь те лексемы, которые будут иметь определённый эмоциональный отклик» [Цатурян, 2019, с. 95]. Таким образом он проявляет в тексте себя, свою личность, формируя персональность данного текста.

Одним из значимых средств выражения персональности может рассматриваться аллегория, носящая смысл уподобления в форме намеков, «запечатление умозрительной идеи в предметном образе» [Кожина, 1987].

Общепризнанным является то обстоятельство, что модальные слова выражают отношение уверенности/неуверенности автора к высказываемому сообщению. Состояние уверенности как комплексная характеристика личности включает в себя эмоциональные, поведенческие и когнитивные компоненты. Уверенность связана со способностью индивида предъявлять требования, выражать свои запросы в отношениях с другими людьми, с целенаправленностью действий и поведения. Следовательно, выражение автором уверенности или неуверенности с помощью языковых единиц может характеризовать авторскую позицию относительно явления. Исследователями установлено, что об уверенности субъекта высказывания также свидетельствует эмоциональность речи, связанная с открытостью, искренностью человека. Уверенный человек использует точную лексику, определяя характеристики предмета, не использует намеков, прямо выражает свои чувства. Для уверенной позиции высказывающегося субъекта характерны определенные формулировки, использование личного местоимения «я».

Напротив, о неуверенной позиции автора могут свидетельствовать уменьшительно-смягчительные выразительные средства, указывающие на низкий уровень интенсивности, умеренность, неопределенность действий. При этом надо отметить, что неопределенные конструкции при изображении кризисного

состояния персонажей, страхов, отчаяния, бесполезного существования, чувства тревоги из неизвестности ситуации. Модальные глаголы могут выполнять следующие функции:

- глаголы с функцией вероятности (автор использует их, когда выражает уверенность или неуверенность в происходящем и высказанном событии);
- глаголы возможности (автор использует их для характеристики умений);
- глаголы, свидетельствующие о необходимости и обязательствах (для того, чтобы сообщать о необходимом или напротив – говорить о ненужном);
- глаголы с функцией советов (для того, чтобы советовать или давать рекомендации);
- глаголы с функцией разрешения (для того, чтобы давать или просить разрешение);
- глаголы с функцией просьбы (для того, чтобы что-то просить или предлагать что-то сделать).

Можно говорить об особой функции с точки зрения категории персональности дискурсивных слов (вводных слов, модальных частиц, некоторых междометий), обеспечивающих связность речи. Они могут указывать на характер взаимоотношения между автором и читателем, а также передавать отношение автора к описываемым им событиям, ситуациям, явлениям. Вводные слова называют двухместным предикатом. С их помощью вводится субъективная позиция говорящего, дополняется посыл предиката предложения, при этом они могут употребляться в несвойственных для них функциях, что приводит к вариациям в семантике дискурсивных слов. Следовательно, вводные слова позволяют увидеть многогранность эмоций или идей автора (например, слово «кажется» в определенном контексте может выражать неуверенность и одновременно иронию, предположение), рефлексивные процессы автора, неуверенность, уверенность, сомнение, надежду, семантику достоверности, подчеркивание собственной точки зрения, степень доверия к лицу, а также степень его значимости.

Очевидно, что функцией выражения личности обладают междометия, которые могут выражать внутренний мир человека, его желания, мотивы, эмоции, мысли и т. д. [Мещерякова, 2013; Уразаева, 2002]. Междометия, относящиеся к категории эмоционально-экспрессивной лексики, помогают автору точно описывать людей, другие объекты, события, выражая при этом собственную позицию и собственные чувства. При этом междометия могут иметь яркую положительную или отрицательную окраску, тем самым выражая отношение автора к персонажам или явлениям действительности. Использование междометий позволяет автору характеризовать явления, передавать отношение и эмоции скорее имплицитно, чем эксплицитно.

Широкое распространение в художественных текстах получили парцелированные конструкции как средства выражения экспрессии [Иванчикова, 1968]. Авторы используют расчленение предложения на интонационно обособленные отрезки с целью выделить наиболее значимые моменты высказывания, акцентируя внимание читателя на характерных особенностях персонажей или какого-либо явления, на смысловой или эмоциональной выразительности. Использование автором парцелированных конструкций придаёт тексту оттенок непринуждённости речи, неофициальности отношений между писателем и читателем. С помощью парцеллятов автор может выразить душевную боль или напротив, большую радость, эйфорию, что может характеризовать самого автора – его настроения, эмоции, сила переживаний [Горбунова, 2015].

Особого внимания заслуживают интонационно-синтаксические средства выражения личности, также являющиеся периферийными для данной категории, однако используемые регулярно. К ним в первую очередь относят побудительные предложения, выражающие просьбу, мольбу, требование, призыв и т. п., а также инфинитивные предложения, в которых просьба, как правило, категорична: «*Стоять!*», «*Выйти вон!*». Такие конструкции напрямую передают обращение к какому-то лицу (лицам), а интонация связана в них с характером

императивности и намерениями субъекта речи, важными с точки зрения категории личности [Захарова, 2015, с. 20; Левченко, 2018, с. 168].

С понятием личности тесно связано понятие имперсональности. Анализируя поэтический текст, А.Н. Черняков и Т.В. Цвигун определяют её как «комплекс поэтических стратегий, в результате действия которых Я теряет самоидентичность, (само)отрицается, развоплощается, исчезает из текста и из бытия» [Черняков, 2016, с. 402]. Реализация имперсональности в тексте связана с отказом от употребления ядерных средств категории личности, наделением используемого местоимения «Я» негативной семантикой. Имперсональность тесно связана с личностью, по сути это её обратная сторона, с средствами выражения имперсональности становятся периферийные средства выражения личности [Дементьев, 2012; Тимошенко, 2000]. Для обозначения периферийных средств категории личности некоторыми исследователями формируется также отдельная функционально-семантическая категория имперсональности, в состав которой включены средства выражения в предложении соотношения между действием (состоянием) и его субъектом, не имеющим статуса подлежащего [Метс, 1981, с. 17; Тупикова, 2017, с. 121]. В состав средств данной категории включаются инфинитивные предложения, побудительные определённо-личные предложения, безличные предложения и т. п.

Таким образом, в ходе выявления основных средств выражения категории личности, было установлено, что на данный момент в лингвистической науке нет единой и максимально полной классификации этих средств. Практически каждый учёный, разрабатывающий данную проблему, предлагает свой перечень средств и их обозначений, однако, на наш взгляд, все рассмотренные классификации требуют существенной доработки. Исходя из того, что категория личности – многогранная (многокомпонентная) категория, была разработана классификация, вмещающая в себя целый комплекс средств данной категории, реализующихся условно на трёх уровнях:

– на уровне ядра (выражающегося, как правило, через личные формы глагола 1-го и 2-го л., личные местоимения 1-го и 2-го лица Им. п.);

– на уровне ближней периферии (околоядерной части, представленной притяжательными местоимениями, местоимениями 3-го лица, указывающими на лицо/лица, возвратным местоимением *себя* в разных падежных формах, личными формами глагола 3-го лица, косвенными падежами личных местоимений 1-го и 2-го лица);

– на уровне дальней периферии (включающей в себя фразеологизмы, субстантивные числительные, обобщённо-личные предложения, пассивные синтаксические конструкции, модальные частицы, междометия, эвфемизмы, тропы, фигуры и т. д.).

Соответственно, персональность как многогранная (многокомпонентная) по своему составу, включающая в себя различные языковые средства практически на всех уровнях языка категория, не может не оказывать влияние на особенности текста, в т. ч. и художественного, где личность автора проявляется наиболее активно. Обусловливается это не только имеющейся связью «между спецификой выражения данной категории в предложении и особенностями авторской позиции, характером структуры художественного текста» [Шемелева, 2018, с. 91–92], но и принципами формирования в художественном тексте «подвижной семантики субъекта речи» [Черняков, 2016, с. 399]. Таким образом, реализация данной категории в художественном тексте связана с её текстовым потенциалом.

1.3. Сущность и содержание понятия «потенциал текста» и категория персональности

Потенциал текста – это то воздействие, которое он оказывает на адресата, какой бы направленности оно ни было (эмоциональное, поведенческое и др.). Это воздействие исследователи определяют чаще всего как коммуникативное, устанавливая следующие его особенности:

1) автор, являющийся инициатором коммуникативного процесса, использует языковые средства для изменения сознания или поведения реципиента;

2) результатом воздействия могут быть изменения в характеристиках реципиента;

3) текст представляет собой не только явление речевой деятельности субъекта, но и в определенной степени социальное явление, в связи с включенностью субъекта высказывания (воздействия) и реципиента в социальный и культурный контекст [Солганик, 1997].

Воздействие на реципиента текста может быть оказано самыми разными способами, в том числе с помощью категории персональности. Текстовый потенциал зависит от функций, которые выполняет текст. Согласно Ю.М. Лотману, передача информации не является единственной функцией текста. С точки зрения автора, текст обеспечивает творческое рождение смыслов и социального взаимодействия, а содержание высказывания «приобретает в актах чтения иную аранжировку» [Лотман, 2004]. Р.О. Якобсон выделяет выполняемые текстом функции сообщения информации, экспрессивно-эмотивную функцию, призывно-побудительную [Якобсон, 1985]. По мнению И.М. Дзялошинского, выявляя значение текста в процессе воздействия, следует выделять четыре функции, среди которых: функция обозначения, побудительная функция, нормативная функция, а также функция оценивания [Дзялошинский, 2012]. Так, в процессе реализации функции обозначения говорящий включает обозначаемый предмет, явление или процесс в систему знаний, что позволяет заявлять о процессе комбинирования знаков, посредством которого адресат получает определенную информацию.

Функция обозначения, таким образом, в определенном смысле тождественна информативной функции. Связана с информативной функцией текста также репрезентативная, то есть функция изображения объекта, передачи информации о нём [Бюлер, 1993]. Исследователями выделяются различные разновидности информативной функции, например, креативно-информативная [Селезнева, 2013]. Для российских и зарубежных исследователей несомненно, что информативная функция – одна из самых важных для любого текста [McAloney, 1957], однако она далеко не всегда превалирует над другими функциями.

Категория персональности проявляется в процессе выполнения текстом в первую очередь побудительной (призывно-побудительной функции), однако в процессе реализации остальных функций она также задействована.

Говоря о функции оценивания, подразумевают, что с помощью различных знаков автор обозначает значимость предмета, явления, процесса или ситуации. Побудительная функция знаков выражается в приказах, просьбах, советах и т. п. Нормативная функция определяется с помощью знаков, обозначающих стандарты, правила и т. д. Реализуемая функция в определенном смысле формирует структуру текста. Так, по мнению М.М. Бахтина, «ближайшая социальная ситуация и более широкая социальная среда всецело определяют – притом, так сказать, изнутри – структуру высказывания» [Бахтин, 2000]. Средства персональности включаются как элементы в структуру текста, обозначая присутствие в нём автора. Г.В. Колшанский считает именно текст речевым феноменом, в котором соединяются все единицы, комбинируются все их функции с целью коммуникации и выполнения интенций автора, влияющих на выбор языковых средств [Колшанский, 1974].

М.Н. Кожина в своей концепции текста отмечает, что текст может рассматриваться, во-первых, как высший уровень языковой культуры; во-вторых, как область функционирования языка; в-третьих, как единица общения, «предназначенная для передачи целей и интенций (замысла) в процессе общения коммуникантов» [Кожина, 1987]. В контексте данного исследования важно утверждение ученого о том, что особенности целого текста заключаются в его наделении теми смыслами, которые предложил воспринимающий субъект, а сами смыслы порождаются в зависимости от когнитивного, коммуникативного, социокультурного контекста. М.Н. Кожина приходит к неизбежному в данной логике рассуждений положению о том, что смысл «существует не только при восприятии и понимании текста, то есть в интеллекте реципиента, он “закладывается” в текст автором как мыслительное содержание, как воплощение его замысла» [Кожина, 1987].

В языке информативная и воздействующая функции по-разному сочетаются, в каждом конкретном тексте может доминировать какая-то из них [Кранина, 2017]. Функция воздействия, реализуемая текстом, многими исследователями рассматривается как первостепенная [Дзялошинский, 2012; Стернин, 2001; Федорова, 1991; Шелестюк, 2009]. В ряде текстов, например, в политической коммуникации, её превалирование над информативной функцией не вызывает сомнения у исследователей [Lohmann, 1993]. На основе определения доминирующей функции текста А. Нойберт предложил следующую типологию текстов:

– первый тип – текст не предназначен для определенной аудитории. С прагматической точки зрения такой текст в равной мере может интересовать любого читателя. Примеры: научная, техническая литература, рекламные тексты;

– второй тип – текст содержит информацию, отвечающую специфическим потребностям аудитории. Примеры: тексты законов, местная пресса, объявления;

– третий тип – текст художественного произведения, который может характеризоваться отсутствием какого-либо отнесения ко времени, быть средством выражения общечеловеческих ценностей;

– четвертый тип – текст, предназначенный для перевода [Нойберт, 1978].

Функции текста не определены окончательно, поскольку являются динамичной категорией. С развитием общества, формированием у его членов новых потребностей появляются новые функции текста. К примеру, функция психологического воздействия и потенциальной помощи в разрешении психологических проблем реципиентов в рамках психотерапевтических текстов; функция поиска выхода из конфликтных ситуаций у медиативных текстов; функция формирования корпоративной культуры у корпоративных текстов и т. п. В каждом из названных примеров обязательно наличие персональности и специальных способов её представленности в тексте.

Особой разновидностью современного текста является «чатовый» текст (текст блога, социальных сетей), функционирующий в интернет-пространстве. Его можно назвать многофункциональным, так как он одновременно нацелен на

то, чтобы информировать, советовать, побуждать делать или не делать что-то, быть средством самовыражения, способом успокоивания собеседника и т. д. Т.О. Максимова, выделяет у интернет-блога «контактоустанавливающую, консолидирующую, презентационную, социализации, информационную, экономическую, политическую, образовательную, релаксационную» функции [Максимова, 2017, с. 129]. Категория персональности в этом случае также незаменима и обладает большим текстовым потенциалом.

Для коммуникации важны тексты, ориентированные на эмпатическое воздействие на реципиента, формирование у него глубокого сопереживания. Это может быть поэтический текст [Северская, 2009], текст – описание природы [Борисов, 2014] и другие виды текста. В этом случае средства категории персональности приобретают особое значение. Автор текста использует их не только чтобы выразить свои чувства, но и чтобы максимально эффективно передать эти чувства адресату. Говорящий всегда стремится объяснить в тексте свои мотивы и мотивации, обусловленные собственным выбором автора, в художественном произведении – его художественным замыслом [Виноградова, 2008]. Значимой функцией текста при этом является «запуск» рефлексивных процессов реципиента, для которого также важна категория персональности.

На основе анализа научной литературы, можно выделить следующие функции текста:

- 1) функция информирования – передачи информации об объекте или происходящих событиях;
- 2) функция рефлексии, с помощью которой говорящий и адресат осмысливают создаваемое и воспринимаемое сообщение;
- 3) функция интерпретации, которая состоит в представлении автором для реципиента описываемых явлений в каком-либо свете, в какой-то трактовке;
- 4) диагностическая функция, предполагающая со стороны автора текста диагностику как описываемой ситуации, так и потенциального адресата, его реакции на сообщение;

5) функция художественно-эстетического воздействия, реализуемая в первую очередь мастерами слова в создаваемых ими произведениях художественной литературы;

6) функция психологического воздействия, состоящая в обязательности передачи успокоения, совета, убеждения в чём-то, внушении каких-то мыслей, формировании представлений;

7) функция самовыражения и самопрезентации личности автора текста, которая предполагает создание в тексте интеллектуального, речевого и эмоционального портрета автора;

8) функция трансляции мотивов, ценностей, потребностей, которая предполагает передачу не только авторских, но и общественных, общекультурных ценностей.

Потенциал текста зависит от названных функций, определяется ими или, точнее, их сочетанием, поскольку каждая из названных функций реализуется в тексте не отдельно, а в комплексе с другими функциями, хотя может и преобладать над ними.

Отдельно в лингвистике рассматривается понятие прагматического потенциала текста, понимаемого как способность текста производить коммуникативный эффект, вызывать у адресата определенную интеллектуальную и эмоциональную реакцию [Баранчеева, 2015; Бутусова, 2003; Blum-Kulka, 1986 и др.]. В соответствии с целью высказывания, автор выполняет подбор таких языковых единиц, которые позволяют ему представить текст как единство смысловых значений. В этом случае речь идет о прагматическом потенциале, отраженном в коммуникативном эффекте, производимом на реципиента. Следовательно, прагматический потенциал текста определяется содержанием и формой сообщения, детерминированными, как правило, личностными особенностями автора текста. Кроме того, текст передает опыт автора, его знания, социально-культурные аспекты жизнедеятельности. В некоторых случаях для передачи прагматического потенциала используют конкретизацию описываемых явлений, дополняя текст при помощи ссылок.

Прагматический потенциал текста определяется характеристиками коммуникативной интенции, проявляющейся в потребности автора и обусловленный его жизнедеятельностью. Сущность потребности, ее характеристика, вид определяют содержание и форму текста. Можно сказать, что, с одной стороны, текст отражает характеристики ситуации общения, с другой, – социально-психологические, личностные, культурные особенности коммуниканта, создающего текст. Все это в комплексе определяет речевой жанр, то есть особую «модель смыслообразования», «обусловленную знаковую систему», «в которой действуют свои, отличные от других жанров, правила сочетаний, комбинаций и взаимодействий знаков» [Брудный, 1986]. З.Я. Тураева выделяет в тексте с точки зрения его прагматики ряд категорий: образа автора, художественного времени, сцепления, информативности, интеграции, прогрессии и подтекста [Тураева, 1994]. Основной из них является категория автора, способом репрезентации которой в тексте и является категория персональности.

Под дидактическим потенциалом текста подразумевается совокупность возможностей, которые данный текст предоставляет для обучения и воспитания личности. Р.О. Якобсон в 30-х гг. XX века утверждал наличие эстетической функции, которую выполняют грамматические средства в той же степени, что и семантическая поэтика [Якобсон, 1985]. Исследования дидактического потенциала текста ведутся в первую очередь педагогами и психологами, для которых важно обнаружение в тексте (или привнесение в текст) таких составляющих, которые будут способствовать более эффективной организации процесса обучения [Змеёва, 2016; Büchler, 2013].

Исследователи в большинстве случаев выявляют художественный потенциал грамматических категорий на материале поэтической системы русского языка. Так, например, исследуется реализация художественного потенциала категории рода имени существительного в современной поэзии, где род «способен играть смыслообразующую роль» [Муратова, 2008, с. 48]. Художественный потенциал лексики и фразеологии русского языка устанавливается на материале текста детской литературы, в частности,

произведения «Винни-Пух и другие» А.А. Милна; обращается внимание на афористичность языка, нравоучительный характер произведения, создаваемый за счёт лексических и фразеологических средств языка [Шоцкая, 2008].

Специального внимания с точки зрения функций заслуживают тексты, предназначенные для детей. В них выделяют развлекательную, эстетическую, познавательную, воспитательную и нравственную функции. Развлекательная функция определяется сложностью сюжета, наличием вымысла. Эстетическая функция вызывает у реципиента удовольствие от процесса фантазирования, воображения, «ухода» в мир мечты. Познавательная (образовательная) функция заключается в том, чтобы информировать реципиента (ребёнка) об окружающем мире, давать ему в интересной форме новые знания [Гетманская, 2019]. Воспитательная функция проявляется во «влиянии детской литературы на становление и развитие личности ребёнка» [Клинова, 2017, с. 148]. Нравственная функция является частным случаем воспитательной функции, в большей степени состоит в формировании у юного читателя норм и правил, установившихся в обществе, передаче ему нравственных идеалов. Е.М. Якимова особое внимание уделяет историко-культурному потенциалу текста произведений для детей, который заключается в отражении особенностей родословных семьи, определяется коммуникативными, ментальными и речевыми интенциями автора текста [Якимова, 2016].

Т.Н. Ушакова отмечает, что «в тексте раскрываются полноценные и неограниченные возможности для воплощения часто очень сложного замысла автора, семантики в широком смысле» [Ушакова, 2011]; считает, что текст дает возможность понять чувства автора, выявить его характер, воспитание, структуру мышления, особенности отражения мира и т. п. Опираясь на исследования А.А. Потебни, Т.Н. Ушакова указывает на то, что текст способен возбуждать у слушателей образ, похожий на образ автора посредством последовательных и косвенных речевых воздействий [Потебня, 1999; Ушакова, 2011]. Персональность является многоуровневой языковой категорией, предназначенной для передачи в тексте номинативной и коммуникативной семантики. Различные функции текста

реализуются в нём за счет категории персональности и её языкового выражения, что и определяет текстовый потенциал данной категории. Персональность, способствуя формированию предикативности, соотносится с другими категориями текста – субъектностью/объектностью, экспрессивностью, количественностью, поссессивностью, модальностью, темпоральностью, залоговостью, оценкой и т. п. [Скрипник, 2016; Химик, 1987; Шлык, 2012], что усиливает её текстовый потенциал.

А.М. Пешковский определял категорию лица глагола как субъективно-объективную, понимая при этом под объективностью отношения между словами и словосочетаниями, а под субъективностью – отношение самого говорящего к сообщаемому с её помощью [Пешковский, 1956]. Наибольшей субъективностью потенциально обладают личные местоимения, можно говорить о том, что «я» и «ты» выступают на самом высоком уровне владения характеристиками, так как с их помощью передаётся информация о субъектном (индивидуализированном) восприятии актанта ситуации.

В иерархии семантических компонентов категории персональности главенствующее место занимает авторская позиция по отношению к миру, порождаемая в процессе формирования образа объективной реальности. Соответственно, основной функцией текста, а вместе с тем, и категории персональности, является представление реципиенту этого образа. От того, как распределены роли между участниками речевого взаимодействия, от содержания высказывания, ситуации высказывания и многого другого, – зависит функциональная представленность текста. Семантическая категория персональности соотносит обозначаемую ситуацию и её участников с участниками речевого взаимодействия. Высказывающийся субъект одновременно выполняет несколько ролей: субъект речи, субъект восприятия, субъект переживания, субъект мышления и т. п. Семантическая структура субъекта высказывания складывается последовательно в соотнесенности высказывания с действительностью, таксономических параметрах высказывания, номинации, индивидуализации. Исследователями подчёркивается, что высказывание является

индивидуальным актом, который презентует говорящего как выразителя определенного статуса [Виноградов, 2016]. Сфера субъектности автора высказывания включает его самого, его отношение, его оценки, эмоции и др. Логично предположить, что персональность как текстообразующая категория выявляется в любом высказывании и становится важной в любом тексте.

Е.Ю. Стратийчук, характеризуя в диссертационном исследовании категорию персональности как текстообразующую, отмечает её важность для реализации «образа автора» [Стратийчук, 2006]. Образ автора выступает организующей силой произведения, пронизывающей текст мировоззрением автора. При этом составным элементом персональности может выступать модальность, посредством которой передаётся отношение содержания высказывания к действительности. Модальность как субъективная и одновременно объективная категория придает дополнительную функциональность тексту, собственно категории персональности [Стратийчук, 2005]. Отношение говорящего к тому, что он выражает (как субъективная модальность), может предполагать целостную систему взаимодействующих функций: интерпретационную, рефлексивную, самовыражения личности и др. Объективная модальность, выраженная в лице, пространстве, времени, одновременно может реализовывать дополнительные функции, определять силу функционального воздействия с помощью субъективной модальности [Тураева, 1994].

Персональность как текстообразующую категорию рассматривают также Н.С. Рожаева и Э.В. Нестерик. Они присваивают её статус текстообразующей как «участвующей в построении текста» [Рожаева, 2015, с. 50] наряду с темпоральностью, локальностью, модальностью, связностью и другими категориями. Текстообращающий потенциал категории исследователи обуславливают тем, что «автор текста организует повествование на основе своей точки зрения» [Рожаева, 2015, с. 50–51], транслируя в тексте свои мысли и чувства, свои речевые намерения, передавая посредством текста читателю свои культурные, социальные, коммуникативные интенции. Текстовой категорией

называет персональность Н.В. Малычева, рассматривая её на материале художественных текстов А.П. Чехова и выявляя способы субъективации повествования, характерные для этого автора, в частности, «полифонию повествования», создаваемую посредством элементов персонализации, наличие «псевдоавтора» и нескольких «субъективных речевых планов» [Малычева, 2009, с. 49], для каждого из которых характерны свои средства персональности.

Таким образом, рассмотрев сущность и содержание понятия «потенциал текста» в контексте исследуемой проблемы, следует отметить неоднозначность его (понятия) определений у различных ученых. Чаще всего, понятие потенциала текста связывается с воздействием, которое текст оказывает на адресата (отсюда прослеживается зависимость текстового потенциала от функций, которые выполняет текст). Однако неоднозначность определений рассматриваемого понятия заключается в выявлении различными учеными разных функций: функции сообщения информации, экспрессивно-эмотивной функции, призывно-побудительной функции [Якобсон, 1985]; функции обозначения, нормативной функции, функции оценивания [Дзялошинский, 2012]; репрезентативной функции [Бюлер, 1993]; креативно-информативной функции [Селезнева, 2013]; информативной функции [McAloney, 1957] и т. д., что говорит о том, что нет единого и целостного понимания такого явления, как «потенциал текста». Анализ научной литературы по данной проблематике позволил сформулировать (исходя из цели и задач диссертационного исследования), следующее рабочее определение:

Потенциал текста – это совокупность имеющихся текстообразующих возможностей, (1) реализующихся в процессе воздействия, оказываемого на адресата, (2) представленных в виде информации, выполняющей разнородные функции (экспрессивно-эмотивную, обозначающую, призывно-побудительную, коммуникативную, репрезентативную и др.), а также (3) существующих (в контексте категории персональности) как набор средств изображения субъекта речи в художественном тексте.

1.4. Алгоритм анализа текста в рамках выявления текстообразующих возможностей категории личности

С целью выявления и обозначения текстообразующих возможностей категории личности необходимо провести анализ языковых средств и его алгоритм, базирующийся на дедуктивном подходе, который обеспечивает движение от общих характеристик к более частным текстообразующим особенностям. При этом следует учитывать, что в ходе работы с текстом, нужно не только анализировать текстообразующие возможности категории личности (основные средства, функции и т. д.), но также постараться определить эффект, создаваемый художественным произведением: что этому способствует, какие именно средства используются автором, для достижения этого эффекта.

Анализ художественного текста в рамках выявления текстообразующих возможностей категории личности предлагаем условно разделить на ряд этапов, обуславливающих решение следующих вопросов:

1 этап. Рассмотрение комплексности как одной из основных характеристик реализации функций категории личности.

В данном случае комплексность предлагается рассматривать как совокупность различных языковых средств, способствующих функциональной реализации категории личности. При этом комплексность может выражаться как через совокупность языковых средств для передачи авторской позиции, чувств, мыслей, идей повествователя, персонажей, так и через совокупность функций категории личности: репрезентативной, экспрессивно-эмотивной, коммуникативной, обозначающей и т. д.

Анализ комплексности языковых средств, обеспечивающих потенциал текста (текстообразующие возможности), и функций категории личности предполагает изучение совокупности языковых средств различных уровней, которые связаны между собой системными отношениями, выявление общего значения, характерного для всех его конститuentов. При этом гетерогенность

категории личности, проявляющаяся в комплексности средств выражения и функциональной реализации, требует выявления специфики связей между языковыми единицами разных уровней, закономерностей формирования текстового потенциала личности в разных языках;

2 этап. Рассмотрение имплицитности / эксплицитности как характеристики функционального проявления категории личности.

В рамках данного этапа предлагается рассмотреть имплицитность (под которой понимается такое свойство представления информации, которое выражает ее смысл не явно, а завуалировано) и эксплицитность (подразумевающая передачу информации явно, открыто выражено). При этом имплицитность предполагает определение смысла содержания, получаемого из анализа эксплицитно выраженной информации, а также из совокупности образов, сформированных у реципиента в процессе его жизнедеятельности. Совершенно очевидно, что категория личности может быть выражена как имплицитно, так и эксплицитно, с помощью комплекса определенных языковых средств, что, в свою очередь, обогащает текстовый потенциал рассматриваемой категории.

Вместе с тем, имплицитность и эксплицитность позволяют инициировать деятельность когнитивно-смысловых схем реципиента для наиболее целостной интерпретации художественного текста. Имплицитность и эксплицитность как характеристика функционального проявления категории личности представляют собой результат взаимодействия ряда элементов языковой реальности и факторов внеязыкового характера, (культурного своеобразия речевого взаимодействия, специфики формирования когнитивных процессов реципиента, различных психологических/психоэмоциональных особенностей вербализации фактического материала);

3 этап. Анализ особенностей актуализации рефлексивных процессов адресата в функциональном проявлении личности.

Данный этап предполагает анализ текстообразующих возможностей категории личности в контексте рассмотрения рефлексивных процессов адресата (читателя), в ходе которых (процессов) осуществляется обращение

внимания адресата на самого себя и на своё сознание, в том числе на продукты собственной активности, а также какое-либо их переосмысление. Рефлексия позволяет адресату не только воспринимать образ отдельного героя или явления, но и на основе функционирования когнитивных процессов оценивать, эмоционально отражать происходящее, предложенное автором.

Актуализация рефлексивных процессов адресата реализуется посредством целенаправленного обращения автора к опыту читателя, отнесения этого опыта к определенной ситуации, помещения его в локус внимания и актуализации при анализе информации. Соответственно, анализ особенностей актуализации рефлексивных процессов адресата обусловлен процессом выявления различных языковых средств, способствующих функциональной реализации категории личности;

4 этап. Исследование специфики выразительной лексики, экспрессивного синтаксиса в функциональном проявлении категории личности.

На данном этапе исследования целесообразно рассмотреть комплекс эмоционально-экспрессивных языковых средств, которые диктуются не только авторским отношением к чему-либо, но и когнитивной спецификой, содержанием. При этом учитывая, что каждая сформулированная автором мысль несет в себе определенную эмоциональную составляющую (обуславливающую авторское отношение, состояние, оценку или эмоции). Эмоционально-экспрессивные языковые средства характеризуют всякую стилистическую подсистему. Нельзя, однако, отрицать, что каждая стилистическая подсистема языка обладает особым, характерным только для нее набором моделей выражения эмоциональных коннотаций различного значения.

Экспрессивные синтаксические конструкции противопоставляются конструкциям, которые находятся в состоянии так называемого синтаксического покоя, при этом экспрессивность является свойством синтаксических форм, увеличивающих текстовый потенциал категории личности сверх той степени, которая достигнута лексическими средствами. Разнообразие лексических средств, используемых для выражения экспрессии, позволяет определить

выразительную лексику как необходимый языковой феномен в отражении категории персональности.

В рамках данного алгоритма предлагается использовать системный подход к определению потенциала категории персональности, предполагающий учет взаимосвязи интенциональных позиций автора и используемых им средств выразительности языка. Лингвистический анализ, базирующийся на системных принципах, в конечном итоге должен быть направлен на выявление взаимных причинных связей между сосуществующими явлениями в тексте [Матезиус, 2003]. В связи с этим важно определить не только содержание функций категории персональности, отражающих ее текстовый потенциал, но и результирующие показатели этих функций как маркеров взаимосвязи языковых феноменов в формировании целевой установки автора.

Кроме того, целесообразно осуществить систематизацию выразительных языковых средств в соответствии с функциональной содержательностью категории персональности. Это позволит отразить средства выражения, результирующие показатели функционального воздействия информативного, эмотивного, экспрессивного, идентификационного, художественно-эстетического, эмпатического, перцептивной актуализации, побудительно-нормативного компонентов текстового потенциала категории персональности.

Таким образом, алгоритм анализа текста в рамках выявления текстообразующих возможностей категории персональности включает в себя 4 основных этапа, затрагивающих комплексность языковых средств, их имплицитность и эксплицитность, эмоционально-экспрессивные качества, связь с рефлексивными процессами, а также результирующие показатели текстового потенциала. Выделение в ходе анализа данных этапов, обуславливающих решение всех вышеуказанных вопросов, позволит не только комплексно и всесторонне рассмотреть текстообразующие возможности категории персональности в современном языке, но и представить систему когнитивно-коммуникативных

средств языка, реализующих категорию личности на уровне текста и его текстообразующих возможностей.

При этом считаем необходимым (в контексте представленного алгоритма анализа художественного текста) учитывать ряд дополнительных вопросов, раскрывающих общую специфику художественного текста:

- 1) тип речи (повествовательный, описательный и пр., их комбинации; жанровая характеристика текста);
- 2) стиль речи (общие стилистические особенности художественного текста);
- 3) композиция текста (общее число смысловых частей, микротемы данных частей);
- 4) связь предложений текста (цепная, параллельная или смешанная);
- 5) связь между предложениями в тексте (лексические, грамматические, семантические, синтаксические средства);
- 6) предмет текста, единство темы (лексические, морфологические, синтаксические и другие средства выразительности);
- 7) идея текста (основная мысль).

Среди наиболее значимых характеристик, которые также необходимо учитывать в процессе анализа художественного текста в рамках выявления текстообразующих возможностей рассматриваемой категории личности, следует выделить:

- общие стилистические особенности анализируемого художественного текста: образность, использование изобразительно-выразительных средств языка;
- лексические средства выразительности: слова, относящиеся к высокому, поэтическому стилю, книжная лексика, просторечные и диалектные слова и выражения, профессионализмы, лексика, относящаяся к публицистическому стилю, старославянизмы, архаизмы и пр.;
- средства выразительности, типичные для художественного стиля: тропы (эпитеты, сравнение, метафоры, метонимия, олицетворение, гиперболы, литота, аллегория, литота, перифраза, синекдоха), стилистические фигуры (анафора,

антитеза, градация, инверсия, параллелизм, риторический вопрос, риторическое обращение, умолчание, эллипсис, эпифора) и пр.;

– фонетический уровень – звуковые образные средства: повторение согласных звуков (аллитерация), гласных звуков (ассонанс) для усиления художественной образности текста;

– морфологические средства выразительности: частотность использования в тексте глаголов (насыщенность действиями, движением, динамичностью), употребление инфинитивов, придающее тексту отвлеченный вневременной, внеличностный характер, использование причастий, что обеспечивает образное описание предмета и изображение его признаков в динамике, разные категории падежа, раскрывающие экспрессивность, категория времени, категория пространства, употребление в тексте кратких прилагательных, местоимения (личные, притяжательные, неопределенные);

– синтаксические средства выразительности: превалирующий в тексте вид предложений (повествовательный, вопросительный, восклицательный); полные/неполные предложения, двусоставные/односоставные, типы связи частей сложного предложения;

– межтекстовые связи: мастерство автора и литературные достоинства текста в целом; впечатление от текста, и т. д.

Таким образом, представленный алгоритм анализа текста в рамках выявления текстообразующих возможностей категории персональности позволяет исследовать совокупность языковых средств различных уровней, которые связаны между собой системными отношениями. Выделенные 4 этапа алгоритма анализа, обуславливающие решение ряда проблем: комплексность языковых средств, их имплицитность и эксплицитность, эмоционально-экспрессивные качества, связь с рефлексивными процессами, результирующие показатели текстового потенциала, а также ряда дополнительных вопросов, позволяют не только комплексно рассмотреть текстообразующие возможности категории персональности в современном языке, но и представить систему когнитивно-коммуникативных

средств языка, реализующих категорию личности на уровне текста и его текстообразующих возможностей.

Выводы по главе 1

На основании анализа теоретической литературы по исследованию категории личности в языкознании, можно сделать следующие выводы:

1. Особое внимание изучение текстовых категорий, в том числе и категории личности получает во второй половине XX в., когда в науке укрепляется представление о превалировании текста как единства, о подчинённости всех языковых средств требованиям формирования текста.

2. Категория личности относится к разряду категорий, особенно важных в тексте, как правило, с точки зрения представления в нём «образа автора». Личность объединяет отдельные части произведения в одно целое, выражает идеи и мнение автора. Анализ личности в тексте позволяет провести актуальное для современной науки антропоцентрическое исследование конкретной реализации языка в тексте, зависящей от особенностей создающей данный текст личности.

3. К основным характеристикам личности в современной науке о языке можно отнести её универсальность, полифункциональность, тесное взаимодействие с другими текстообразующими категориями, например, с категориями модальности, темпоральности, экспрессивности, оценочности, субъективности/объективности и др.

4. Под личностью понимается текстообразующая категория, обеспечивающая формирование семантической, грамматической, функциональной стороны текста, за счёт передачи эмоционально-когнитивных аспектов субъекта речи (лица, говорящего или производящего действие, а также имеющего какое-то отношение к акту речи) при помощи разноуровневых средств: морфологических, синтаксических, лексических и пр.

5. В современном языковедении средства выражения категории персональности делятся на ядерные и периферийные. Ядром поля персональности (его центральной частью) выступают личные формы глагола 1-го и 2-го лица, а также личные местоимения 1-го и 2-го лица в именительном падеже, то есть это моноцентрическая категория с бинарным центром. Противопоставление местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица составляет коммуникативную сферу поля персональности, то есть играет большую роль в общении, обозначая важнейших участников коммуникативного акта – говорящего (субъекта речи), слушающего (адресата) и того, кто напрямую не участвует в речи, однако оказывает влияние на формирование высказывания. Говорящий, представленный в предложении как «я» (выраженный подлежащим и связанными с ним сказуемыми), является содержательным центром категории персональности, точкой отсчёта, в сопоставлении с которой выделяются все остальные компоненты персональности, с помощью которых происходит семантическая интерпретация лица в тексте.

6. В периферии персональности выделяется ближняя периферия, представленная косвенными падежами личных местоимений 1-го и 2-го лица, личными формами глаголов 3-го лица, местоимениями 3-го лица, указывающими на лицо (лица), притяжательными местоимениями, возвратным местоимением *себя* в разных падежных формах. Данными средствами, имеющими грамматическую природу, что связано с грамматической природой центра категории, персональность транслируется эксплицитно.

7. Установленные на сегодня средства дальней периферии категории персональности очень разнообразны и относятся к разным уровням языка:

– лексические и фразеологические средства: собственные имена существительные, в первую очередь, имена лиц, а также прецедентные имена собственные; нарицательные личные имена существительные; неличные существительные, способные выражать отношение к лицу, в том числе собирательные; фразеологизмы; эвфемизмы;

– морфологические средства: местоимения 3-го лица, указывающие на предмет; субстантивные местоимения; субстантивированные прилагательные;

субстантивные числительные; глаголы авторизации; модальные глаголы; безличные формы глаголов и безличные глаголы; причастия и деепричастия; предикативные наречия (слова категории состояния); модальные частицы; междометия;

– синтаксические средства: обращения; обобщённо-личные предложения; неопределённо-личные предложения; безличные предложения; инфинитивные предложения; пассивные синтаксические конструкции; вводные слова и выражения и др.;

– грамматические и лексико-семантические средства языковой выразительности: парцелированные конструкции, риторические вопросы, вопросно-ответные конструкции, эпитеты, метафоры, метонимии, сравнения, аллегория, ирония, оценочная лексика, коннотативные значения слов, идиомы, лексические и семантические повторы и др.;

– интонационно-синтаксические средства, связанные с передачей особой интонации, например, императив, побудительные предложения и др.

8. Категория персональности пронизывает многие уровни текста, охватывая все способы репрезентации в нём автора, передачи его субъектности, его мыслей и мнений, его чувств и точек зрения. При этом важно учитывать, что реализация данной категории в художественном тексте связана с её текстовым потенциалом.

9. Потенциал текста представляет собой совокупность имеющихся текстообразующих возможностей, (1) реализующихся в процессе воздействия, оказываемого на адресата, (2) представленных в виде информации, выполняющей разные функции (экспрессивно-эмотивную, обозначающую, призывно-побудительную, коммуникативную, репрезентативную и др.), а также (3) существующих (в контексте категории персональности) как набор средств изображения субъекта речи в художественном тексте.

10. Анализ текстообразующих возможностей (потенциала текста) когнитивно-коммуникативной категории персональности целесообразно проводить в рамках разработанного алгоритма, включающего в себя 4 этапа, обуславливающих решение целого спектра проблем, а именно: комплексность

языковых средств, их имплицитность и эксплицитность, эмоционально-экспрессивные качества, связь с рефлексивными процессами, результирующие показатели текстового потенциала; а также решения ряда дополнительных вопросов, связанных с категорией персональности в тексте.

Глава 2. Текстовый потенциал категории персональности (на примере художественных произведений А. Кристи, Ю. Семенова, Г. Хольц-Баумерта)

Вторая глава посвящена исследованию текстообразующих возможностей категории персональности на примере литературных произведений А. Кристи, Ю. Семенова, Г. Хольц-Баумерта. В рамках данной главы (на основе примеров из художественных произведений вышеуказанных авторов) рассматриваются проблемы: 1) комплексности как совокупности языковых средств разных уровней, способствующих функциональной реализации категории персональности; 2) имплицитности и эксплицитности как характеристик представления информации, позволяющего инициировать деятельность когнитивно-смысловых схем адресата для целостной интерпретации художественного текста; 3) актуализации рефлексивных процессов адресата, реализующейся посредством целенаправленного обращения автора к опыту читателя, отнесения этого опыта к определенной ситуации, помещения его в локус внимания при анализе текста; 4) выразительной лексики, экспрессивного синтаксиса в функциональном проявлении категории персональности.

Кроме того, во второй главе исследуется вопрос содержания функций категории персональности и их результирующих показателей, раскрывающихся с точки зрения воздействия ряда компонентов текстового потенциала: информативного, идентификационного, художественно-эстетического, эмотивного, экспрессивного, эмпатического, перцептивной актуализации, побудительно-нормативного.

2.1. Комплексность как характеристика реализации функций категории персональности

Исследовательский интерес представляет использование авторами таких языковых средств, которые позволяют реципиенту понять представленность автора в тексте, его отношение к описываемым событиям (явлениям), его оценки,

эмоциональные потребности и др., то есть все то, что способствует определению наличия и функциональной реализации категории персональности. При этом необходимо выявить, можно ли говорить о потенциале персональности при определении отдельно взятой грамматической структуры, синтаксической конструкции или лексической единицы. Очевидно, что анализ отдельной части речи (*заступил, шел, помнил, тянула* и т. д.) не дает возможности определить выраженность персональности в тексте. Следовательно, функции категории персональности проявляются в целостном тексте или его микротемах. Г.В. Колшанский пишет по этому поводу: «Смыслы высказываний и смысл текста представляют собой единство и целостность, в рамках которого семантика отдельных языковых единиц составляет лишь часть одного целого» [Колшанский, 1964].

Текстовая категория персональности является сложным гетерогенным феноменом, который включает комплекс результатов эмоционально-оценочного отражения, выраженных в субъективных смыслах определенной семантической структуры, в специфических взаимосвязях. Очевидно, что реализация функций персональности обеспечивается за счет комплекса языковых средств, включенных в поле субъективной модальности и объединенных общностью семы «отношение автора». Следуя логике исследования, необходимо признать, что значения отдельных языковых единиц составляют результат выстраивания речевого высказывания или текста. Так, рассмотрим ряд примеров с учетом выявленных (в рамках анализа научной литературы; с. 46–47) текстообразующих функций категории персональности:

1. Функция информирования (реализуется в ходе передачи информации о тех или иных объектах или происходящих событиях). В качестве примера приведем следующий отрывок текста:

Милиционер Копытов заступил на дежурство в двенадцать часов ночи. Он шел по уснувшей улице не спеша, мурлыча под нос старую тягучую песню. Он помнил ее с детских лет, когда бабка Фрося, вспущая и

громадная, как сундук, тянула эту песню, гроыхая у плиты чугунными горшками [Семенов, 2013, с. 11].

Первое предложение данного отрывка (*Милиционер Копытов заступил на дежурство в двенадцать часов ночи*) представлено семантическими единицами, обозначающими лицо, время, действия. Читателю сообщается: человек определенной профессии выполнял должностные обязанности, шел по улице, пел, вспоминал детство. Представлена определенная информация, однако имплицитная сторона коммуникативной программы автора содержит больше информации, выраженной в языковых средствах. Далее автор описывает некоторые детали детства героя, при этом с подробностями *о чугунных горшках, тягучей песне, бабке Фросе*. Используются грамматические средства: сложные предложения, деепричастный оборот (*гроыхая у плиты чугунными горшками*), формы 3-го лица (*Он шел... Он помнил*). Кроме того, автор вводит в текст лексико-семантические средства выразительности:

- метафоры: *мурлыча, уснувшая улица*;
- сравнение с гиперболической семантикой: *бабка Фрося, вспушая и громадная, как сундук*;
- паронимы: *тягучую, тянула*;
- градацию: *вспушая и громадная, как сундук*.

Обращает на себя внимание синтаксическое своеобразие текста: актуальная ситуация изложена в коротком информативном высказывании. С целью передачи информации о состоянии героя автор прибегает к деепричастному обороту: *Он шел по уснувшей улице не спеша, мурлыча под нос старую тягучую песню*. Детские воспоминания персонажа представлены в сложном предложении с деепричастным и сравнительным оборотами. То есть чем более персонаж отдаляется от реальности в своих воспоминаниях, чем больше он «приближается» к детству, тем более распространенным становится предложение, грамматически и семантически увеличиваясь в объёме. Если учесть также тот факт, что при описании детских воспоминаний героя автор использует большое количество выразительных средств, отличающихся эмоциональной насыщенностью, то

можно предположить, что детство в авторской концепции понимания героя, трактовки действий и установок персонажа занимает особое место. С точки зрения функционального воздействия вышеприведенные примеры определяются знанием о действиях персонажа, а также последовательности действий, кроме деепричастного оборота *громыхая у плиты чугунными горшками*, который определяются знанием о конкретных деталях.

Функция информирования характерна для текстов, написанных на разных языках, это подтверждается анализом произведений А. Кристи и Г. Хольц-Блаумерта:

1) *That had been sixteen years ago. Hercule Poirot looked with interest at the man who was confronting him with somewhat uneasy politeness* (Это было шестнадцать лет назад. Эркюль Пуаро с интересом посмотрел на человека, который противостоял ему с несколько неловкой вежливостью) [Christie, 2012, p. 73];

2) *Unser neuer Lehrer hatte nicht bemerkt, dass ich gestern auch da gewesen war. Er kannte noch nicht alle Gesichter. «Na, wo warst du gestern?», fragte er freundlich* (Наш новый учитель не заметил, что вчера я тоже был здесь. Он знал еще не все лица. «Ну, где ты был вчера?», спросил он дружелюбно) [Holtz-Baumert, 2015, S. 136].

В данных отрывках первое предложение представлено семантическими единицами, обозначающими время (в первом примере) и лицо, время, действия (во втором примере). Как в первом, так и во втором отрывках сообщается определенная информация о герое, определенных событиях. В английском языке для выражения прошедшего времени используется Past Perfect Continuous (в форме глагола прошедшего времени несовершенного вида *had been*). В немецком языке – Plusquamperfekt (*ich war gewesen*), где *war* – это прошедшее время глагола «быть», а *gewesen* является не глаголом, а причастием, хотя оно используется в составной форме прошедшего времени глаголов. Глагол *war* и причастие *gewesen* могут употребляться вместе: *war + gewesen* – буквально «это было бывшим...».

Другой пример:

1) *Hercule Poirot rose to his feet. One hand caressed his mustache. He said, «Mademoiselle, I am honored!...»* (Эркюль Пуаро поднялся на ноги. Одна рука ласкала его усы. Он сказал: «Мадемуазель, для меня большая честь!...») [Christie, 2012, p. 9];

2) *Sie blickten mich ganz steif und mit weit aufgerissenen Augen an. Ein paar Mädchen in ihrer Nähe sahen mich auch an und kreischten los* (Они смотрели на меня широко раскрытыми глазами. Несколько девочек стоявших недалеко от них тоже увидели меня и завизжали) [Holtz-Baumert, 2015, S. 82].

Функция информирования, реализующаяся с помощью формы 3-го лица (как средства выражения категории персональности), обеспечивается введением притяжательного местоимения *his* (в английском языке) и личным местоимением с формой винительного падежа *mich* (в немецком). Одновременное использование автором личных глагольных форм, личных и притяжательных местоимений выполняет задачу выделить субъекта действия. Соответственно, показатель функционально воздействия связан со знанием о действиях персонажа и последовательности действий.

2. Функция рефлексии (реализуется в процессе осмысления говорящим или адресатом создаваемого и воспринимаемого сообщения). Например, в отрывке текста, где автор описывает приход одного из героев в школу:

Росляков пришел туда во время перемены и сразу же оказался среди визга, шума и смеха. Солнце пронизывало насквозь коридоры, и в его желтых косых лучах носились белые пушинки тополей [Семенов, 2013, с. 21].

Данный отрывок текста с точки зрения понимания сюжетной линии не несет в себе значимой информации, однако автор будто призывает читателя «вернуться» к детским воспоминаниям, к тому, что было в жизни каждого человека. Для этой цели используются:

- метонимия: *Солнце пронизывало насквозь коридоры*;
- эпитеты: *в его желтых косых лучах*;
- олицетворение: *носились белые пушинки тополей*;

– лексика, ассоциирующаяся с детством: *шум, визг, смех, солнце (школьные) коридоры, пушинки.*

Речь идет об актуализированных интенциях автора – его реализованном в тексте намерении вызвать особые чувства у читателя по отношению к детству. В сущности, мы имеем дело с комплексом функционального воздействия различных средств категории персональности: происходит актуализация воспоминаний и рефлексии читателя относительно этих процессов, инициация эстетических чувств, представление детства в контексте общечеловеческих ценностей. При этом осуществляется активизация визуально-перцептивной системы читателя за счет создания образа детства.

Далее приведем пример, в котором комплексность в функциональной реализации категории персональности проявляется одновременно в двух значениях: во-первых, имеется комплекс языковых средств для выражения функции рефлексии, во-вторых, в одной семе возможна реализация комплекса прочих функций персональности:

Und Papa sagt oft, ich bin für einen richtigen Zitterbacke nicht mutig genug. Aber feige wollte ich mich nicht so oft nennen lassen (...И nana часто говорит, что для настоящего Цитербаке я недостаточно мужественный. Но я не мог позволить, чтобы меня так часто называли трусливым) [Holtz-Baumert, 2015, S. 73].

Здесь представлен внутренний монолог персонажа (функция рефлексии), при этом автор выражает негодование, несогласие относительно мнения других (отца) о его характере (функция выражения отношения к ситуации), а также намерение изменить ситуацию (функция мотивации действий). При этом предварительно сообщается информация о причинах мотивации действий (информативная функция). Реализация всех указанных функций и, прежде всего, функции рефлексии, происходит за счет таких средств, как наречие *oft*, прилагательное *richtig*, частица *aber*, модальный глагол *wollen* с отрицанием *nicht*.

Обратимся к синтаксическим особенностям текстов, обеспечивающим реализацию функции рефлексии (осмысление говорящим или адресатом

создаваемого и воспринимаемого сообщения). На синтаксическом уровне могут использоваться сложные предложения, вводные слова, парцелляция (способ членения единой синтаксической структуры, в ходе которого часть предложения получает реализацию как отдельное предложение [Иванчикова, 1968; Петрушина, 2008]), синтаксический параллелизм (одинаковый или сходный порядок синтаксических конструкций: смежных предложений и фраз), и другие средства, например:

Ganz schön, denke ich wütend, erst im Fahrstuhl einsperren, alles erzählen lassen, und nicht einmal eine Limonade haben sie für einen übrig (Очень хорошо, в бешенстве думаю я, сначала запереть в лифте, заставить все рассказать, а у них не найдется даже для тебя стаканчика лимонада) [Holtz-Baumert, 2015, S. 73].

За счет синтаксического параллелизма (в данном случае неопределенной формы глаголов – *einsperren, erzählen lassen, haben*) автор усиливает эмоциональное напряжение, тем самым раскрывает комплекс своих эмоциональных переживаний, размышлений, соотносящихся с поступками других людей, с ситуациями, в которых он оказался. Наречие *ganz schön* служит для выражения отношения говорящего к тому, о чем он сообщает. Как и в следующем отрывке текста:

«Nein, haha, nein, diese Hyäne, haha...», rief der Professor und hielt sich seinen Bauch fest, der ihm wohl vor Lachen wehtat, «die kann nicht mehr beißen, die ist ausgestopft...» («Нет, ха-ха-ха, нет, эта гиена, ха-ха-ха», – кричал профессор и держался за свой живот, который, пожалуй, причинял ему боль от смеха, – «оно больше не может кусаться, это набитое чучело...») [Holtz-Baumert, 2015, S. 127].

Здесь вводное слово *wohl* служит для изображения предположения с определенной долей уверенности, что вышеописанная ситуация может иметь место. Введение прямой речи, состоящей из двух компонентов: слов автора (*rief der Professor und hielt sich seinen Bauch fest*) и собственно прямой речи («*Nein, haha, nein, diese Hyäne, haha...*») позволяет более полной реализации функции

рефлексии, в рамках которой осуществляется обращение внимания субъекта (в данном случае как автора, так и героя литературного произведения) на самого себя и на свое сознание, в т. ч. на продукты собственной активности, а также их переосмысление. Показатель функционально воздействия обеспечивается интенсификацией эмоционального восприятия объекта и ситуации.

3. Функция интерпретации (реализуется в рамках представления автором описываемых явлений в каком-либо свете, в какой-то трактовке). В следующем отрывке текста описывается детство, однако в данном случае оно представляется перед читателем уже как авторская интерпретация, выражающаяся в воспоминаниях подростка – одного из персонажей, внутреннюю речь которого имитирует автор:

*После скандалов и мать и отец задабривали Леньку, каждый старался утащить его к себе, а сердце у мальчонки разрывалось, потому что нет детей, которые бы любили мать больше отца или наоборот. Укрыв голову подушкой, он плакал, потому что гнетущее чувство страха не покидало его в те часы: **ничто так не калечит ребенка, как домашние сцены*** [Семенов, 2013, с. 51–52].

В этом примере представлено как усиливаются экспрессивные семантические коннотации за счет метафорических словосочетаний *сердце разрывалось, гнетущее чувство страха, калечит ребенка*, что позволяет определить эмоциональные коннотации сожаления, любви, тревожности. Эпитеты, метафоры, сравнения, паронимы, имеющие оценочный и субъективный характер, несомненно, в каждом определенном случае несут собственную функциональную нагрузку. Однако все они могут быть «призваны» автором для выполнения одной общей задачи. В частности, в рамках представленного текста выразить авторское отношение, дать свою трактовку детства героя, при этом вызвать у читателя эмоционально положительные переживания по отношению к герою, его жизненным радостям и заботам, его обычной размеренной жизни, к самому периоду детства.

Реализация функции интерпретации осуществляется в т.ч. за счет художественных приемов, в рамках которых автор «присоединяет» читателя к жизни героя, делает так, чтобы реципиент идентифицировал себя с героем и ощущал его эмоциональные переживания. Автор обращается к памяти: у каждого было детство, есть и были похожие воспоминания каких-то бытовых предметов – *чугунков, сундуков* и пр. Кроме того, рассматривая данный отрывок, следует говорить о целом ряде функций персональности: функции источника идентификации (узнавание собственных действий), актуализации рефлексивных процессов реципиента, эмпатии, активизации эмоционального мира субъекта, реализованных комплексом выразительных средств.

В ряде случаев в тексте встречаются краткие зарисовки персонажей: эксплицитно читатель не может распознать авторскую интерпретацию, однако посредством некоторых лексических единиц, относящихся к характеристикам персонажей, можно сделать выводы о позиции автора. Например, в английском языке данная функция реализуется в следующих примерах:

*That slightly **old-fashioned phrase** expressed, he felt, the man before him very typically* [Christie, 2012, p. 78].

Выражением *old-fashioned phrase* автор стремится подчеркнуть романтическую натуру героя произведения Мэридыта Блейка, его преданность и любовь к одной единственной женщине.

*He saw the smooth hardness of her cheeks falter and take on a younger curve; he saw **life flowing into her** as the past claimed her again* [Christie, 2012, p. 120].

Метафора *life flowing into her* (*жизнь, текущая в неё*) используется автором в описании Эльзы Гриер. Образ зрелой, умудренной опытом женщины сменяется портретом молодой, жизнерадостной девушки. Данный стилистический прием помогает автору представить интерпретацию образа Эльзы, раскрыть героиню такой, какая она была шестнадцать лет назад.

В качестве примера реализации рассматриваемой функции в тексте на немецком языке представим следующий отрывок Г. Хольц-Баумерта:

Und ein kleinerer mit einer Brille und ganz scharfen Augen (...И другой, меньше ростом, в очках, с очень колючим взглядом) [Holtz-Baumert, 2015, S. 7], *«Na und?», sagte der kleinere Herr emitt der Brille und lachte hohnisch («Ну и что?», сказал господин поменьше в очках и злорадно рассмеялся)* [Holtz-Baumert, 2015, S. 8].

Среди главных языковых средств, которые автор использует для интерпретации персонажа, – прилагательное *klein* в сравнительной степени, существительное *Brille*, прилагательное *scharf*, глагол *lachen*, прилагательное *hohnisch*. Очевидно, что автору не очень приятен данный персонаж, основным способом выражения отношения к нему становятся имена прилагательные, которые играют роль эпитетов, несущих эмоциональную и смысловую нагрузку. В результате создается образ персонажа, передаются некоторые аспекты физиологической характеристики человека, а также указываются внешние проявления его облика, наиболее яркие характерологические особенности. Показатель функционального воздействия – эмоциональные коннотации пренебрежения.

В данном отрывке текста приведены примеры внутренне неполных высказываний, которые выстроены с привлечением логической пресуппозиции, то есть «операции по установлению умозаключения между вербализованными и невербализованными звеньями» [Лисоченко, 1992, с. 80], проективной пропозиции на основе экзистенциальной и прагматической пресуппозиций. Эмоциональная нагрузка эпитетов в данных примерах заключается в том, что автор передает собственное восприятие данного персонажа, а также имплицитно собственное отношение к действиям персонажа. Очевидно, что колючий взгляд и злорадный смех вызывают у автора неприязненное отношение, и это является выражением неприязни ко всем, кто пренебрежительно, иронично или саркастично отзывается о достижениях, творчестве, стараниях.

4. Диагностическая функция (реализуется в качестве диагностики (со стороны автора текста) как описываемой ситуации, так и потенциального адресата, его реакции на сообщение). С помощью различных грамматических и

лексико-семантических средств в авторском тексте передается не только информация об описываемой ситуации и персонаже (функция персональности – сообщение информации), но и актуализируются мыслительные процессы, формируются причинно-следственные связи, реакции на те или другие сообщения (диагностическая функция). Рассмотрим следующий пример:

Чтоб сдох этот Раппопорт с его трубочкой...

*Шоферов на базе не хватало, и Ганкину выдали талон. Без прав. Заработок – на четверть меньше, чем раньше. А **подкальмить** надо? В том-то и дело. Ночью договорился с диспетчером и **махнул** к вокзалам. Ездил, ездил – везде ОРУД, сразу **схватят за баки**. Поехал к гостиницам. Тоже **без толку**. Потом вспомнил – Останкино! **Рванул** туда. Остановили двое. Повез одного в город, а другого – в Тарасовку. Адресок взял, **десятку бросил**. Уже другое дело. Жизнь. Хороший старичок. Архип Иваныч. Хроменький [Семенов, 2013, с. 98].*

В тексте широко представлена сниженная лексика: *сдох*, *подкальмить*, *схватят за баки*, *махнул к вокзалам*, *без толку*, *десятку бросил*. Очевидно, она используется с целью более точной диагностики описываемой ситуации, представления личности персонажа, которому принадлежит речь. Семантические единицы фамильярного (*а подкальмить надо?*) или вульгарного (*схватят за баки*) и бранного свойства (*чтоб сдох*) реализуют комплекс функционального воздействия категории персональности.

Реализуется диагностическая функция персональности: автор сообщает читателю о профессии персонажа (*шофер*), передает последовательность его действий с помощью глаголов прошедшего времени (*договорился*, *махнул*, *поехал*, *рванул* и др.), изображается его эмоциональное состояние, последовательно транслируются испытываемые героем-повествователем эмоции: тревожность (*Ездил, ездил – везде ОРУД*), неудовлетворенность (*без толку*), радость после длительного ожидания (*вспомнил – Останкино!*), злость, пренебрежение, ненависть (*Чтоб сдох этот Раппопорт с его трубочкой...*). Передаются поведенческие мотивы персонажа, главный из которых – материальный

(заработок, подкальмить, десятка). Разговорная лексика бранного характера присутствует только в текстах, в которых имитируется внутренняя речь отрицательного персонажа (преступника): «Ищите, **мусора**, вам деньги за это платят, а тут встретил **этого гада**» [Семенов, 2013, с. 102]. Бранное риторическое обращение «ищите, мусора» сопровождается эмоциональными коннотациями ненависти, пренебрежительности. Сниженная лексика может употребляться в сочетании с другими средствами, например, с парцелляцией:

Все. Завязал. Сударя побоку. Ходит, морду кривит.

Странный народ женщины. Из ребра сотворены как-никак. Ребро не череп
[Семенов, 2013, с. 99].

В этом случае формируется обрывочный, «рваный» синтаксис, характерный для речи взволнованного человека или человека недалекого, не способного к связному мышлению. Все это обеспечивает не только реализацию диагностической функции (в рамках описываемой ситуации, потенциального адресата, его реакции на сообщение), но и возникновение определенных реакций, ассоциаций, эмоций у читателя.

В произведениях Г. Хольц-Блаумерта с целью появления определенных реакций, ассоциаций, эмоций автор вводит повествование от имени подростка: в текст вводятся слова, характерные для речи молодежи в целом как выражения ее мировоззрения. Так, например, известно, что подросткам свойственна некоторая категоричность, максимализм в оценках происходящих в их жизни и вокруг них событий. Данная категоричность, как правило, имеет свое выражение в высказываниях «все или ничего», «никогда», «всегда» и т. п.:

*Ich hab **gar** nicht richtig verstande... (Я даже не понял...).*

*Doch **nun** konnte ich auch hier nicht einfach weggeben... (Но теперь я не мог уйти отсюда просто так).*

*Ich freute mich und sagte, ganz wie mir Mama **immer** gesagt hat, ich soll mich bei fremden Leuten vorstellen (Я обрадовался и сказал, так как мне мама всегда говорила, что я должен представляться незнакомым людям).*

Der Director sah noch immer auf die Uhr (Директор все еще смотрел на часы) [Holtz-Baumert, 2015, S. 7–8].

Автор употребляет обобщающие или отрицательные частицы (*immer, nun*), подчеркивая особенности мышления мальчика-повествователя. Текст интересен тем, что, автор, используя форму повествования от первого лица, имеет возможность выразить свое отношение к этому же повествователю, то есть к самому себе, когда он был подростком, таким образом, реализовать диагностическую функцию – способствовать возникновению определенных реакций у потенциального адресата на сообщение. При этом функциональное воздействие обусловлено передачей эмоционального положительного или отрицательного переживания по отношению к герою, его жизненным радостям и заботам.

5. Функция художественно-эстетического воздействия (реализуется как один из наиболее важных компонентов произведений художественной литературы, влияющих на стиль, выражение идей автора). Так, в произведении Ю. Семенова персонажи представлены в так называемом изобразительно-описательном регистре, который позволяет создать наглядно-образное представление о человеке и дать оценку его внешним и внутренним качествам. Автор передает не только свои собственные впечатления от увиденного, но и приписывает это своим героям:

Он выпил стакан нарзана, и в голове у него зазвенело тонко-тонко, будто в тайге весной, когда много мошки. [Семенов, 2013, с. 32].

Основой для сравнения звона с таежной весной является звук: сравнение используется в безличном предложении, и это подчеркивает, что не понятен источник порождения явления. Усиливается впечатление о персонаже как о человеке, находящемся в неопределенной жизненной ситуации, когда он может испытывать необходимость в переоценке собственных поступков. При этом функция художественно-эстетического воздействия, в данном случае выраженная в сравнительной конструкции, заключается в интенсификации слуховых перцептивных процессов. Например, это можно видеть в следующем примере:

«...Он упал со стоном, обвалившись шумно, как подтиленное большое дерево» [Семенов, 2013, с. 58].

Сравнение также используется автором для интенсификации визуальных перцептивных процессов:

В мелких брызгах – улицу часто поливали неповоротливые, как броневики, и такие же пузатые автомобили – играла синяя радуга [Семенов, 2013, с. 70].

Возникают образы качества действия (*неповоротливые*) и образы формы (*пузатые*). Синтаксическая особенность: сравнительная конструкция расчленяет самостоятельное распространенное предложение в инверсионной форме: *В мелких брызгах <...> играла синяя радуга*. Автор представляет образ городской улицы. Очевидно, что это предложение передает позитивное настроение автора по отношению к городу, его краскам, звукам. Читатель получает вместе с автором художественно-эстетическое наслаждение, идентифицируя собственные образы улицы с образами, представленными в тексте. Визуализация может актуализироваться также при одновременном использовании автором сравнительной конструкции и метонимии: «*Улица жила веселой и шумной жизнью*». С помощью сравнения автор усиливает оценку значимости деятельности субъектов:

Угро министерства действовал четко, как отлаженная машина...
[Семенов, 2013, с. 54].

Автор использует конвергенцию как сочетание сравнения с другими приемами выразительности. Рассмотрим один из интересных с точки зрения конвергенции и функционального воздействия в связи с использованием категории персональности, пример:

Разговор этот, длинный, двухчасовой, подробный, казался Налбандову каким-то единым целым, тяжелым как плита гранита [Семенов, 2013, с. 290].

Основой для сравнения разговора с плитой гранита является вес, однако здесь имеет место метафорическое сравнение (*тяжелый как плита гранитная*) и

одновременно расчлененный фразеологический оборот *тяжелый разговор*, ассоциируемый в русском языке не с весом, а с состояниями, связанными с оборотами *тяжелая утрата, тяжелое сердце, тяжелая ситуация*, то есть тяжесть в данном случае означает не физическое явление, а психическое, выраженное в негативных эмоциях, состояниях фрустрации, тревоги, сожаления и т. п. Это предложение интересно еще и тем, что здесь для выражения художественно-эстетического воздействия автор дважды использует градацию: *длинный, двухчасовой, подробный*. Прилагательные расположены по степени нарастания признака и усиливают впечатление о временной характеристике явления (здесь – разговора). Еще один градационный ряд: *единым целым, тяжелым, как плита гранита*. Прилагательные расположены в нем не только по степени нарастания их воздействия на художественный мир субъекта. Кроме того, каждое из них несет в себе дополнительную семантическую и функциональную нагрузку:

- *единым целым* (бесперывность – коннотация бесконечности);
- *тяжелым* (эмоционально негативным, неприятным – коннотация эмоциональной фрустрации);
- *как плита гранита* (безвыходность – коннотация конечности жизни).

С целью представления специфики реализации функции художественно-эстетического воздействия в тексте на английском языке целесообразно рассмотреть отрывок произведения А. Кристи «Пять маленьких поросят»:

*And now here she was in the flesh – a tall, slender young woman in the early twenties. The kind of young woman that one definitely looked at twice. Her clothes were good: an expensive, well-cut coat and skirt and luxurious furs. Her head was well poised on her shoulders, she had a square brow, a sensitively cut nose, and a **determined** chin. She looked very much **alive**. It was her **aliveness more than her beauty that struck the predominant note** (И вот она здесь во плоти - высокая стройная молодая женщина в начале двадцатых годов. Та молодая женщина, на которую определенно смотрели дважды. Одежда у нее была хорошая: дорогая, хорошо сшитая куртка, юбка и роскошные*

меха. Ее голова была хорошо уравновешена на ее плечах, у нее были квадратные брови, чувствительно порезанный нос и решительный подбородок. Она выглядела очень живой. Это была ее живость больше, чем ее красота, которая поразила доминирующую ноту) [Christie, 2012, p. 33].

В представленном микротексте описывается появление героини перед детективом Э. Пуаро. Автор начинает свое повествование с фразы «*And now here she was...*», тем самым, создавая ощущение театрального действия: он, подобно режиссеру, представляет читателю героев своего произведения, что, прежде всего, обуславливает художественно-эстетическое воздействие. Категория персональности и ее функция художественно-эстетического воздействия представлены следующими средствами выражения:

– безличное предложение: «*...It was her aliveness more than her beauty that struck the predominant note*»;

– повторение: *young woman*;

– неопределенно-личное местоимение: *one*, которое играет роль обобщенного и условного подлежащего, указывающего на слабо определенное лицо и подразумевающего всякого человека в данных обстоятельствах. В первую очередь, делается акцент не на деятеля, а на действие;

– местоимения: *she, her*, которые делают автора непосредственным участником процесса повествования. Читатель смотрит на происходящее сквозь призму авторского восприятия событий;

– эпитеты: *well-cut, well poised, determined, alive*, которые дают наглядно-образное представление о героине, выражают оценку автором ее внешности.

Рассматривая особенности представления функции художественно-эстетического воздействия в тексте на немецком языке, следует отметить, что ее (функции) реализация обусловлена созданием художественно-эстетических образов с помощью непосредственного выражения автором впечатления от происходящего события, которого не присутствовало в опыте автора:

Die Dame machte ein Geschrei, wie ich es in meinem Leben noch nicht gehört habe (Дама издала крик, какого я никогда еще в своей жизни не слышал) [Holtz-Baumert, 2015, S. 81].

Художественно-эстетические образы могут передаваться автором при помощи представления физического, духовного, морального и пр. состояния персонажей, тем самым сигнализируя о собственном эмоционально-оценочном восприятии происходящих событий:

Sie blickten mich ganz steif und mit weit aufgerissenen Augen an (Они глядели на меня широко раскрытыми глазами) [Holtz-Baumert, 2015, S. 82].

При помощи целого комплекса выразительных средств выполняется одна из основных функций категории персональности – функция художественно-эстетического воздействия. Художественные образы позволяют понять читателю причины того или иного физического, душевного, морального и пр. состояния героя, а также выразить автору свое субъективное отношение к персонажам, его симпатию или антипатию путем передачи переживаний эстетических чувств по отношению к персонажам – объектам нравственно-ценностной сферы (показатель функционального воздействия).

б. Функция психологического воздействия (реализуется в процессе передачи успокоения, совета, убеждения в чем-то, внушении каких-то мыслей, формировании представлений). Так, в отрывке произведения Ю. Семенова представлено описание ситуации, в которой происходит трагедия – гибель героя:

Копытов обернулся, чтобы спросить того, что помоложе, но ничего не успел спросить, потому что страшной силы удар обрушился на него, смял и бросил на землю. Падая, он увидел Генку, который ехал на взрослом велосипеде, жену и бабушку Фросю. Она пела песню и возилась с тестом. А потом всё исчезло, стало лишним и безразличным ему – отныне и навсегда [Семенов, 2013, с. 14].

Изображение психологического состояния героя осуществляется при помощи изменения синтаксиса микротемы: предложения уменьшены в объеме в зависимости от того, насколько персонаж отдаляется от реальной

действительности и приближается к гибели. То есть можно говорить о функциональном проявлении категории персональности, которая реализуется за счет изменения синтаксиса, приобретения коннотаций синтаксическими средствами языка. В данном случае имплицитной прагматической интенцией со стороны автора является создание у читателя психоэмоционального напряжения, потребности понять ситуацию.

В приведенном примере используются следующие грамматические средства: сложноподчиненные предложения, подчинительные союзы и союзные слова (*что, и, который*). Автор не использует обозначения имени собственного при определении человека, который лишает жизни другого человека, вместо этого применяется обезличивающее сочетание *что помоложе*. Это контрастирует с именами близких людей, звучащими в описании промелькнувшего у героя воспоминания: *«Падая, он увидел Генку, ...жену и бабушку Фросю»*. Быстрота происходящего передается с помощью глаголов: *удар обрушился..., смял и бросил*. Наречия *отныне и навсегда*, местоимение *всё*, имена прилагательные *лишним и безразличным* призваны передать необратимость произошедшего. Данные языковые средства образуют совокупность денотатов, представляющих описываемую ситуацию и уточняющих смысловую структуру текста в психологическом контексте. При этом семантическая структура, коррелируя с информативной структурой, расширяется, презентуя психоэмоциональную оценку автора. Итенсификаторами выступают наречия *отныне и навсегда*, гипербола *страшной силы удар*, универсальное местоимение *всё*.

Психологизм становится важным средством передачи читателю информации о значимых для героя ценностях: посредством использования неопределенно-личных структур, выявляется роль происходящего. При помощи психологизма читателю «приобретает» экзистенциальные ценности (понятия о красоте, жизни, детстве, чувстве собственного достоинства и др.). В тексте их значимость усиливается посредством местоимения кореферентности *всё*, которое выражает тождество с реалиями, обозначенными выражением *«он увидел Генку, который ехал на взрослом велосипеде, жену и бабушку Фросю»*. Здесь

универсальное местоимение *всё* является объединяющим для объектов жизни человека (сын, воспоминания, семья, любовь, детство), то есть того, что в общем смысле можно назвать «жизнь».

Обобщенная характеристика *всё* *исчезло, стало лишним и безразличным* выделяет семантику неопределенности, играя роль маскировки действий, психологического состояния героя. Автор использует художественные средства имперсональности для переключения внимания как от самого героя, так и от других персонажей, имплицитно указывая на то, что сами действия более значимы, чем тот человек, который его осуществил.

Авторами в тексте может использоваться множество языковых средств для передачи психологического состояния героя, при этом существует возможность реализации нескольких функций с помощью одной языковой единицы. Это происходит за счет смысловых связей, устанавливаемых между данной единицей и психологическими характеристиками речевого высказывания. В этом случае можно говорить о языковом средстве выражения категории персональности как модификаторе. С целью иллюстрации данного положения, например, обратимся к анализу отрывка произведения Г. Хольц-Блаумерта, где автор использует частицу *noch*:

Ich musste ihr noch die Sache erzählen... (Я был вынужден рассказать ей еще историю) [Holtz-Baumert, 2015, S. 7].

При помощи частицы *noch* автор переводит внимание читателя на события уже знакомые, и, соответственно, в тексте возникает повторяющаяся ситуация. При этом, исходя из содержания текста, данное повторяющееся событие несет в себе юмористический, смешной, забавный оттенок. Повторяемость события является отражением потребности в нормализации, при этом нормальное отождествляется с позитивным, что характеризует отражение мира в сознании человека. На основании такой характеристики языковых средств можно с уверенностью говорить о возможности текста передавать психологическое состояние, настроение, установки автора и его героев при помощи отдельных языковых единиц. Кроме того, в рамках данного отрывка текста частица *noch*

является не только средством выражения психологического состояния, но и целого ряда других текстовых функций категории личности: с ее (частицы) помощью происходит информирование о действиях; трансляция смысла комичности обстоятельств; передача эмоционально положительных переживаний в отношении персонажа.

Следует отметить, что употребляя частицы *immer, nur, nicht* или частицы усиления *ber, auch, bereits, besonders, bloß, denn, doch, etwa, ganz, gar, gerade, geradezu, höchst, mal, noch, schon, sehr, selbst, so, sogar, überhaupt, viel, weit, weitaus, zu*, автор указывает на психологические особенности характера повествователя, при этом изображая снисходительное, сочувственное, доброжелательное отношение, тягу к самоанализу, уважение к повествователю и героям, а также к тем обстоятельствам, с которыми сталкивались герои в тот или иной период жизни. Соответственно, показатель функционального воздействия определяется идентификацией психоэмоциональных состояний и когнитивных образов.

7. Функция самовыражения и самопрезентации личности автора текста (реализуется в рамках создания в тексте интеллектуального, речевого и эмоционального портрета автора). Так, в тексте Ю. Семенова создается впечатление, что автор избегает темы смерти. Между тем, в русской литературе немало примеров описания этого сложного явления (Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой, М. Горький [Кудряшова, 2013] А.П. Чехов [Зайцева, 2008], В.М. Шукшин [Заречнов, 2012] и др.). Можно предположить, что особые интенции автора, его этические установки не позволяют ему в больших подробностях с применением разнообразных стилистических и семантических средств представить читателю описание смерти героев. Однако здесь возникает особое явление в лингвистике: физическая характеристика языкового феномена (краткость, временная регламентация) отражает особенности явления действительности (краткость, мгновенность). Мгновение, в котором происходит разрыв между жизнью и смертью человека, характеризующееся очень коротким временным промежутком, отражено в тексте высоким уровнем краткости текста. Стремление автора как

можно точнее и наиболее кратко изобразить гибель героя позволяет говорить о его желании отразить трагедийность события и передать высокое чувство уважения к умершим:

*Яркий свет прожектора резанул ночь легко, словно острый нож кусок черного хлеба. **Ночь раскололась надвое, и все увидели мертвого Копытова.** Он лежал, сжавшись в комочек, щупленький старый человек с большими руками крестьянина. Его руки словно жили еще. Они обнимали землю, сквозь которую пробивалась первая зелень, казавшаяся синей в белом свете прожектора* [Семенов, 2013, с. 14].

Среди грамматических языковых средств, использующихся в тексте, следует выделить сложноподчиненные и сложносочиненные предложения. Среди лексико-семантических средств:

- ассоциативно-образное сравнение: *словно острый нож кусок черного хлеба*;
- эпитеты: *щупленький старый человек*;
- аллегория: *с большими руками крестьянина, комочек*;
- метафоры: *свет прожектора резанул ночь, ночь раскололась надвое, они обнимали землю*.

Особую роль в данном отрывке играет сложносочиненное предложение: *Ночь раскололась надвое, и все увидели мертвого Копытова*. В одном предложении представлены два события, которые следуют одно за другим и, на первый взгляд, семантически не связаны друг с другом. Однако эта связь обнаруживается при распознавании семантического значения выражения «*Ночь раскололась*». В русском языке слово *расколоться* означает «рассечься, раздробиться» [Ожегов, 1987], применяется по отношению к предметам, имеющим материализованную сущность. Слово *ночь* используется для обозначения временного отрезка: автор наделяет сущность, не обладающую характеристиками материи (в частности, локализацией в пространстве, наличием массы, способностью к превращению в различные формы), свойством, которое применимо к материальному предмету.

Однако это не просто метафора: происходит самовыражение личности автора путем активизация визуально-перцептивной системы читателя, которая, в свою очередь, формируется за счет создания образа времени, наделенного свойствами материи (смысл передается с увеличенной интенсивностью). В результате *ночь*, в представлении автора, выступает не как беспредельное явление, она предстает как нечто, как явление мироздания, способное потерять свою целостность и бесконечность, что раскрывает автора с точки зрения его мировоззренческих интенций.

Соответственно, наблюдается сближение авторского понимания ночи с некоторыми традициями архетипичного представления ночи в различных культурах. Так, например, во времена позднего Ренессанса особое значение обретают трагедийные образы ночи, суть которых заключается в переносе ответственности за жестокость людей, несправедливость на явления природы [Сальникова, 2012]. В некоторых случаях ночь в культуре отождествляется со смертью [Левочский, 2015]. Под покровом ночи могут происходить загадочные, таинственные или непонятные события. В антропологических практиках ночь предстает как период беззащитности человека, его беспомощности и уязвимости. В тексте это передается и усиливается во фразе: «*Он лежал, сжавшись в комочек, щупленький старый человек*». Кроме того, очевидно эмоциональное присутствие автора: определенные события, происходящие с героем, вызывают у автора страх, тревогу, гнев, чувство жалости и уважения к нему (герою), осуществляется интенсификация эмоционального восприятия ситуации (показатель функционального воздействия).

Самовыражение и самопрезентация личности автора в художественных произведениях может выражаться через представление других персонажей, например, через представление родителей (в т. ч. родителей героев произведения):

Mama sagt, fremde Frauen sind immer Damen (Мама говорит, незнакомые женщины – всегда госпожи). <...> Mama immer gesagt hat... (Мама всегда говорила...) [Holtz-Baumert, 2015, S. 3].

Постоянное мысленное обращение к матери, которое выражается в идеях, где автор сравнивает собственные действия с теми знаниями о матери, говорят о достаточно теплых воспоминаниях автора о детстве, о его трепетном отношении к тем событиям, которые происходили с ним, когда он еще был ребенком, был непосредственным, эмоциональным, искренним. С целью изображения особенного отношения к детскому периоду автор прибегает к различным языковым средствам:

Die Kollegin war so nett und sagte: «Und ich heiÙe Zwei» (Коллега была так мила и сказала: «А меня зовут Цвой») [Holtz-Baumert, 2015, S. 3].

Здесь повествователь называет героиню *Die Kollegin*. Денотативное значение языковой единицы *Die Kollegin* обусловлено такой характеристикой: ‘человек, относящейся к профессиональной сфере и осуществляющий деятельность, аналогичную той, которую выполняет субъект’. Однако важно учитывать, что здесь повествование ведется от лица подростка, который к тому же не является профессионалом в данной сфере. При этом он так хочет принадлежать к классу писателей и журналистов, что он называет свою собеседницу коллегой. Вероятно, в данном случае автором используется номинация не из-за неверного представления о применимости этой номинации к объекту (к госпоже Цвой), а вследствие передачи стремления героя стать профессиональным, самостоятельным, относиться к тому классу людей, которые своим творчеством меняют действительность.

8. Функция передачи мотивов, ценностей, потребностей (реализуется в ходе трансляции не только авторских, но и общественных, общекультурных ценностей). С целью представления функции передачи мотивов, ценностей, потребностей обратимся к анализу семантического значения глаголов в контексте различных микротем:

Алена бежала по лужам, и звезды брызгами поднимались вверх, шлепались на землю и разбивались. Она бежала все быстрее и быстрее. Алене казалось, что сейчас все зависит от того, как быстро она прибежит в больницу к Рослякову, которого зовут детским именем Валя.

Она бежала и плакала, а звезды брызгами взлетали в небо и пропадали потом, разбившись об асфальт, который был по-земному теплым [Семенов, 2013, с. 488].

Определим общую семантику глаголов текста: *бежала, поднимались, шлепались, разбивались, прибежит, казалось, плакала, взлетали, пропадали, был* как значение движения. Все глаголы, которые использует автор в данной микротеме (за исключением *казалось, был*), несут значение динамики, что является в данном случае закономерным: героиня торопится в больницу к спасенному мужу, который получил ранение в борьбе с преступником. Движение здесь передает основные мотивы (характерные для автора и персонажа) – символ жизни и надежды.

В следующей микротеме речь идет о преступнике, который прячется от правосудия:

Теперь все это кончилось, а вчера ночью ударил первый заморозок. Горы сделались белыми, вокруг то и дело что-то потрескивало, будто кто подкрадывался к шалашу <...> Вокруг в лунной ночи все было белым, рельефным и трескучим [Семенов, 2013, с. 504].

Здесь очевидно преобладание глаголов, коннотация которых определяется как статичность или завершенность действия (*кончилось, ударил, сделались, потрескивало, было*). На наш взгляд, можно говорить о языковом феномене, который заключается в следующем: отношение автора к персонажам произведений, к их поступкам, соответствующим ценностям выражается посредством определенного семантического наполнения глаголов микротемы. В этом случае речь идет о функциях: оценивание значимости явления, выражение общечеловеческих и общекультурных ценностей (показатель функционального воздействия).

Реализация функции передачи мотивов, ценностей, потребностей может осуществляться при помощи различных языковых средств, в т. ч. при использовании в тексте пассивных конструкций:

Она была подарена ему еще до войны правительством. Оценивалась она в тридцать тысяч золотом [Семенов, 2013, с. 86].

Schon am nächsten Tag klappte es (Это удалось уже на следующий день) [Holtz-Baumert, 2015, S. 42].

В данном случае пассивная конструкция способствует не только передачи авторских мотивов, но и перемещению фокуса с деятеля на само действие, тем самым, деперсонифицируя высказывание. В свою очередь, в высказывании: «*Dann sollen sie mich mal wegen meinem Namen ärgern!*» (Пусть только попробуют разозлить меня из-за моего имени!) [Holtz-Baumert, 2015, S. 36] автором используются выразительные средства: модальный глагол *sollen* в побудительной форме, глагол *sich ärgern*. Имплицитно выражается мотивация автора действовать, если со стороны других будет звучать оскорбление, принижение его личности. Этот пример ярко иллюстрирует наличие функции выражения общечеловеческих ценностей как функции категории персональности. Отметим, однако, что смысл передается имплицитивно и формируется из содержания отдельных элементов текста, микротем, эпизодов. Данная импликация не представлена непосредственно читателю, а находится семантически «глубоко», опосредованно выражается посредством языковых маркеров. Речь идет о явлении, описанном в работах И.В. Арнольд [Арнольд, 1982], В.Н. Артамонова [Артамонов, 2009], Л.Г. Бабенко [Бабенко, 2006], А.В. Бондарко [Бондарко, 2006], Е.В. Ермаковой [Ермакова, 2010], В.А. Кухаренко [Кухаренко, 1974] и др. исследователей, обративших внимание на языковые возможности непрямого (скрытого) выражения смысла посредством контекста, синтагматики единиц и т. п.

Таким образом, рассмотрев основные текстообразующие функции категории персональности в рамках комплексности как одной из значимых характеристик их (функций) реализации, можем сделать вывод о том, что комплексный подход в ходе анализа функционального предназначения категории персональности раскрывает совокупность языковых средств различных уровней, которые связаны между собой системными отношениями, позволяет выявить

общее значение, характерное для всех его конститuentов. При этом гетерогенность категории персональности, проявляющаяся в разнородности средств выражения, требует обращения к выявлению особенностей связей между языковыми единицами разных уровней, закономерностей формирования текстового потенциала персональности.

Кроме того, комплексный подход к исследованию проблемы позволяет говорить о потенциале анализируемой категории, проявляющейся как в целостном тексте, так и его микротемах. При этом следует учитывать, что потенциал категории персональности напрямую связан с рассмотренными функциями, определяется ими или, точнее, их сочетанием, поскольку каждая из представленных функций реализуется в тексте не отдельно, а в комплексе с другими функциями. Соответственно, проведенный анализ позволяет обобщить ранее представленную классификацию функций категории персональности и условно выделить три блока их (функций) результирующих показателей, раскрывающихся с точки зрения воздействия ряда компонентов текстового потенциала:

1 блок – информативный, идентификационный и художественно-эстетический компоненты текстового потенциала категории персональности (которые далее будут рассмотрены в контексте имплицитности как характеристики функционального проявления данной категории – п. 2.2);

2 блок – эмотивный, экспрессивный и эмпатический компоненты текстового потенциала категории персональности (будут рассмотрены в рамках функционального проявления категории – п. 2.3);

3 блок – компонент перцептивной актуализации и побудительно-нормативный компонент текстового потенциала персональности (будут рассмотрены в рамках актуализации рефлексивных процессов адресата в функциональном проявлении категории – п. 2.4).

2.2. Имплицитность / эксплицитность как характеристика функционального проявления категории личности

Для исследования имплицитности и эксплицитности как характеристики функционального проявления категории личности и ее (категории) информативного, идентификационного и художественно-эстетического компонентов текстового потенциала целесообразно обратиться к контексту, отражающему направленность конкретного высказывания. Ознакомление читателя с определенными условиями, в которых происходят события, с помощью грамматических и лексико-семантических средств позволяет понять значимые характеристики автора.

2.2.1. Информативный компонент текстового потенциала категории личности

Потенциальная способность языковых единиц, приобретаемая ими в результате получения нейтральных грамматических и лексико-семантических конструкторов, обнаруживать знания о значимых объектах или явлениях действительности согласно интенциональности автора, представляет *информативный компонент* текстового потенциала категории личности. Данный компонент определяется целым рядом показателей функционального воздействия и средств выражения, реализующихся как эксплицитно:

Милиционер Копытов заступил на дежурство в двенадцать часов ночи [Семенов, 2013, с. 11];

Unser neuer Lehrer hatte nicht bemerkt, dass ich gestern auch da gewesen war... (*Наш новый учитель не заметил, что вчера я тоже был здесь...*) [Holtz-Baumert, 2015, S. 136],

при помощи семантических единиц, обозначающих лицо, время, действия, и обусловленных знанием о действиях персонажа, последовательности действий (показатель функционального воздействия); так и имплицитно:

Прохор был невысок, безлик и казался с первого взгляда серым и словно бы пыльным [Семенов, 2013, с. 82].

Эпитет *безлик* несет основную функциональную нагрузку, указывая на отсутствие у персонажа лица. В традиции русского языка безликость приписывают людям, лишенным индивидуальности, незаметным, с непонятными и неясными взглядами, желаниями и др. Именно эта характеристика подчеркивается далее с помощью эпитетов *серый* и *пыльный*. Возможно, автор желает, чтобы у читателя возникла ассоциация с каким-либо фразеологическим оборотом русского языка, содержащим слово *пыль*. Так, например, мы можем вспомнить выражения: *пускать пыль в глаза* – ‘создавать ложное впечатление о себе у кого-либо, пытаюсь представить себя, своё положение значительно лучше, чем оно есть в действительности, на самом деле’ [Федоров, 2008, с. 548], *поднимать пыль* – ‘устраивать скандал из-за чего-либо; предавать огласке какие-либо неблагоприятные факты’ [Там же, с. 485], *без шума и пыли* – ‘спокойно, не привлекая внимания’ [Белянин, 1994, с. 19], *из-за угла пыльным мешком прихлопнутый / прибитый* – ‘о том, кто глуповат, чудаковат’ [Там же, с. 66].

Из негативной коннотации данных фразеологизмов становится понятно, что автор наделяет персонажа отрицательными характеристиками, придавая особое значение связи концепта «ум» с нравственной сферой. Безнравственность персонажа подтверждается в сюжете произведения. Усиливая создаваемое у читателя отношение к персонажу, автор использует лексику разговорного стиля: качественно-обстоятельное наречие *без умолку*, деепричастия *похохатывая*, *заглядывая в глаза*; метафорическое сочетание «*Шея ... стягивалась ... веревками жил*», эпитеты *маленький*, *серый человечек* (*А придумал эти два преступления маленький, серый человечек по имени Прохор*) [Семенов, 2013, с. 85].

Описание конкретных деталей в художественном тексте (как показатель функционального воздействия и проявления категории персональности) зачастую представлено эксплицитно:

...громыхая у плиты чугунными горшками [Семенов, 2013, с. 11];

Sie hatten früher auf einer Bank zusammengesessen und sich seit dreißig Jahren nicht gesehen (они раньше сидели за одной партой и не видели друг друга уже тридцать лет) [Holtz-Baumert, 2015, S. 136],

в первом примере выражается как деепричастный оборот, во втором – как сложноподчиненное предложение. Однако при описании конкретных деталей информация может передаваться и имплицитно, в частности, этому способствует наличие в тексте повторов (слов и сочетаний). Например, чтобы передать щемящее чувство жалости Леньки к старику Льву Ивановичу, Семенов описывает охватившие его воспоминания, используя повторы *он вспомнил, когда он*:

Он вдруг вспомнил те долгие вечера..., когда он, радуясь, жарил яичницу...; когда он помогал ему...; когда он спасал его перед директором... Он вспомнил, как старик приглашал его в театры... Все это вспомнил Ленька, и лицо его тряслось все больше и больше [Семенов, 2013, с. 32].

В данном примере экспрессивные коннотации усиления сказуемого *вспомнил* возникают из взаимодействия исходных значений предложений и слов с фоновыми знаниями под влиянием речевой ситуации. Присутствие слов и словосочетаний семантики содействия и соучастия *радуясь, спасал, помогал, читал стихи* позволяет выявить коннотации стыда, сожаления, душевного тепла, доброты.

В свою очередь, личностные характеристики (персонажа, повествователя, автора) могут выражаться при помощи целого комплекса языковых средств как имплицитно, так и эксплицитно:

1. При помощи предикативных наречий, которые обозначают статическое состояние и которые выступают в роли сказуемого (предиката) в безличном предложении:

Надо заранее узнать, кто собирается ехать за машиной [Семенов, 2013, с. 250] (эксплицитно);

2. При помощи идиом, различных оборотов речи, употребляющихся как единое целое (фразеологические сращения):

Он считал, что лучше и безопаснее *перегнуть палку, чем недогнуть ее* [Семенов, 2013, с. 131] (имплицитно);

3. При помощи неопределенных местоимений, указывающих на то, что объект, к которому отсылает местоимение (или его свойства), неизвестны или неточно известны:

Замычал *что-то* невнятное [Семенов, 2013, с. 118], *Es muss unter Männern Geheimnisse geben* (у мужчин должны быть секреты) [Holtz-Baumert, 2015, s. 124], *Poirot said placidly, «One does not, you know, employ merely the muscles...»* (Пуаро невозмутимо сказал: «Знаете, никто не использует только мышцы...») [Christie, 2012, p. 5] (имплицитно);

4. При помощи аллегорий – иносказательных изображений абстрактных понятий или явлений через конкретные образы (персонификация человеческих свойств или качеств):

Большие руки крестьянина [Семенов, 2013, с. 14] (имплицитно);

5. При помощи эпитетов – слов / выражений, способствующих созданию более выразительного образа с целью подчеркивания характерных свойств объекта (персонажа, автора) или предмета:

Es stellte sich heraus, dass der dicke Herr, den ich torpediert hatte, Papas Schulfreund war (Выяснилось, что толстый господин, которого я торпедировал, был папин школьный товарищ) [Holtz-Baumert, 2015, s. 122], *His questions were quiet and unemotional, but they were steadily persistent* (Его вопросы были тихими и незмоциональными, но они были постоянно настойчивыми) [Christie, 2012, p. 20] (эксплицитно);

6. При помощи сниженной лексики, отличающейся от литературного языка и использующейся для передачи информации в определенной форме, свойственной для естественной речи:

Без прав. Зарботок – на четверть меньше, чем раньше. А подкальмить надо? В том-то и дело [Семенов, 2013, с. 98] (имплицитно);

7. При помощи эллиптических высказываний – неполных, неразвернутых высказываний, в которых пропущены, хотя и предполагаются, определенные их (высказываний) части:

*Адресок взял, **десятку бросил**. Уже другое дело. Жизнь* [Семенов, 2013, с. 98] (имплицитно);

8. При помощи модальных глаголов, не выражающих действие или состояние, при этом отражающих отношение говорящего к действию:

Dann gingen sie beide mit mir zum Sprungturne und sagten, sie wollen mir jetzt gemeinsam Korpsprung beibringen (Потом они оба пошли со мной к вышке для прыжков и сказали, что они теперь вместе будут учить меня прыжкам в воду) [Holtz-Baumert, 2015, S. 123] (имплицитно), и т. д.

Категория персональности активно реализуется за счет метафорических высказываний, представляющих собой, чаще всего, иносказание, наглядное, картинное выражение абстрактных явлений посредством конкретного образа, то есть в большинстве используемых метафор абстрактный образ получает конкретное значение и обобщается. Так, например, в следующем примере метафора дает возможность автору представить процесс восприятия персонажем диалога. В данном случае речь идет не о каком-либо поэтическом образе, способном интенсифицировать эмоциональное состояние читателя; это метафора, которая призвана объяснить идеи автора об эмоциях самого персонажа и его особенном восприятии ситуации:

*Поэтому Чита не видел их лиц и их глаз, он видел только яркие черные контуры трех людей, которые каждым своим вопросом **вбивали ему в голову, прямо в темечко, страшные гвозди*** [Семенов, 2013, с. 178].

Имплицитно выражается позиция автора и относительно преступного мира и людей, относящихся к нему:

*«Они заставляют человека напрягаться до предела, для того чтобы **победить в борьбе со зверством*** [Семенов, 2013, с. 141].

Сложная работа по борьбе с преступностью уподобляется охоте, уничтожению зверей. Используя метафорическое выражение «жучок» с

бегающими глазами, автор изображает человека хитрого, низкого в своих нравственных представлениях:

Они уважают разум. С ними должен говорить разумный, интеллигентный человек, а не «жучок» с бегающими глазами [Семенов, 2013, с. 229].

Смысл данной характеристики эксплицируется, прежде всего, на основе образа, порожденного в результате функционирования когнитивных процессов, отвечающих за рациональные аспекты образного действия. То есть, персональность в данном случае проявляется в актуализации автором причинно-следственных связей читателя, которые возникают в результате мыслительного процесса в ходе осознания сущности личностных характеристик персонажа.

Что касается информации, передающей состояние персонажа, его действия, а также специфику этих действий (в данном случае речь идет о показателях функционального воздействия: знание о состоянии персонажа, знания о действиях, знание о состояниях и особенностях ситуации), то она (информация) в рамках своих имплицитных / эксплицитных характеристик может выражаться как:

– безличное предложение, содержащее в себе информацию о действии или состоянии, которое возникло и существовало независимо от субъекта действия или носителя состояния:

Он выпил стакан нарзана, и в голове у него зазвенело тонко-тонко [Семенов, 2013, с. 28] (имплицитно);

– парцеллированная конструкция, представленная в виде отдельных фрагментов, обособленных с помощью пунктуации и интонации:

Тожэ без толку. Потом вспомнил – Останкино! Рванул туда. Остановили двое [Семенов, 2013, с. 98], *Elsa Dittisham got up. She went across to the door. She said again, «I died...»* (Эльза Диттишем встала и подошла к двери. Она снова сказала: «Я умерла ...») [Christie, 2012, p. 20] (имплицитно);

– обозначение действия, которое позволяет получить информацию о состоянии персонажа:

Papa war guter Laune, er sang beim Rasieren (Папа был в хорошем настроении, он пел во время бритья) [Holtz-Baumert, 2015, S. 112] (эксплицитно);

– пассивная синтаксическая конструкция, которая формируется за счет переходных глаголов в форме страдательного залога и противопоставляется активной конструкции:

Она была подарена ему еще до войны правительством [Семенов, 2013, с. 85], *Der Herr war sehr nett und sagte, der Handschuh sei aus Ziegenleder und sehr geschmackvoll...* (Господин был очень любезен и сказал, что перчатка сделана из козьей кожи и со вкусом) [Holtz-Baumert, 2015, S. 100] (эксплицитно);

– модальный глагол, выражающий знание о состояниях, специфики описываемых ситуаций при помощи отношения говорящего к действию:

Он сейчас бы знал, что надо сделать! Сейчас бы он бросился на них и вцепился мертвой хваткой [Семенов, 2013, с. 72], *Sie wollten aufpassen, was mit uns geschieht* (Они хотели посмотреть, что с нами произойдет) [Holtz-Baumert, 2015, S. 74], *Now that he saw her at close quarters he realized that Angela Warren might easily have been a very handsome woman* (Теперь, когда он увидел ее с близкого расстояния, он понял, что Анджела Уоррен могла бы быть очень красивой женщиной) [Christie, 2012, p. 20] (имплицитно), и т. д.

Эффект реальности событий (показатель функционального воздействия) обеспечивается за счет введения автором различных описаний, определяющих пространственную локализацию изображаемых событий – места действия:

Давай у вокзала, ладно? У Курского. Мне туда ехать на метро просто, без пересадок [Семенов, 2013, с. 76], *У нее комната с видом на Пушкинскую площадь* [Семенов, 2013, с. 77], *Er kam mit seinen Eltern aus dem Erzgebirge hierher* (Он приехал сюда со своими родителями из Рудных гор) [Holtz-Baumert, 2015, S. 189] (эксплицитно), и т. д.

Соответственно, информативный компонент отражается в целом комплексе средств выражения категории персональности.

Таблица 1– Информативный компонент текстового потенциала категории персональности

Показатель функционального воздействия	Средства выражения	Примеры
Знание о действиях персонажа, последовательности действий	Форма 3-го лица	<i>Он достал дело. Он шел. Ein paar Mädchen in ihrer Nahe sahen mich auch an und kreischten los.</i>
	Деепричастный оборот	<i>Гроыхая у плиты чугунными горшками</i>
Знание о конкретных деталях	Сложноподчиненное предложение	<i>Sie hatten früher auf einer Bank zusammengesessen, und sich seit dreißig Jaren nicht gesehen</i>
	Предикативное наречие <i>надо</i>	<i>Надо заранее узнать, кто собирается ехать за машиной...</i>
Знание о планах персонажа, личностных характеристиках	Идиома	<i>Он считал, что лучше и безопаснее перегнуть палку, чем недогнуть ее</i>
	Неопределенное местоимение	<i>Замычал что-то невнятное... Es muss unter Männern Geheimnisse geben. One does not, you know, employ merely the muscles</i>
	Аллегория	<i>Большие руки крестьянина</i>
	Эпитеты	<i>Прохор был невысок, безлик и казался с первого взгляда серым и словно бы пыльным. ...Das der dicke Herr... His questions were quiet and unemotional, but they were steadily persistent</i>
	Сниженная лексика	<i>А подкальмить надо?</i>
	Эллиптические высказывания	<i>Адресок взял, десятку бросил. Уже другое дело. Жизнь</i>
	Модальный глагол	<i>Dann gingen sie beide mit mir zum Sprungturne und sagten, sie wollen mir jetzt gemeinsam Korpsprung beibringen</i>
Знание о состоянии персонажа	Безличное предложение	<i>Он выпил стакан нарзана, и в голове у него зазвенело тонко-тонко...</i>
	Парцеллированные конструкции	<i>Тожэ без толку Потом вспомнил – Останкино! Elsa Dittisham got up. She went across to the door. She said again, "I</i>

Продолжение таблицы 1

		<i>died..."</i>
	Обозначение действия	<i>...Er sang beim Rassieren</i>
Знания о действиях	Пассивная конструкция	<i>Она была подарена ему еще до войны правительством. ...Der Handschuh sei aus Ziegenleder</i>
Знание о состояниях, особенностях ситуации	Модальные глаголы	<i>Он мог бы на этом этапе остаться прежним...Он сейчас бы знал, что надо сделать! Sie wollten aufpassen. ...Angela Warren might easily have been a very handsome woman</i>
Эффект реальности событий	Названия места действия	<i>Оркестр «Перо», кафе на Пушкинской, Когда они встретились в «Ласточке»... Er kam mit seinen Eltern aus dem Erzgebirge hierher</i>

Результирующие показатели функционального воздействия выразительных средств информативного компонента текстового потенциала личности могут быть классифицированы, и основанием для классификации выступает отношение информации к объектам действительности – личности или ситуации. Показателями функционального воздействия, маркированными выразительными средствами, характеризующими личность персонажа, являются: знание о действиях и последовательности действий, состояний, личностных особенностей субъекта, включающих мотивационные, эмоциональные, когнитивные характеристики. Показателями функционального воздействия, характеризующими ситуацию действия, являются знания о месте действия, конкретных деталях. Названия конкретных заведений, учреждений и др. способствуют созданию эффекта реальности событий. Все используемые выразительные языковые средства позволяют диагностировать внутренний мир персонажа, его социальный статус, особенности мыслительной сферы персонажа.

2.2.2. Идентификационный компонент текстового потенциала категории личности

Потенциальная способность языковых единиц, приобретаемая ими в результате формирования нейтральных грамматических и лексико-семантических конструкторов, выявлять возможность читателя узнавать свои действия, мысли, чувства, в целом компоненты образа «Я» в процессе перцептивных действий, представляет *идентификационный компонент* текстового потенциала категории личности. Данный компонент (как и информативный) определяется за счет ряда показателей функционального воздействия и средств выражения, реализующихся как на эксплицитном, так и имплицитном уровне. Так, например, исходя из показателей функционального воздействия, процесс, связанный с установлением тождественности неизвестных объектов (образов) известным на основании совпадения признаков, условно определяется за счет следующих показателей:

1. Идентификация образов мнемических процессов (распознавание объектов (образов), выражающееся через совокупность процессов, связанных с основными функциями памяти: запоминания, воспроизведения (воспоминания), забывания и пр. Данный показатель выражается при помощи:

1) сравнений:

Он помнил ее с детских лет, когда бабка Фрося, вслухшая и громадная, как сундук, тянула эту песню, громыхая у плиты чугунными горшками [Семенов, 2013, с. 11] (имплицитно);

2) усилительных частиц:

Aber niemand wird mir glauben, dass der Direktor mal gedacht hat, ich bin Bambino, und dass ich schon auf dem Pony ganz schöne Kunststücke fertig gebracht habe (Но никто мне не поверит, что директор однажды подумал, что я и есть Бамбино, и что я уже исполнил на пони несколько хороших трюков) [Holtz-Baumert, 2015, S. 55] (эксплицитно);

3) изменения синтаксиса микротемы (увеличение семантических единиц и грамматических средств по мере отдаления персонажа от настоящего к прошлому):

Милиционер Копытов заступил на дежурство в двенадцать часов ночи. Он шел по уснувшей улице не спеша, мурлыча под нос старую тягучую песню. Он помнил ее с детских лет, когда бабка Фрося, вспухшая и громадная, как сундук, тянула эту песню, громыхая у плиты чугунными горшками [Семенов, 2013, с. 11] (имплицитно), и т. д.

2. Идентификация эмоциональных состояний (распознавание состояний, которые были вызваны переживанием субъекта (персонажа, автора) по отношению к внешнему миру и самому себе и которые тесно связаны с индивидуальной семантической значимостью, поступающей к читателю информации). Показатель эмоциональных состояний определяется за счет следующих средств выражения:

1) паронимов (слов, сходных по звучанию и морфемному составу, но различающихся с точки зрения лексического значения):

*Он шел по уснувшей улице не спеша, мурлыча под нос старую **тягучую песню**. Он помнил ее с детских лет, когда бабка Фрося, вспухшая и громадная, как сундук, **тянула эту песню**, громыхая у плиты чугунными горшками [Семенов, 2013, с. 11] (имплицитно);*

2) Сравнительных конструкций, которые расчленяют самостоятельные распространенные предложения в инверсионной форме:

В мелких брызгах – улицу часто поливали неповоротливые, как броневики, и такие же пузатые автомобили – играла синяя радуга [Семенов, 2013, с. 70] (имплицитно);

3) Описаний невербальных характеристик (позволяющих повествователю отражать личностные характеристики персонажей и самого автора: их настрой, эмоциональный фон, отношение к той или иной ситуации):

Als wir an Peter und Bruno vorbeifuhren, winkten wir ihnen lächelnd zu (Когда мы проезжали мимо Петера и Бруно, мы, улыбаясь, помахали им рукой) [Holtz-Baumert, 2015, S. 74] (имплицитно), и т. д.

3. Идентификация когнитивного образа (распознавание художественного образа как субъективной репрезентации объекта с определенным набором признаков). Обусловлен данный показатель идентификационного компонента текстового потенциала категории персональности следующим набором средств выражений:

1) градацией (определяющейся расположением слов и выражений, а также средств художественной изобразительности, в соответствии с возрастающей или убывающей значимостью):

*Он помнил ее с детских лет, когда бабка Фрося, **вспухшая и громадная, как сундук**, тянула эту песню, громыхая у плиты чугунными горшками* [Семенов, 2013, с. 11] (имплицитно);

2) сравнением (которое позволяет автору установить уравнивательные отношения между отдельными предметами и явлениями художественной действительности):

*В мелких брызгах – улицу часто поливали **неповоротливые, как броневики, и такие же пузатые автомобили** – играла синяя радуга* [Семенов, 2013, с. 70] (имплицитно);

3) безличным предложением, определяющимся действием (состоянием), которое существует независимо от субъекта действия или носителя состояния:

Ich sage, es heißt nicht disproportioniert sondern disqualifiziert, aber als Sportler darf man ja wohl nichts gegen einen Schiedsrichter sagen... (Я говорю, это называется не диспропорционировали, а дисквалифицировали, но ведь спортсмену нельзя ничего говорить наперекор судьбе...) [Holtz-Baumert, 2015, S. 187] (имплицитно), и т. д.

4. Идентификация мотивации (распознавание художественного образа персонажа в контексте его действий и побуждений к действиям, которые (побуждения) управляют поведением персонажа, задают его направленность,

организацию, активность и устойчивость). Данный показатель выражается при помощи:

1) эллиптических высказываний:

Она ж не политура, ее в магазине государство продает. И с закуской.

В последний раз, чего там... [Семенов, 2013, с. 98] (имплицитно);

2) модальных глаголов:

Sie wollten aufpassen, was mit uns geschieht. Der Mann an der Kasse sagte:

«Kommen Sie rein, hier werden Sie das Klappern Ihrer Zähne hören, hier werden

Sie zittern wie Hunde im Winter» (Они хотели посмотреть, что с нами

произойдет. Мужчина у кассы сказал: «Здесь Вы услышите как стучат

Ваши зубы, здесь Вы будете дрожать, как собаки зимой») [Holtz-Baumert,

2015, S. 73] (имплицитно), и т. д.

Следует отметить, что особое место (в рамках функционального проявления категории персональности и ее (категории) идентификационного компонента текстового потенциала, выраженного как имплицитно, так и эксплицитно) занимают модальные глаголы. Наблюдаются разные способы их использования (повтор модального глагола, сочетание с разными местоимениями, употребление в разных сочетаниях с другими лексическими единицами и др.), например:

Ломался режим работы сердца, оно могло захлебнуться кровью, оно могло споткнуться и замереть [Семенов, 2013, с. 164].

Здесь повторяется модальный глагол в сочетании с подлежащим, эксплицитно указывающим на сердце: *оно могло*. Кроме того, происходит метафорическая замена на имплицитном уровне: сердце олицетворено и вместо нейтрального глагола с прямой семантикой *остановиться* используются метафорические глаголы и сочетание: *захлебнуться кровью, споткнуться, замереть*. Все эти выразительные средства «работают» на решение целого комплекса задач и, прежде всего, идентификации эмоционального состояния персонажа (распознавания состояния, которое было вызвано переживанием персонажа). Сопереживание и сочувствие является доминирующей эмоцией,

представленной автором при использовании повтора модального глагола. Модальные глаголы могут встречаться в разных грамматических формах:

– в прошедшем времени:

*Сейчас посидим вместе, помаракуем, как это **могло** произойти* [Семенов, 2013, с. 245] (имплицитно);

– в сослагательном наклонении:

*Он **мог бы** на этом этапе остаться прежним* [Семенов, 2013, с. 133], *He **must have been**, when young, a handsome man* (Должно быть, он, когда был молод, был красивым мужчиной [Christie, 2012, p. 49] (имплицитно);

– в безличной форме:

***Хочется** в этом возрасте почувствовать себя сильным и нестарым...*
*Лёньки там быть не **могло*** [Семенов, 2013, с. 93] (эксплицитно);

– в 1-м лице множественного числа:

*Wir **mussten** uns festhalten, aber wie konnten wir aus dem Wagen steigen, der fuhr doch mit uns weiter* (Нам надо было крепко держаться, но как могли мы выбраться из вагона, который продолжал вместе с нами ехать) [Holtz-Baumert, 2015, S. 76];

– в 3-м лице множественного числа:

*Sie **wollten** aufpassen, was mit uns geschieht* (Они хотели посмотреть, что с нами произойдет) [Holtz-Baumert, 2015, S. 74].

Функционально роль модальных глаголов выражается здесь в представлении автором ситуации неопределенности, особого состояния персонажа, который не уверен в своих ценностях, личностных позициях, поведенческих проявлениях.

Соответственно, результирующие показатели функционального воздействия выразительных средств идентификационного компонента текстового потенциала персональности могут быть классифицированы, и основанием для классификации выступает уровень идентификации объекта, то есть его принадлежность к системе психических явлений: к памяти, эмоциональным состояниям или когнитивным функциям.

Таблица 2 – Идентификационный компонент текстового потенциала категории личности

Показатель функционального воздействия	Средства выражения	Примеры
Идентификация образов мнемических процессов	Сравнение	<i>Бабка Фрося, вспухшая и громадная, как сундук</i>
	Усилительная частица	<i>...Der Director mal gedacht hat, ich bin Bambino</i>
	Изменение синтаксиса микротемы (увеличение семантических единиц и грамматических средств по мере отдаления персонажа от настоящего к прошлому)	<i>Милицонер Копытов заступил на дежурство в двенадцать часов ночи...</i>
Идентификация эмоциональных состояний	Паронимы	<i>Тягучую – тянула</i>
	Сравнительная конструкция расчленяет самостоятельное распространенное предложение в инверсионной форме	<i>В мелких брызгах – улицу часто поливали неповоротливые, как броневики, и такие же пузатые автомобили – играла синяя радуга.</i>
	Описание невербальных характеристик	<i>...Winkten wir ihnen lächelnd zu</i>
Идентификация когнитивного образа	Градация	<i>Вспухшая и громадная, как сундук</i>
	Сравнение	<i>...Неповоротливые, как броневики, и такие же пузатые автомобили...</i>
	Безличное предложение	<i>...Aber als Sortler darf man ja wohl nichts gegen einen Schiedsrichter sagen</i>
Идентификация мотивации	Эллиптические высказывания	<i>В последний раз, чего там</i>
	Модальные глаголы	<i>Sie wollten aufpassen, was mit uns geschicht</i>

Следовательно, можно говорить о мнемическом, мотивационном, когнитивном, эмоциональном уровнях. Например: *бабка Фрося, вспухшая и громадная, как сундук* является объектом, относящимся к воспоминаниям детства персонажа, то есть это объект, который идентифицируется с образом, возникающим при функционировании мнемических процессов, на мнемическом уровне. Об идентификации эмоциональных состояний можно говорить в том случае, когда идентифицируемый объект (предмет, признак или действие) (*тягучая, тянула*) актуализирует определенную эмоцию. Идентификация на

когнитивном уровне означает отождествление образов, представленных автором, с образами читателя, который осуществляет когнитивно-оценочную деятельность. Мотивационный уровень идентификации – это определения мотивов поведения персонажа как собственных, прошлых или настоящих.

2.2.3. Художественно-эстетический компонент текстового потенциала категории персональности

Потенциальная способность языковых единиц, приобретаемая ими в результате формирования нейтральных грамматических и лексико-семантических конструкторов, обнаруживать возможность читателя испытывать эстетические чувства, акцентируемые автором, представляет *художественно-эстетический компонент* текстового потенциала категории персональности. Данный компонент (обусловленный способностью человека (автора, читателя) воспринимать, оценивать и воспроизводить реалии окружающего мира и, главным образом, содержание и формы художественного произведения с позиции эстетических критериев прекрасного / безобразного, возвышенного / низменного, трагического / комического и др.), определяется за счет переживания художественно-эстетических чувств и переживания эстетических чувств по отношению к объектам нравственно-ценностной сферы (показатели функционального воздействия категории персональности) и средств выражения, реализующихся как на эксплицитном, так и имплицитном уровне при помощи:

1) сравнений:

...неповоротливые, как броневики, и такие же пузатые автомобили [Семенов, 2013, с. 70], *Угро министерства действовал четко, как отлаженная машина...* [Семенов, 2013, с. 54] (имплицитно);

2) сравнительных конструкций, которые расчленяют самостоятельные распространенные предложения в инверсионной форме:

В мелких брызгах – улицу часто поливали неповоротливые, как броневики, и такие же пузатые автомобили – играла синяя радуга [Семенов, 2013, с. 70] (имплицитно);

3) эпитетов:

Die Kollegin war so nett und sagte: «Und ich heiße Zwei» (Коллега была так мила и сказала: «А меня зовут Цвой») [Holtz-Baumert, 2015, S. 3] (эксплицитно);

4) аллегорий:

Большие руки крестьянина [Семенов, 2013, с. 14] (имплицитно);

5) глаголов, обозначающих движение в глаголах микротемы:

*Алена бежала по лужам, и звезды брызгами **поднимались** вверх, **шлепались** на землю и **разбивались*** [Семенов, 2013, с. 488] (имплицитно);

б) формирования всевозможных концептуальных связей с нравственной сферой художественного мира произведения:

*Прохор был невысок, **безлик** и казался с первого взгляда **серым и словно бы пыльным*** [Семенов, 2013, с. 82] (имплицитно);

7) изменения синтаксиса в произведениях, относящихся к различным хронологическим периодам (в частности, уменьшения семантических единиц, относящихся к ситуации гибели персонажа):

*Она пела песню и возилась с тестом. **А потом все исчезло, стало лишним и безразличным ему – отныне и навсегда*** [Семенов, 2013, с. 14] (имплицитно);

8) частиц:

Julius sprach zwar ulkig, aber er war ein hervorragender Holzschnitzer. Wir glaubten ihm nicht, als er uns Sachen zeigte, die er selbst gemacht haben wollte (Правда, Юлиус забавно говорил, но зато он был превосходный резчик по дереву. Мы ему не поверили, когда он показал нам вещи, которые он, по его утверждению, сделал сам) [Holtz-Baumert, 2015, S. 189] (эксплицитно), и т.д.

Отдельно следует отметить значимость использования в художественных произведениях частиц как элемента, способствующего раскрытию художественно-эстетического компонента текстового потенциала категории персональности. Например, в немецком языке частицы, обладая значительной функциональностью, выражают субъективную модальность, которая не противоречит общей модальности предложения; зачастую определяют стилистические характеристики текста. Для интенсивности художественно-эстетических чувств, выражения интенций, выделения, обобщения и т. п. в тексте используются частицы разных семантических групп. Рассмотрим более подробно их предназначение при выражении категории персональности в различных вариантах употребления. Так, автор использует частицу *so*, обращаясь к читателю, тем самым автор обнаруживает себя в тексте, в определенном смысле присоединяется к читателю (информации выражается эксплицитно):

Ich bin Alfons Zitterbacke und bin so alt wie ihr (Меня зовут Альфонс Циттербаке, и мне столько же лет, сколько и вам) [Holtz-Baumert, 2015, S. 52].

Специфика выражения категории персональности в данном случае заключается в том, что автор сообщает о схожести между ним и читателем, не используя дополнительных самостоятельных частей речи. В следующем предложении автор усиливает акцент на присоединении, обращаясь непосредственно к читателю и используя уже другие частицы – *nun*, *gar*:

Und nun werdet ihr fragen, wie ich dazu gekommen bin, ein Buch zu schreiben; dabei sind meine Aufsätze gar nicht so gut (А теперь вы спросите, как я пришел к тому, чтобы написать книгу; при этом мои сочинения не так уж и хороши) [Holtz-Baumert, 2015, S. 2] (эксплицитно).

Присоединение является тем механизмом, который способствует установлению внутренней психологической и художественно-эстетической связи между автором и читателем, нахождению их единства в аффективном и когнитивном аспектах. Общеизвестным является факт, что человек более всего доверяет тем, кто на него похож, поэтому подчеркивание и усиление автором

схожести с читателем имеет целью вызвать у читателя доверие к написанному тексту. В другом случае частица *gar* усиливает информацию отрицания, передавая эмоциональное напряжение:

Ich wusste gar nicht, was ich sagen sollte (Я вовсе не знал, что сказать)
[Holtz-Baumert, 2015, S. 3].

Использование частицы *gar* в данном предложении позволяет автору передать негодование, растерянность, тревожность, которые он испытывал во время описываемой ситуации. Это рождает у читателя чувство сопереживания автору как самому себе.

Частица *immer* как обобщающая частица может способствовать созданию в повествовании откровенного тона, что наблюдаем в следующем предложении, когда автор усиливает ощущение откровенности за счет построения фразы с повтором глагола *warden* в 1-м лице настоящего времени:

Immer wenn ich ärgerlich werde, werde ich rot (Я всегда, когда сержусь, краснею) [Holtz-Baumert, 2015, S. 2] (эксплицитно).

Частица в сочетании с повтором сообщают тексту в некоторой степени интимную окраску, что позволяет автору придать высказыванию большую искренность. Например:

I still trust her! If she says she didn't kill him, then she didn't kill him! She wasn't the sort of person who would solemnly write down a lie when she knew she was dying (Я все еще доверяю ей! Если она говорит, что не убивала его, то она не убивала его! Она была не из тех людей, которые торжественно записывали ложь, когда знали, что умирают) [Christie, 2012, p. 42] (имплицитно).

Отрицательная частица *not* в сочетаниях *wasn't, don't think, didn't kill* указывает на сомнения автора в виновности главной героини.

Следовательно, художественно-эстетический компонент текстового потенциала категории персональности, определяющийся (компонент) в рамках переживания художественно-эстетических чувств и переживания эстетических чувств по отношению к объектам нравственно-ценностной сферы, раскрывается

за счет целого комплекса языковых средств (как на эксплицитном, так и имплицитном уровне).

Таблица 3 – Художественно-эстетический компонент текстового потенциала категории персональности

Показатель функционального воздействия	Средства выражения	Примеры
Переживание художественно-эстетических чувств	Сравнение	<i>...Неповоротливые, как броневики, и такие же пузатые автомобили</i>
	Сравнительная конструкция расчленяет самостоятельное распространенное предложение в инверсионной форме	<i>В мелких брызгах – улицу часто поливали неповоротливые, как броневики, и такие же пузатые автомобили – играла синяя радуга.</i>
	Эпитеты	<i>Die kollegin war so nett...</i>
Переживание эстетических чувств по отношению к объектам нравственно-ценностной сферы	Аллегория	<i>Большие руки крестьянина</i>
	Сравнение	<i>Угро министерства действовал четко, как отлаженная машина (деятельность)</i>
	Глаголы, обозначающие движение в глаголах микротемы	<i>Алена бежала по лужам, и звезды брызгами поднимались вверх, шлепались на землю и разбивались...</i>
	Установление связи концепта «ум» с нравственной сферой	<i>Проход был невысок, безлик и казался с первого взгляда серым и словно бы пыльным</i>
	Изменение синтаксиса в произведениях, относящихся к разным хронологическим периодам (уменьшение семантических единиц, относящихся к ситуации гибели персонажа)	<i>А потом все исчезло, стало лишним и безразличным ему – отныне и навсегда. ...И потом все кончилось тишиной</i>
Частица	<i>...Aber er war ein hervorragender Holzschneider</i>	

В качестве результирующего показателя выступает переживание эстетических чувств, являющееся продуктом эстетического сознания. Эстетическое сознание, в свою очередь, раскрывается в ценностных ориентирах субъекта. При анализе категории персональности эстетические чувства являются продуктом взаимосвязи ценностных императивов личности автора и сознания читающего субъекта, указывают на оценку значимых фактов жизни человека.

Таким образом, рассмотрев имплицитность и эксплицитность как характеристику функционального проявления категории персональности и ее (категории) информативный, идентификационный и художественно-эстетический компоненты текстового потенциала, отметим, что формирование имплицитных и эксплицитных смыслов происходит в соответствии с интенциями автора при помощи привлечения различных языковых форм, своеобразных единиц не только семантического или лексического уровней, но и синтаксического. Текстовый потенциал категории персональности здесь раскрывается в том, что персональность способна определять интенсивность проявления ситуативности, модальности, компрессии, уровневой интеграции, вариативность в отборе языковых средств в имплицитных и эксплицитных речевых высказываниях. При этом *информативный компонент* определяется следующими показателями функционального воздействия:

- Знание о действиях персонажа, последовательности действий (выражающееся при помощи формы 3-го лица, семантических единиц, обозначающих лицо, время, действия);
- Знание о конкретных деталях (при помощи деепричастных оборотов, сложноподчиненных предложений);
- Знание о планах персонажа, личностных характеристиках (при помощи предикативных наречий, идиом, неопределенных местоимений, аллегорий, эпитетов, сниженной лексики, эллиптических высказываний, модальных глаголов);
- Знание о состоянии персонажа (при помощи безличных предложений, парцеллированных конструкций, обозначения действия);
- Знания о действиях (при помощи пассивных конструкций);
- Знание о состояниях, особенностях ситуации (при помощи модальных глаголов);
- Эффект реальности событий (при помощи названия места действия).

Идентификационный компонент текстового потенциала определяется следующими показателями:

- идентификация эмоциональных состояний (при помощи паронимов, сравнительных конструкций, расчленяющих самостоятельные распространенные предложения в инверсионной форме, описания невербальных характеристик);
- идентификация образов мнемических процессов (выражающаяся при помощи сравнений, усилительных частиц, изменения синтаксиса микротемы);
- идентификация когнитивного образа (при помощи градации, сравнений, безличных предложений);
- идентификация мотивации (при помощи эллиптических высказываний, модальных глаголов).

Художественно-эстетический компонент определяется следующими показателями:

- переживание художественно-эстетических чувств (выражающееся при помощи сравнений, сравнительных конструкций, расчленяющих самостоятельные распространенные предложения в инверсионной форме, эпитетов);
- переживание эстетических чувств по отношению к объектам нравственно-ценностной сферы (при помощи аллегорий, сравнений, глаголов, обозначающих движение в глаголах микротемы, формирования всевозможных концептуальных связей художественного мира, изменения синтаксиса в произведениях, относящихся к различным хронологическим периодам, частиц).

2.3. Особенности выразительной лексики и экспрессивного синтаксиса в функциональном проявлении категории персональности

С целью исследования функционального проявления категории персональности необходимо рассмотреть особенности выразительной лексики и экспрессивного синтаксиса, обеспечивающие реализацию ее (категории)

эмотивного, экспрессивного и эмпатического компонентов текстового потенциала при помощи формирования нейтральных грамматических и лексико-семантических конструкторов.

2.3.1. Эмотивный компонент текстового потенциала категории личности

Потенциальная способность языковых единиц, приобретаемая ими в результате формирования нейтральных грамматических и лексико-семантических конструкторов, обнаруживать эмоциональную составляющую перцептивного процесса согласно эмоционально-оценочному отражению автора, представляет *эмотивный компонент* текстового потенциала категории личности. Данный компонент определяется за счет целого ряда показателей функционального воздействия и средств выражения, реализующихся на уровне имманентного свойства языка выражать психологические (эмоциональные) состояния, переживания объекта (персонажа, автора) в рамках художественного мира произведения. Анализ фактического материала (рассматриваемых текстов художественных произведений) позволил установить следующие основные показатели функционального воздействия:

1. Эмоциональные коннотации сожаления, любви, тревожности. Среди средств выражения данного показателя выделяются:

– метафоры и метафорические сочетания:

Он шел по уснувшей улице не спеша, мурлыча под нос старую тягучую песню [Семенов, 2013, с. 11], ... *а сердце у мальчонки разрывалось, потому что нет детей, которые бы любили мать больше отца или наоборот. Укрыв голову подушкой, он плакал, потому что гнетущее чувство страха не покидало его в те часы* [Семенов, 2013, с. 51–52], *Up two flights of stairs, feet sinking into soft-pile carpets* (Вверх по двум лестничным пролетам, ноги тонут в мягких ворсах) [Christie, 2012, p. 111];

– изменение синтаксиса микротемы (уменьшение семантических единиц и грамматических средств по мере приближения гибели персонажа):

Копытов обернулся, чтобы спросить того, что помоложе, но ничего не успел спросить ... А потом всё исчезло, стало лишним и безразличным ему – отныне и навсегда [Семенов, 2013, с. 14];

– вводные слова:

*Das war **vielleicht** ein Betrug hier mit der ganzen Angst* (Вероятно, весь страх здесь – это просто надувательство) [Holtz-Baumert, 2015, S. 2].

Отдельные вводные слова, выражающие категорию персональности, могут придавать высказыванию модальное значение. Общепризнанным является то, что использование вводных слов связано с личностными свойствами автора, а частота их употребления является определенным показателем идиостиля [Мусиенко, 2018]. Так, в предложении:

Zum Glück kam gerade eine schöne junge Dame vorbei» (К счастью, мимо как раз проходила молодая красивая госпожа) [Holtz-Baumert, 2015, S. 2],

автор выражает отношение к происходящему, а с помощью вводного словосочетания *zum Glück* передается авторская вовлеченность в повествование.

Вводные конструкции могут соотноситься с любой частью произведения, придавая ей соответствующий эмоциональный оттенок. Вводные слова и словосочетания являются одним из средств выражения авторской оценки описываемого. Использование вводных слов позволяет автору выразить собственную позицию, избежав при этом личностной оценки. Так происходит, к примеру, в следующих отрывках текста:

And then, you see, there was the letter.

First of all, there was motive.

As a result he discovered two people who were acquaintances or friends of Mr Meredith Blake.

On the other side was only the unshaken conviction of Angela Warren.

That had been, above all, a picture of youth, a picture of vitality [Christie, 2012, p. 153].

Очевидна коммуникативная значимость вводных компонентов, которые, по словам В.В. Виноградова, имеют общую установку воздействия на адресата речи [Виноградов, 1975]. Вводные компоненты в сочетании с модальными глаголами усиливают выраженность чувств и оценок, которые относятся к отношению автора к миру, к его установкам:

Vielleicht musste die Feuerwehr kommen und uns mit einer Leiter retten, ich wollte nämlich gern mal auf einer Feuerwehrleiter sein, dass hatte noch keiner in meiner Klasse geschafft (Быть может, должна приехать пожарная команда и спасти нас при помощи лестницы, дело в том, что я охотно побывал бы на пожарной лестнице, этого никто еще не делал из моего класса) [Holtz-Baumert, 2015, S. 4].

Angela had known her well, undoubtedly, but might not her certainty be the fanatical loyalty of an adolescent girl, up in arms for a dearly loved sister? [Christie, 2012, p. 38].

В указанных примерах вводные компоненты *vielleicht, undoubtedly*, а также модальные глаголы *müssen, wollen, might* выражают не столько неуверенность автора, как это бывает при использовании вводных слов, сколько общие позитивные установки, желания лучшего. Здесь контекст обеспечивает дополнительной функциональной нагрузкой языковые средства выражения персональности.

2. Эмоциональные коннотации стыда, доброты. Среди средств выражения показателя выделяются:

– повторы:

Он вдруг вспомнил те долгие вечера..., когда он, радуясь, жарил яичницу...; когда он помогал ему...; когда он спасал его перед директором... Он вспомнил, как старик приглашал его в театры... Все это вспомнил Ленька... [Семенов, 2013, с. 32];

– наречия:

Sie winkte uns nach, als wir loszogen, und ich sah, dass sie ein bisschen Angst um mich hatte (Она махала нам вслед, когда мы отправились в бассейн, и я увидел, что она немного за меня боится) [Holtz-Baumert, 2015, S. 112].

3. Эмоциональные коннотации пренебрежения. К средствам выражения показателя относятся:

– идиомы:

Секунду он вспоминал его, а вспомнив, ужаснулся. Снова чутье — какое-то звериное, не его, а мудрое и далекое чутье пещерных предков — подсказало ему опасность [Семенов, 2013, р. 107].

Важно отметить, что идиома *звериное чутье* служит для выполнения информационно-диагностической функции, так как ее значение определяет особенности личности субъекта (высокая осторожность, внимательность, способность распознавать слабые раздражители), а также экспрессивной функции (усиление степени развития личностных характеристик субъекта). Приведем еще несколько примеров:

Он считал, что лучше и безопаснее перегнуть палку, чем недогнуть ее [Семенов, 2013, с. 132].

Идиоматическое высказывание *перегнуть палку* ('чрезмерно усердствовать в чём-либо; допускать крайности в делах, поступках' [Фёдоров, 2008, с. 461]) отражает качество активности субъекта, что позволяет автору точнее передать его характерологические особенности. Идиома служит автору для выражения насмешливого, саркастического отношения к субъекту.

Репортер скандальной хроники играет на нервах читателей [Семенов, 2013, с. 126].

Идиома *играет на нервах* ('намеренно раздражает кого-либо' [Фёдоров, 2008, с. 265]) отражает ироничное отношение автора к журналистам определенного рода деятельности.

...Аппарат сыска так или иначе загонял в угол преступника [Семенов, 2013, с. 73].

Идиоматическое выражение *загнуть в угол* ('ставить кого-либо в тяжёлое или безвыходное положение' [Фёдоров, 2008, с. 236]) четко передает веру автора в действенность службы уголовного розыска, даёт ему возможность повысить уверенность читателя в неизбежное наказание преступника.

Был создан отдел, на который сразу же повалились все шишки [Семенов, 2013, с. 155].

Идиоматическое выражение *повалились шишки* ('о множестве неприятностей, бедствий, обрушившихся на кого-либо' [Фёдоров, 2008, с. 760]) дает возможность усилить впечатление от бюрократической ситуации, которая может сложиться в организации трудового процесса.

«Ich beschloss, meinen großen Schlag beim Abend brot zu führen» (Я решил нанести свой сильный удар за ужином) [Holtz-Baumert, 2015, S. 61].

Выражение *zu führen Schlag* ('нанести удар') используется автором для того, чтобы акцентировать внимание на важности для героя ситуации. Традиционным является использование данного выражения применительно к военным действиям, но автор расширяет возможности его значимости. Описывается ситуация бытовая, предполагающая любые действия, кроме военных. Ассоциация с военными действиями, во-первых, усиливает впечатление существенности, важности происходящего, во-вторых, придает данной ситуации оттенок комичности: дело в том, что здесь *нанести удар* означает, исходя из контекста, придумать первоапрельскую шутку, и т. д.;

– отсутствие обозначения лица при определении человека, который лишает жизни другого человека:

Копытов обернулся, чтобы спросить того, что помоложе, но ничего не успел спросить, потому что страшной силы удар обрушился на него, смял и бросил на землю [Семенов, 2013, с. 14].

4. Коннотация амбивалентности чувств. Среди средств выражения:

– градация:

*...а ведь именно они посадят его в тюрьму, именно они искалечат его жизнь, лишат его всего того, что ему дорого и без чего он не может. **Что им его стихи, его поэзия и его мечты? Что им?..*** [Семенов, 2013, с. 52];

– повторы:

Что им его стихи ... ? Что им?.. [Семенов, 2013, с. 52];

– риторические вопросы:

Что им его стихи, его поэзия и его мечты? Что им?.. [Семенов, 2013, с. 52].

Следует отметить, что категория персональности реализуется с помощью всех видов риторических конструкций. Риторический вопрос, усиливая эмоциональность, экспрессивность высказывания, позволяет автору выразить свое представление о персонаже. Это может происходить при имитации речи персонажа:

Разнорабочим сколько в месяц получишь?

Что, разве они не понимают? [Семенов, 2013, с. 135].

Риторическое восклицание позволяет автору передать воодушевление персонажа, его устремленность, высокий уровень готовности к изменению ситуации или к борьбе:

Он сейчас бы знал, что надо сделать!

Ай-яй-яй, какая жалость! [Семенов, 2013, с. 204].

Риторическое обращение, встречающееся в анализируемом произведении автора, служит для передачи эмоционального состояния персонажа, подчеркивая его злобу, хитрость, ненависть к людям.

Ищите хромого старичка! <...> Зорко ищите, еще зорче! [Семенов, 2013, с. 154];

– вводные слова:

*Zu Hause las ich das ganze Buch durch. **Vielleicht** schaffe ich mir noch einen Hund an* (Дома я прочитал всю книгу. *Быть может*, я куплю себе еще собаку) [Holtz-Baumert, 2015, S. 35–36].

Целесообразно рассмотреть более подробно вводный элемент *vielleicht* ('быть может'), использующийся автором для передачи значений категории персональности. Приведем несколько примеров предложений с употреблением *vielleicht*:

Vielleicht würde er etwas sagen oder tun (Быть может, он что-нибудь скажет или сделает). [Holtz-Baumert, 2015, S. 29];

Vielleicht ist es schon diese Parageinkrankheit... (Быть может, это и есть та самая попугайная болезнь...). [Holtz-Baumert, 2015, S. 34];

Vielleicht schaffe ich mir noch einen Hund an (Быть может, я куплю себе еще собаку). [Holtz-Baumert, 2015, S. 36];

Vielleicht konnte ich mit Putzi aus diesem Buch üben (Быть может, я смогу потренироваться с Путци по этой книге) [Holtz-Baumert, 2015, S. 36].

В данных примерах вводные элементы, являясь внешне изолированными от контекста, служат компонентом экспрессивного синтаксиса, формируя комический эффект. При этом они передают разные аспекты отношения автора к сообщаемой информации, реализуя в тоже время функцию организации коммуникативного пространства автора и читателя. В первом примере вводный элемент способствует не только отображению визуального восприятия будущих событий (понимания того, что герой будет говорить или делать), но и переключению на оценочный аспект (оценка героя с позиции его реальных или вероятных действий). Во втором примере вводный элемент выражает авторскую иронию, которая представлена в виде вывода. В третьем примере за счет вводного элемента актуализируется намерение автора, его позиция: с одной стороны, автор сомневается в том, купит ли он собаку, с другой, – он выражает уверенность в том, что он будет верен своей цели (дрессировать с помощью книги), даже если придется приобрести собаку. Такая многофункциональность вводных элементов в данных примерах указывает на авторскую иронию, комичность ситуации.

В четвертом примере (после того, как автор приобрел книгу о дрессировке собак, он хочет заняться дрессировкой попугая) при помощи вводного элемента выражается не сомнение, а, скорее, семантика облигаторности. Подобная функция

вводного элемента *vielleicht*, противоположная традиционной функции выражения сомнения, неуверенности, способствует усилению эффекта комичности ситуации. Все указанные примеры употребления вводных элементов обладают общим в контексте исследования категории персональности: их использование в тексте говорит о чувстве юмора автора, его иронично добродушном отношении к ситуации, в которой он оказался, когда был подростком;

5. Коннотация уважения. К основным средствам выражения данного показателя относятся:

– изменение синтаксиса микротемы (увеличение семантических единиц и грамматических средств по мере отдаления персонажа от настоящего к прошлому):

Милиционер Копытов ... шел по уснувшей улице не спеша, мурлыча под нос старую тягучую песню. Он помнил ее с детских лет, когда бабка Фрося, вспухшая и громадная, как сундук, тянула эту песню, гроыхая у плиты чугунными горшками [Семенов, 2013, с. 11];

– аллегории:

Он лежал, сжавшись в комочек, щупленький старый человек с большими руками крестьянина. Его руки словно жили еще [Семенов, 2013, с. 14];

– повторы:

Он верил себе, он очень верил себе, наш старик. Он жил возможностями сороковых годов, он был убежден в том, что возраст и опыт сыщика – основополагающие и единственные гаранты успеха в нашем деле [Семенов, 2013, с. 57];

– наименование персонажа, несоответствующее реальности:

Die Kollegin war so nett und sagte: «Und ich heiÙe Zwei» (Коллега была так мила и сказала: «А меня зовут Цвой») [Holtz-Baumert, 2015, S. 3];

– наречия:

Ich sah Mama dankbar an (Я посмотрел на маму с благодарностью) [Holtz-Baumert, 2015, S. 35].

6. Коннотация детских воспоминаний. Включает в себя следующие средства выражения:

– лексику, ассоциирующуюся с детством:

Росляков пришел туда во время перемены и сразу же оказался среди визга, шума и смеха. Солнце пронизывало насквозь коридоры, и в его желтых косых лучах носились белые пушинки тополей [Семенов, 2013, с. 21];

– метонимию:

Солнце пронизывало насквозь коридоры, ... [Семенов, 2013, с. 21];

– эпитеты:

...в его желтых косых лучах [Семенов, 2013, с. 21];

– олицетворение:

... носились белые пушинки тополей [Семенов, 2013, с. 21];

– наречия:

Der Director sah noch immer auf die Uhr (Директор все еще смотрел на часы) [Holtz-Baumert, 2015, S. 7–8];

– прилагательные:

Ich glaube, in unserem Zimmer war ich ein hervorragender Kopfspringer (Я думаю, в нашей комнате я был выдающимся прыгуном в воду головой вниз) [Holtz-Baumert, 2015, S. 107].

7. Коннотация неопределенности, маскировка действий, состояний лица. К основным средствам выражения показателя относятся:

– безличные предложения:

Не должны. Глупо будет и жестоко. Хотя судья судье рознь, а закон для всех один. Был с бандитами? Был. Они стреляли? Стреляли. Банда? [Семенов, 2013, с. 69], *Und es ging erst richtig los. Nun kam das Schlimmste* (На самом деле, все только началось. Тут случилось самое ужасное) [Holtz-Baumert, 2015, S. 76];

– описания невербальных характеристик персонажа:

Auf Papas Stirn erschien die Falte, aber er sagte ruhig: «Damit du mal einen exakten Kopfsprung siehst, mache ich ihn dir vor...» (На папином лбу появилась

складка, но он спокойно сказал: «Для того, чтобы ты хотя бы раз увидел точный прыжок в воду головой вниз, я покажу его тебе...») [Holtz-Baumert, 2015, S. 114].

8. Коннотация иронии. Среди средств выражения выделяются:

– наречия:

*Unser neuer Lehrer hatte nicht bemerkt, dass ich gestern **auch** da gewesen war* (Наш новый учитель не заметил, что вчера я тоже был здесь) [Holtz-Baumert, 2015, S. 136].

Другой пример использования наречия *auch* в немецком языке (наречие служит для связки):

*Na, unsere Lehrer sind ja **auch** geduldig mit uns* (Ну что ж, наши учителя тоже терпеливы с нами) [Holtz-Baumert, 2015, S. 29].

В данном примере автор использует наречие с целью провести сравнение состояния героя с тем, что испытывают учителя. Можно сказать, что в данном случае наречие *auch* выполняет необычную для себя функцию – указание образа действия. Это дает возможность автору выразить иронию (где дрессировка попугая иронично сравнивается с преподаванием), непосредственность в характеристике ситуации, характерную для детского восприятия. При этом данное высказывание характеризуется модальностью эвиденциальности, которая определяется подчеркиванием авторства излагаемой мысли (*unsere Lehrer; mit uns*), что является подтверждением выраженности категории персональности.

Соответственно, комплекс средств выражения эмотивного компонента текстового потенциала категории персональности определяется языковыми средствами, обеспечивающими связь между изображением психический состояний / эмоций (персонажа, автора) и их (состояний) концептуализацией (семантизацией, оязыковлением). При этом эмотивный компонент выполняют две основные функции – эмоциональное самовыражение (персонажа, автора) и эмоциональное воздействие на читателя, оказываемое за счет введения тех или иных эмотивных описаний в художественном произведении.

Результирующие показатели функционального воздействия выразительных средств эмотивного компонента текстового потенциала личности могут быть классифицированы, и основанием для классификации выступает отношение автора к субъектам, имплицитно выраженное посредством языковых единиц.

Таблица 4 – Эмотивный компонент текстового потенциала категории личности

Показатель функционального воздействия	Средства выражения	Примеры
Эмоциональные коннотации сожаления, любви, тревожности	Метафоры и метафорические сочетания	<i>Мурлыча. Уснувшая улица. Сердце разрывалось. Гнетущее чувство страха калечит ребенка. Feet sinking into soft-pile carpets...</i>
	Изменение синтаксиса микротемы (уменьшение семантических единиц и грамматических средств по мере приближения гибели персонажа)	<i>Копытов обернулся, чтобы спросить того, что помоложе, но ничего не успел спросить <...>. А потом все исчезло, стало лишним и безразличным ему – отныне и навсегда</i>
	Вводное слово	<i>Das war vielleicht ein Bertrug hier mit der ganzen Angst</i>
Эмоциональные коннотации стыда, доброты	Повтор	<i>Он вдруг вспомнил те долгие вечера, когда старик сидел с ним и читал ему стихи, когда он, радуясь, жарил яичницу с луком и пел греческие песни...</i>
	Наречие	<i>...Und ich sah, dass sie ein bisschen Angst um mich hatte</i>
Эмоциональные коннотации пренебрежения	Идиома	<i>...Какое-то звериное, не его, а мудрое и далекое чутье пещерных предков – подсказало ему опасность</i>
	Отсутствует обозначение лица при определении человека, который лишает жизни другого человека	<i>Что помоложе. Удар обрушился... смял</i>
Коннотация амбивалентности чувств	Градация	<i>Что им его стихи, его поэзия и его мечты?</i>
	Повтор	<i>Что им его стихи...? Что им?..</i>
	Риторический вопрос	<i>Что им его стихи, его поэзия и его мечты? Ist das Gerechtigkeit?</i>
	Вводное слово <i>vielleicht</i>	<i>Vielleicht schaffe ich mir noch einen Hund an</i>

Продолжение таблицы 4

Коннотация уважения	Изменение синтаксиса микротемы (увеличение семантических единиц и грамматических средств по мере отдаления персонажа от настоящего к прошлому)	<i>Милиционер Копытов <...> шел по уснувшей улице не спеша, мурлыча под нос старую тягучую песню. Он помнил ее с детских лет, когда бабка Фрося, вслухшая и громадная, как сундук, тянула эту песню...</i>
	Аллегория	<i>С большими руками крестьянина; комочек</i>
	Повторы	<i>Он верил себе, он очень верил себе, наш старик</i>
	Наименование персонажа, несоответствующее реальности	<i>Die Kollegin</i>
	Наречие	<i>Ich sah Mama dankbar</i>
Коннотация детских воспоминаний	Лексика, ассоциирующаяся с детством	<i>шум, визг, смех, солнце (школьные) коридоры, пушинки</i>
	Метонимия	<i>Солнце пронизывало насквозь коридоры</i>
	Эпитеты	<i>В его желтых косых лучах</i>
	Олицетворение	<i>Носились белые пушинки тополей</i>
	Наречие	<i>Immer (всегда)</i>
	Прилагательное	<i>Ich gaube, in unserem Zimmer war ich ein hervorragender Kopfspringer</i>
Коннотация неопределенности, маскировка действий, состояний лица	Безличные предложения	<i>Глуно будет и жестоко. Приткнуться некуда</i>
	Описание невербальных характеристик персонажа	<i>Auf Papas Stirn erschien die Falte</i>
Коннотация иронии	Наречие <i>auch</i>	<i>...Unsere Lehrer sind ja auch gedulding mit uns</i>

Показателями функционального воздействия, маркированного выразительными средствами, которые характеризуют уважительное отношение автора к персонажу, являются: коннотации сожаления, любви, тревожности, стыда, доброты, уважения, амбивалентности чувств, детских воспоминаний. Показателями функционального воздействия, маркированного выразительными средствами, которые характеризуют негативное отношение автора к персонажу, являются: коннотация пренебрежения, неопределенности, маскировки действий, состояний субъекта.

2.3.2. Экспрессивный компонент текстового потенциала категории личности

Потенциальная способность языковых единиц, приобретаемая ими в результате формирования нейтральных грамматических и лексико-семантических конструкторов, обнаруживать усиление эмоциональной составляющей перцептивного процесса согласно эмоционально-оценочному отражению автора, представляет *экспрессивный компонент* текстового потенциала категории личности. Данный компонент обусловлен показателями функционального воздействия и средствами выражения, способствующими усилению признаков, входящих в денотативный компонент, а также отображению субъективного восприятия говорящим (персонажем, автором) определенной информации. Экспрессивный компонент, тесно связанный с эмоциональным и оценочным аспектами передачи информации, включает в себя следующие показатели функционального воздействия:

1. Интенсификация эмоционального восприятия объекта, выражающаяся при помощи:

– сравнений:

Яркий свет прожектора резанул ночь легко, словно острый нож кусок черного хлеба [Семенов, 2013, с. 14], *Wie Seide schmiegte sich das Wasser an meine Haut. Ich riss die Augen auf und freute mich, wie alles so grün vorbeiglitt* (Вода, как шелк, ласково скользила по моей коже. Я открыл глаза и обрадовался, как все, такое зеленое, скользит мимо меня) [Holtz-Baumert, 2015, S. 118 – 119], *She was like a flower overtaken by untimely frost - still in bud but without life* (Она была как цветок, захваченный безвременным морозом - все еще в зародыше, но без жизни) [Christie, 2012, p. 142], *She stood up there, you know – as docile as a little girl at a party, answering Depleach's questions with the answers she'd learned off by heart* (Вы знаете, она стояла там – такая же послушная, как маленькая девочка на

вечеринке, отвечая на вопросы Деплеич с ответами, которые она выучила наизусть) [Christie, 2012, p. 21];

Сравнение как одно из значимых экспрессивных средств, используемых в выражении категории персональности, обладает рядом характеристик, в том числе: раздельность представлений сравниваемых понятий, расчлененная номинация, многоплановость и многофункциональность образов и значений, наличие структуры. Так, например, в текстах А. Кристи сравнительные конструкции, как правило, являются развернутыми, значительными по объёму. Они вводятся в текст союзными наречиями *like, as (though), just*:

He paused, and the other man spoke eagerly, like an actor who had received his cue. <...> Big gray eyes – like dead lakes. <...> Elsa... was like a flower overtaken by untimely frost – still in bud but without life. <...> She stood up there, you know – as docile as a little girl at a party, answering Depleach's questions with the answers she'd learned off by heart. <...> A girl, a girl in a canary-yellow shirt and dark-blue slacks, sitting on a gray wall in full sunlight against a background of violent blue sea. Just the kind of subject for a poster [Christie, 2012, p. 5 –11].

В начале романа «Пять поросят» автором чаще всего приводятся сравнения героев, характеризующие их неопытность, невинность: «*She was like a flower...*», «*...as a little girl at a party...*», тем самым автор либо передает свои собственные впечатления от увиденного, либо приписывает ощущение неопытности своим героям. Читатель находится только в начале повествования, и все герои для него – подозреваемые, а автор ему дает возможность подумать, поразмышлять над происходящими событиями, и т. д.;

– паронимов:

Он шел по уснувшей улице не спеша, мурлыча под нос старую тягучую песню. Он помнил ее с детских лет, когда бабка Фрося, вспухшая и громадная, как сундук, тянула эту песню, гроыхая у плиты чугунными горшками [Семенов, 2013, с. 11];

– эпитетов:

«*Na und?*», sagte der *kleinere Herr* mit der **Brille** und **lachte hohnisch** («*Ну и что?*», сказал господин поменьше в очках и злорадно рассмеялся) [Holtz-Baumert, 2015, S. 8].

2. Интенсификация эмоционального восприятия ситуации, которая выражается при помощи:

– наречий:

A потом всё исчезло, стало лишним и безразличным ему – **отныне** и **навсегда** [Семенов, 2013, с. 14], *Der Director sah noch immer auf die Uhr* (Директор все еще смотрел на часы) [Holtz-Baumert, 2015, S. 7–8], *Er kannte noch nicht alle Gesichter* (Он знал еще не все лица) [Holtz-Baumert, 2015, S. 136];

– изменения синтаксиса микротемы (уменьшения семантических единиц и грамматических средств по мере приближения гибели персонажа):

Kopytov обернулся, чтобы спросить ... *A* потом всё исчезло, стало лишним и безразличным ему – **отныне** и **навсегда** [Семенов, 2013, с. 14];

– сложных существительных:

Doch wie von Zauberhand aufgehalten, konnte ich nicht weiter. Ich richtete mich wieder hoch (Но дальше я не мог, будто меня задержала какая-то колдовская рука. Я снова выпрямился) [Holtz-Baumert, 2015, S. 115];

– частиц:

Und ich hörte schon am Ton, dass er es ganz und gar nicht richtig fand (И я слышал уже по тону, что он считал это совершенно неправильным) [Holtz-Baumert, 2015, S. 103];

– сравнений:

Ich muss immer wie ein Denkmal stehen, damit kein Fleck darauf kommt und Mama keinen Anlass hat, mit mir zu schimpfen (Я вынужден постоянно стоять как памятник, чтобы ни одно пятно не попало на костюм и у мамы не было повода поругаться со мной) [Holtz-Baumert, 2015, S. 103].

3. Интенсификация когнитивного образа предмета, лица, выражающаяся при помощи:

– градации:

...вспухшая и громадная, как сундук [Семенов, 2013, с. 11];

– сравнений:

...бабка Фрося, вспухшая и громадная, как сундук, тянула эту песню, громохвая у плиты чугунными горшками [Семенов, 2013, с. 11];

– риторических обращений:

Ищите, мусора, вам деньги за это платят, а тут встретил этого гада [Семенов, 2013, с. 102];

– имитации речи персонажей:

Ну этого не посадят. Не должны. Глупо будет и жестоко. Хотя судья судье рознь, а закон для всех один. Был с бандитами? Был. Они стреляли? Стреляли. Банда? И да и нет. Они – банда, а он – дурачок. На всю жизнь наука [Семенов, 2013, с. 71];

– частиц:

Der Herr sagte zu Papa «Paul», was sonst nur Mama darf (Господин обращался к папе «Пауль», что обычно разрешается только маме) [Holtz-Baumert, 2015, S. 121];

– вопросительных конструкций с модальными глаголами:

Sie dachten doch nicht etwa, dass ich hier Bonbons klauen wollte? (Неужели они подумали, что я хотел украсть здесь конфеты?) [Holtz-Baumert, 2015, s. 140–141];

– парцеллированных конструкций:

Без прав. Зарботок – на четверть меньше, чем раньше. В том-то и дело... Тоже без толку. Потом вспомнил – Останкино! Остановили двое. Адресок взял, десятку бросил. Уже другое дело. Жизнь [Семенов, 2013, с. 101],
Money, money everywhere. Of taste, not so much. There had been a somber austerity in Lord Dittisham's room. But here, in the house, there was only a solid lavishness (Деньги, деньги везде. Хотя не так уж и много. В комнате лорда Диттишама была мрачная аскеза. Но здесь, в доме, была только сплошная щедрость) [Christie, 2012, p. 21].

В данном случае парцелляция нацелена на то, чтобы передать поток мыслей, чувств, эмоций, желаний персонажа. Фразы короткие, обрывисты, в то же время каждая из них – закончена по смыслу. Автор не просто изображает сознание персонажа, он рисует человека, который как бы чеканит каждое слово, ставит точку или знак восклицания, словно бьет по клавишам калькулятора. Так и в сознании персонажа – каждая фраза – это шаг («клавиша») к единственной для него цели – материальный достаток. Эмоциональные коннотации выявляются в результате анализа макроконтента, который позволяет понять отношение автора к высказыванию. Синтаксическая форма в данном случае служит для автора обозначением характерологической особенности персонажа – страсти к наживе.

Автору важно эту личностную характеристику персонажа выделить из общей картины, конкретизировать ситуацию, при которой не просто изображаются некоторые действия, а создаётся целостный портрет персонажа. Это удастся сделать с помощью комплекса парцелляций, выступающих в роли имитации речевой манеры персонажа:

Ну этого не посадят. Не должны. Глупо будет и жестоко. Хотя судья судье рознь, а закон для всех один. Был с бандитами? Был. Они стреляли? Стреляли. Банда? И да и нет. Они – банда, а он – дурачок. На всю жизнь наука. Дома тарарам, приткнуться некуда, оступился [Семенов, 2013, с. 71].

С помощью парцеллированных конструкций автор актуализирует внимание читателя на мыслях персонажа, его сомнениях в отношении человека, о котором персонаж разговаривает сам с собой. Выразительность парцеллированной фразы усиливается с помощью других языковых средств: безличных предложений (*Глупо будет и жестоко, дома тарарам, приткнуться некуда*), повтора (*Был с бандитами? Был. Они стреляли? Стреляли. Банда? И да и нет. Они – банда*), метафоры (*Дома тарарам*). Эмоциональные коннотации в этих примерах определяются в результате анализа экстралингвистического и лингвистического контекстов. Автор создает свои стилистические конструкции-цепочки постепенного нанизывания номинативов. С помощью этого приема автор

увеличивает экспрессию определенных предложений, наиболее значимых для текста в целом.

Парцеллированные конструкции, принадлежащие авторскому тексту, имитирующему внутреннюю речь персонажа, эллиптически и имеют вид расчлененной номинации (отсутствует название лица, присутствует его признак или действие) или неполных конструкций с использованием нулевых глаголов-предикатов. Эллиптические конструкции выражают спонтанность, ситуативность, в некоторых случаях непринужденность, например:

Aber wie! (Но какой!) [Holtz-Baumert, 2015, S. 72].

Конструкции с незамещенной позицией опираются на контекст, содержащий конструкции с тождественной замещенной позицией, например: «Они – банда, а он – дурачок». Присутствуют конструкции с использованием нулевых глаголов-предикатов, которые понятны без контекста, например, *чекушку с удачи*. Приглагольный член *чекушку* может выступать как при глаголах со значением выпить – *я выпил чекушку* (при этом *чекушка* является метонимией), так и при глаголах иных семантических групп: *я купил (взял) чекушку*. Но нулевое выражение *чекушку с удачи* может иметь только семантику употребления, поскольку значение типичнее для семантики употребления, чем для семантики приобретения *взять, купить*.

В выражении *Immer, immer näher (все ближе и ближе)* [Holtz-Baumert, 2015, S. 77] с помощью парцеллятивной конструкции автор создает эмоциональное напряжение, вызванное представленным в воображении читателя образом приближающегося объекта, и т. д.

4. Интенсификация когнитивного образа ситуации, которая выражается за счет:

– местоимений, отрицательно-обобщающих местоимений:

Ich freute mich und sagte, ganz wie mir Mama immer gesagt hat, ich soll mich bei fremden Leuten vorstellen (Я обрадовался и сказал, так как мне мама всегда говорила, что я должен представляться незнакомым людям) [Holtz-Baumert, 2015, S. 7–8], *Ganz schön, denke ich wütend, erst im Fahrstuhl*

einsperren,alles erzählen lassen... (Очень хорошо, в бешенстве думаю я, сначала запереть в лифте, заставить все рассказать...) [Holtz-Baumert, 2015, S. 73].

Следует отметить, что особое значение имеют здесь формы отрицательно-обобщающего местоимения *ничто*: *ни во что* и *ничего*, которые указывают на полное отсутствие своеобразного предмета речи – перспектив героя. В сущности, предметом речи здесь является будущая жизнь персонажа. Отрицание будущего является крайней степенью отчаяния, которую автор передает, используя функциональную подвижность дискурсивных слов.

– наречий:

Ich fand das auch. Schließlich hatte er mich hineingeworfen (Я тоже так считал. В конце концов, это он меня выбросил в воду) [Holtz-Baumert, 2015, S. 118];

– повторов:

Он вдруг вспомнил те долгие вечера, когда старик сидел с ним и читал ему стихи, когда он, радуясь, жарил яичницу с луком и пел греческие песни; когда он помогал ему решать проклятые геометрические задачи; когда он спасал его перед директором за все те штуки, которые Ленка проделывал [Семенов, 2013, с. 32], *And now here she was in the flesh – a tall, slender young woman in the early twenties. The kind of young woman that one definitely looked at twice.* (И вот она здесь во плоти - высокая стройная молодая женщина в начале 20-х годов. Та молодая женщина, на которую определенно смотрели дважды) [Christie, 2012, p. 33].

В другом примере внимание читателя актуализируется на повторах, используемых в риторическом вопросе; они придают отрывку текста оттенок недосказанности:

Что им его стихи, его поэзия и его мечты? Что им?.. [Семенов, 2013, с. 33].

Повтор начальной части вопросительного предложения «*Что им*» и градация, создаваемая с помощью однородных членов и повтора притяжательного

местоимения *его*, усиливают коннотацию отчаяния. При этом образы расположены по нарастанию (*стихи, поэзия, мечты*), усиливают впечатления потери героем веры в лучшую жизнь, где его мечты сбудутся, а он сможет реализовываться в поэтическом творчестве. Автор передает состояние персонажа, характеризующее амбивалентностью чувств, одновременно переживаемыми страхом, отчаянием и надеждой. В другом предложении с помощью повторов выявляется коннотация уважения к личности, душевного участия:

Он верил себе, он очень верил себе, наш старик [Семенов, 2013, с. 234].

Встречаются также повторы отрицательной частицы *не* в сочетании с другими словами, выражающими отрицательное значение *ни во что не..., ничего не...:*

Юности у него не будет. Было детство, а наступит изломанная, ни во что не верящая и ничего не желающая зрелость [Семенов, 2013, с. 52].

– регламентации по времени:

Она пела песню и возилась с тестом. А потом все исчезло, стало лишним и безразличным ему – отныне и навсегда [Семенов, 2013, с. 14], *Papa ging sonabendends öfter angeln. Mich nahm er nie mit. Wenn ich bettelte, sagte er: «Es geht nicht Alfi, es hat keinen Zweck...»* (По субботам папа часто ходил удить рыбу. Меня с собой он никогда не брал. Когда я упрашивал его, он говорил: «Альфи, так не пойдет, это не имеет смысла...») [Holtz-Baumert, 2015, S. 147];

– повторов модального глагола:

Ломался режим работы сердца, оно могло захлебнуться кровью, оно могло споткнуться и замереть [Семенов, 2013, с. 164];

– модальных глаголов:

Aber ich musste es machen. Als wir den Platz wechseln wollten, kam ich ins Rutschen (Но мне пришлось это сделать. Когда мы хотели поменяться местами, я поскользнулся) [Holtz-Baumert, 2015, S. 156].

Соответственно, экспрессивный компонент текстового потенциала категории персональности характеризуется целым комплексом показателей

функционального воздействия и средств выражения, способствующих реализации прагматического намерения автора воздействовать на читателя в нужном направлении, за счет обращения к его (читателя) определенным чувствам и эмоциям.

Таблица 5 – Экспрессивный компонент текстового потенциала категории персональности

Показатель функционального воздействия	Средства выражения	Примеры
Интенсификация эмоционального восприятия объекта	Сравнение	<i>Словно острый нож. Wie Seide schmiegte sich das Wasser an meine Haut. She was like a flower... ...As a little girl at a party...</i>
	Паронимы	<i>Тягучую – тянула</i>
	Эпитет	<i>...Sagte der kleinere Herr mit der Brille und lachte höhliche</i>
Интенсификация эмоционального восприятия ситуации	Наречия	<i>Отныне Навсегда Niemals Immer Noch</i>
	Изменение синтаксиса микротемы (уменьшение семантических единиц и грамматических средств по мере приближения гибели персонажа)	<i>Копытов обернулся, чтобы спросить <...> А потом все исчезло, стало лишним и безразличным ему – отныне и навсегда</i>
	Сложное существительное	<i>Doch wie von Zauberhand aufgehalten, konnte ich nicht weiter</i>
	Частица	<i>Und ich hörte schon am Ton...</i>
Интенсификация когнитивного образа предмета, лица	Сравнение	<i>Ich muss immer wie ein Denkmal stehen</i>
	Градация	<i>Вспухшая и громадная, как сундук</i>
	Сравнение	<i>Бабка Фрося, вспухшая и громадная, как сундук</i>
	Риторическое обращение	<i>Ищите, мусора, вам деньги за это платят!</i>
	Имитация речи персонажа	<i>Ну этого не посадят. Не должны. Глупо будет и жестоко. Хотя судья судьбе рознь, а закон для всех один</i>
	Частица	<i>...Was sonst nur Mama darf</i>
Вопросительная конструкция с модальным глаголом	<i>Sie dachten doch nicht etwa, dass ich hier Bonbons klauen wollte?</i>	

Продолжение таблицы 5

	Парцеллированные конструкции	<i>Без прав. Зарботок – на четверть меньше, чем раньше. В том-то и дело. ...Money, money everywhere. Of taste, not so much...</i>
Интенсификация когнитивного образа ситуации	Местоимения, отрицательно-обобщающие местоимения	<i>Все Ничего Immer Alles All</i>
	Наречие	<i>Schließlich hatte er mich hinein geworfen</i>
	Повторы	<i>Когда он помогал ему решать проклятые геометрические задачи; когда он спасал его... Slender young woman in the early twenties. The kind of young woman that one definitely looked at twice</i>
	Регламентация по времени	<i>А потом все исчезло, стало лишним и безразличным ему – отныне и навсегда. Papa ging sonnenabends ofter angeln</i>
	Повтор модального глагола	<i>Ломался режим работы сердца, оно могло захлебнуться кровью, оно могло споткнуться и замереть</i>
	Модальный глагол	<i>Aber ich musste es machen</i>

Результирующие показатели функционального воздействия выразительных средств экспрессивного компонента текстового потенциала персональности могут быть классифицированы, и основанием для классификации выступает модальность интенсификации – эмоциональная или когнитивная.

Показателями функционального воздействия, маркированного выразительными средствами, которые характеризуют эмоциональную интенсификацию, являются: интенсификация эмоционального восприятия ситуации, интенсификация эмоционального восприятия объекта. Показателями функционального воздействия, маркированного выразительными средствами, которые характеризуют когнитивную интенсификацию, являются: интенсификация когнитивного образа ситуации, интенсификация когнитивного образа объекта. Экспрессивный компонент текстового потенциала персональности, таким образом, выражается в усилении изобразительности,

актуализации авторского отношения, смысловых и экспрессивных оттенков значений.

2.3.3. Эмпатический компонент текстового потенциала категории личности

Потенциальная способность языковых единиц, приобретаемая ими в результате формирования нейтральных грамматических и лексико-семантических конструкторов, обнаруживать возможность читателя испытывать эмпатию, формируемую автором, представляет *эмпатический компонент* текстового потенциала категории личности. В таблице 6 представлены средства выражения, результирующие показатели функционального воздействия *эмпатического компонента* текстового потенциала категории личности. Данный компонент определяется за счет ряда показателей функционального воздействия и средств выражения, реализующихся на уровне осознанного сопереживания текущему эмоциональному состоянию персонажа без потери ощущения происхождения этого переживания. Эмпатический компонент текстового потенциала не имеет прямой связи с какими-либо определёнными эмоциями и в равной степени обуславливает сопереживания любым эмоциональным состояниям персонажей. Анализ фактического материала позволил выявить один показатель функционального воздействия – речь идет об эмоциональных положительных переживаниях по отношению к герою, его жизненным радостям и заботам, жизни. Данный показатель включает в себя следующие средства выражения:

– изменение синтаксиса микротемы (увеличение семантических единиц и грамматических средств по мере отдаления персонажа от настоящего к прошлому):

Милиционер Копытов заступил на дежурство в двенадцать часов ночи. Он шел по уснувшей улице не спеша, мурлыча под нос старую тягучую песню [Семенов, 2013, с. 11];

– эпитеты:

Он лежал, сжавшись в комочек, щупленький старый человек с большими руками крестьянина [Семенов, 2013, с. 14], *Die Kollegin war so nett und sagte: «Und ich heiÙe Zwei»* (Коллега была так мила и сказала: «А меня зовут Цвой») [Holtz-Baumert, 2015, S. 3].

Например, эпитет в характеристике большие руки крестьянина: в сюжетной линии герой не относится к социальному классу крестьянства; автор намеренно пользуется образом крестьянства, который в большинстве случаев доминирует в русской литературе. Отсылка к образу крестьянина позволяет автору в данном случае реализовать комплекс функций категории персональности, в т. ч.: функцию информирования, рефлексии, интерпретации, художественно-эстетического воздействия, диагностическую функцию и т. д.;

– метафоры и метафорические выражения:

*После скандалов и мать и отец задабривали Леньку, каждый старался утащить его к себе, а сердце у мальчонки **разрывалось**, потому что нет детей, которые бы любили мать больше отца или наоборот. Укрыв голову подушкой, он плакал, потому что гнетущее чувство страха не покидало его в те часы: ничто так не **калечит ребенка**, как домашние **сцены*** [Семенов, 2013, с. 51–52];

– аллегории:

Он лежал, сжавшись в комочек, щупленький старый человек с большими руками крестьянина [Семенов, 2013, с. 14];

– повтор:

Он вдруг вспомнил те долгие вечера..., когда он, радуясь, жарил яичницу...; когда он помогал ему...; когда он спасал его перед директором... Он вспомнил, как старик приглашал его в театры... Все это вспомнил Ленька, и лицо его тряслось все больше и больше [Семенов, 2013, с. 32];

– модальный глагол:

Ich musste ihr noch die Sache erzählen... (Я был вынужден рассказать ей еще историю) [Holtz-Baumert, 2015, S. 7];

– прилагательное с наречием:

«Aus! Jetzt können wir lange hier sitzen», sagte sie endlich ganz traurig («Теперь мы можем просидеть здесь долго», сказала она в конце концов очень печально) [Holtz-Baumert, 2015, S. 4].

Соответственно, реализация эмпатического компонента текстового потенциала категории персональности осуществляется за счет идентификации эмоциональных переживаний. При этом предполагается, что идентификация может варьироваться от объективного изложения событий (либо объективного описания эмоционального состояния героя) до абсолютного совпадения точек зрения автора и персонажей, участвующих в данных событиях. Результирующим показателем функционального развития эмпатического компонента является эмоциональные положительные переживания по отношению к герою, его жизненным радостям и заботам, жизни.

Таблица 6 – Эмпатический компонент текстового потенциала категории персональности

Показатель функционального воздействия	Средства выражения	Примеры
Эмоциональные положительные переживания по отношению к герою, его жизненным радостям и заботам, жизни	Изменение синтаксиса микротемы (увеличение семантических единиц и грамматических средств по мере отдаления персонажа от настоящего к прошлому)	<i>Милиционер Копытов заступил на дежурство в двенадцать часов ночи. Он шел по уснувшей улице не спеша, мурлыча под нос старую тягучую песню...</i>
	Эпитеты	<i>Щупленький старый человек. Die kollegin war so nett</i>
	Метафоры и метафорические выражения	<i>Сердце разрывалось. Калечит ребенка</i>
	Аллегория	<i>Он лежал, сжавшись в комочек, щупленький, старый человек</i>
	Повтор	<i>Он вдруг вспомнил те долгие вечера, когда старик сидел с ним..., когда он, радуясь, жарил яичницу...; когда он помогал ему...; когда</i>

Продолжение таблицы 6

		<i>он спасал его...</i>
	Модальный глагол	<i>Ich musste ihr noch die Sache erzählen...</i>
	Прилагательное с наречием	<i>...Sagte sie endlich ganz traurig</i>

В таком понимании содержание компонента эмпатии близко к содержанию эмотивного компонента.

Таким образом, эмотивный, экспрессивный и эмпатический компоненты текстового потенциала категории персональности обусловлены, прежде всего, грамматическим, лексическим и синтаксическим уровнями: экспрессивность высказывания выступает как усиление выразительности. В качестве языковых элементов, способных придавать тексту дополнительную экспрессивность, можно выделить повтор, антитезу, синтаксический параллелизм, эллипсис, риторический вопрос, инверсию, фигуру умолчания, безличные предложения и др. В художественном тексте важным является «смысловое, стилистическое использование единиц синтаксического уровня языка» [Крылова, 2016], а в аспекте категории персональности оно приобретает особенное значение. Выразительная лексика связана с передачей индивидуального восприятия автором окружающего мира, позволяет ему создавать образы, эмоционально воздействующие на читателя. Слова приобретают дополнительные значения, стилистическую окраску, отражая тем самым внутренний мир автора, что важно с точки зрения персональности. При этом среди основных показателей, определяющих *эмотивный компонент* текстового потенциала категории персональности, следует выделить:

- эмоциональные коннотации сожаления, любви, тревожности (которые выражаются при помощи: метафор и метафорических сочетаний, изменения синтаксиса микротемы, вводных слов);
- эмоциональные коннотации стыда, доброты (при помощи: повторов, наречий);

- эмоциональные коннотации пренебрежения (при помощи: идиом, отсутствия обозначения лица при определении человека, который лишает жизни другого человека);
- коннотация амбивалентности чувств (при помощи: градации, повторов, риторических вопросов, вводных слов);
- коннотация уважения (при помощи: изменения синтаксиса микротемы, аллегорий, повторов, наименования персонажа, несоответствующего реальности, наречий);
- коннотация детских воспоминаний (при помощи: лексики, ассоциирующейся с детством, метонимии, эпитетов, олицетворения, наречий, прилагательных);
- коннотация неопределенности, маскировка действий, состояний лица (при помощи: безличных предложений, описания невербальных характеристик персонажа);
- коннотация иронии (при помощи: наречий).

Среди основных показателей, определяющих экспрессивный компонент текстового потенциала категории персональности, следует выделить:

- интенсификация эмоционального восприятия объекта (которая выражается при помощи сравнений, паронимов, эпитетов);
- интенсификация эмоционального восприятия ситуации (при помощи наречий, изменения синтаксиса микротемы, сложных существительных, частиц, сравнений);
- интенсификация когнитивного образа предмета, лица (при помощи градации, сравнений, риторических обращений, имитации речи персонажей, частиц, вопросительных конструкций с модальными глаголами, парцеллированных конструкций);
- интенсификация когнитивного образа ситуации (при помощи местоимений, отрицательно-обобщающих местоимений, наречий, повторов, регламентации по времени, повторов модального глагола).

Среди основных показателей, определяющих эмпатический компонент текстового потенциала, следует выделить:

– эмоциональные положительные переживания по отношению к герою, его жизненным радостям и заботам, жизни (которые выражаются при помощи изменения синтаксиса микротемы, эпитетов, метафор и метафорических выражений, аллегорий, повторов, модальных глаголов, прилагательных с наречиями).

2.4. Особенности актуализации рефлексивных процессов адресата в функциональном проявлении личности

В рамках данного параграфа считаем целесообразным рассмотреть такие компоненты текстового потенциала категории личности как компонент перцептивной актуализации и побудительно-нормативный компонент, выражающих одну из значимых функций категории личности, которая (функция) раскрывается через актуализацию рефлексивных процессов адресата посредством целенаправленного обращения автора к опыту читателя, отнесения этого опыта к определенной ситуации, помещения его в локус внимания и актуализации при анализе информации. Рефлексия позволяет читателю не только воспринимать образ отдельного героя или явления, но и на основе функционирования когнитивных процессов оценивать, эмоционально отражать происходящее, предложенное автором. С целью актуализации рефлексии автор использует различные языковые средства.

2.4.1. Компонент перцептивной актуализации текстового потенциала категории личности

Потенциальная способность языковых единиц, приобретаемая ими в результате формирования нейтральных грамматических и лексико-семантических конструктов, актуализировать рецептивные процессы читателя, представляет *компонент перцептивной актуализации* текстового потенциала категории личности. Данный компонент обеспечивает формирование не только образа

(чувственного образа) персонажа в результате восприятия его читателем, но и процесса отображения персональности через изображение различных элементов, находящихся в определенном соотношении с различными элементами изображаемого объекта (персонажа).

В качестве простейшей формы чувственного образа можно привести образы ощущения, которые возникают от непосредственного воздействия предметов и явлений художественного мира на персонажей произведения. Такие образы отличаются рядом особенностей: речь идет о модальности, качестве, интенсивности, длительности и пространственных компонентах. При этом восприятие отражает не отдельные свойства, а предмет в целом (в совокупности свойств). Соответственно, основными свойствами компонента перцептивной актуализации текстового потенциала категории персональности являются целостность, структурность, константность и др., которые, в свою очередь, связаны с такими показателями, как:

1. Активизация визуально-перцептивной системы читателя за счет создания образа времени, наделенного свойствами материи. Выражается при помощи:

– метафор:

Ночь раскололась надвое, и все увидели мертвого Копытова. Он лежал, сжавшись в комочек, щупленький старый человек с большими руками крестьянина. Его руки словно жили еще [Семенов, 2013, с. 14].

2. Интенсификация визуальных перцептивных процессов, выражающаяся при помощи:

– сравнений:

*В мелких брызгах – улицу часто поливали **неповоротливые**, как броневики, и такие же **пузатые** автомобили* [Семенов, 2013, с. 70], *Wie ein großer goldener Fisch verschwand die Posaune vor unseren Augen (Тромбон исчез на наших глазах, как большая золотая рыбка)* [Holtz-Baumert, 2015, S. 239], *Die Käfer, vielmehr die Menschen unten, bekamen aber eine tüchtige Portion Schnee von meiner Posaunenlawine (Жуки, а скорее люди внизу, получили*

значительную порцию снега от моей лавины, вызванной падением, тромбона) [Holtz-Baumert, 2015, S. 240].

3. Интенсификация слуховых перцептивных процессов, выражающаяся при помощи:

– метонимии:

Улица жила веселой и шумной жизнью [Семенов, 2013, с. 70];

– сравнений:

Он выпил стакан нарзана, и в голове у него зазвенело тонко-тонко, будто в тайге весной, когда много мошки. [Семенов, 2013, с. 32];

– вводных слов, наречий:

Übrigens, was da so gedonnert hat, habe ich erst am nächsten Tag herausbekommen (Кстати, то, что так гремело, я выяснил только на следующий день) [Holtz-Baumert, 2015, S. 242], *Ganz schön, denke ich wütend, erst im Fahrstuhl einsperren, alles erzählen lassen, und nicht einmal eine Limonade haben sie für einen übrig (Очень хорошо, в бешенстве думаю я, сначала запереть в лифте, заставить все рассказать, а у них не найдется даже стаканчика лимонада)* [Holtz-Baumert, 2015, S. 9].

Так, например, в последнем примере интенсификация слуховых перцептивных процессов, выражающаяся при помощи целого комплекса выразительных средств, а именно: наречием *Ganz schön*; прилагательным *wütend*, неопределенной формой *im Fahrstuhl einsperren*, императивом *erzählen lassen*, именем прилагательным *übrig*. Данные примеры с очевидностью демонстрируют наличие функционального воздействия категории персональности, которое выражается здесь в эмоциональном и экспрессивном влиянии, в актуализации рефлексивных процессов читателя. Эмоциональное действие проявляется в том, что происходит активизация определенной эмоции, чувства уважения, экспрессивность выявляется при усилении с помощью повтора. Рефлексивность заключается в осознании читателем смысла выражения *верить в себя* в соотношении его с образом персонажа.

Коннотативно оппозицию может составлять предикативное наречие *надо*, которое определяет состояние субъекта:

Надо заранее узнать, кто собирается ехать за машиной..., *надо* шапочно познакомиться с этим человеком», ...*надо* доставать из портфеля водку с лекарством, которое свидетелей сделает жертвами... [Семенов, 2013, с. 117–118].

Речь идет о готовности субъекта действовать в соответствии с его целями. В данном случае наречие указывает не только на определенное состояние готовности и долженствования, но и на особенности восприятия других людей или явлений субъектом и его планы по отношению к ним. То есть, в сущности, здесь автор показывает как раз определенность мыслей, планов персонажа, тем самым усиливая у читателя, с одной стороны, чувство тревоги за персонажей-жертв, с другой – любопытство относительно действий специалистов по обезвреживанию преступника, что одинаково важно для текста детективного произведения, и т. д.

4. Интенсификация восприятия времени. Выражается при помощи:

– метафорических сравнений:

Разговор этот, длинный, двухчасовой, подробный, казался Налбандову каким-то единым целым, тяжелым как плита гранита [Семенов, 2013, с. 290];

– градации:

Разговор этот, длинный, двухчасовой, подробный [Семенов, 2013, с. 290];

– физической характеристики языкового феномена (краткости, временной регламентации), которая отражает особенности явления действительности (краткость, мгновенность):

Садчиков не успел ответить: он ощутил сильный удар в шею <...> и потом все кончилось тишиной [Семенов, 2013, с. 117];

– вводных конструкций:

Ganz schön, denke ich wütend, erst im Fahrstuhl einsperren, alles erzählen lassen, und nicht einmal eine Limonade haben sie für einen übrig (Очень

хорошо, в бешенстве думаю я, сначала запереть в лифте, заставить все рассказать, а у них не найдется даже для тебя стаканчика лимонада)
[Holtz-Baumert, 2015, S. 73].

Соответственно, результирующие показатели функционального воздействия компонента перцептивной актуализации категории личности могут быть классифицированы, и основанием для классификации является модальность перцептивного процесса: восприятие звука, визуального образа, времени.

Таблица 7 – Компонент перцептивной актуализации текстового потенциала категории личности

Показатель функционального воздействия	Средства выражения	Примеры
Активизация визуально-перцептивной системы читателя за счет создания образа времени, наделенного свойствами материи	Метафора	<i>Ночь раскололась</i>
Интенсификация визуальных перцептивных процессов	Сравнение	<i>...Неповоротливые, как броневики, и такие же пузатые автомобили. Wie ein großer goldener Fisch verschwand die Posaune vor unsere Augen. Die Käfer, vielmehr die Menschen unten...</i>
Интенсификация слуховых перцептивных процессов	Метонимия	<i>Улица жила веселой и шумной жизнью</i>
	Сравнение	<i>У него зазвенело тонко-тонко, будто в тайге весной</i>
	Вводное слово, наречие	<i>Übrigens, was da so gedonnert hat...</i>
Интенсификация восприятия времени	Метафорическое сравнение	<i>Разговор этот, длинный, двухчасовой, подробный, казался Налбандову каким-то единым целым, тяжелым, как плита гранита</i>
	Градация	<i>Разговор этот, длинный, двухчасовой, подробный</i>
	Физическая характеристика языкового феномена (краткость, временная регламентация) отражает особенности явления действительности (краткость, мгновенность)	<i>Садчиков не успел ответить: он ощутил сильный удар в шею и полетел под колеса электрички. Он услышал пронзительный скрип тормозов, потом услышал свой крик, и потом все кончилось тишиной</i>
	Вводная конструкция	<i>Ganz schön dunkeln schon</i>

Показателем функционального воздействия, маркированного выразительными средствами, которые характеризуют восприятие звука, является интенсификация слуховых перцептивных процессов. Показателями функционального воздействия, характеризующего восприятие визуального образа, являются интенсификация зрительных перцептивных процессов, активизация визуально-перцептивной системы читателя за счет создания образа времени, наделенного свойствами материи. Показателем функционального воздействия, характеризующего восприятие времени, является интенсификация восприятия времени.

2.4.2. Побудительно-нормативный компонент текстового потенциала категории персональности

Потенциальная способность языковых единиц, приобретаемая ими в результате формирования нейтральных грамматических и лексико-семантических конструкторов, обнаруживать возможность определения нормативного поведения для использования его в повседневной жизненной практике, представляет *побудительно-нормативный компонент* текстового потенциала категории персональности. Данный компонент обуславливает связь императивной формы как языковой единицы с контекстами её употребления и с коммуникативными ситуациями, смыслы которых опираются на языковые средства акцентирования, то есть усиления и выделения. Условно выделяются следующие показатели функционального воздействия компонента:

1. Демонстрация автором презрения к персонажам, осуждения преступного поведения, выражающаяся при помощи:

– лексики негативного свойства, характерной для описания животного:

Мужчина, что постарше, замотал головой и замычал что-то невнятное.

Второй икнул и улыбнулся Копытову странной, мертвой улыбочкой.

Копытов заметил, что лицо его бледно и покрыто испариной [Семенов, 2013, с. 13].

Следует отметить, что, как правило, реализации данного компонента способствует обращение автора к сниженной и разговорной лексике, иллюстрирующей его (автора) намерение актуализировать рефлексивные процессы адресата. Согласно схеме градаций И.Р. Гальперина, ведущими признаками стилистической подсистемы разговорной речи, которая содержит сниженную лексику, является большое количество фамильярных лексических единиц; они отличаются экспрессивностью, образностью, динамичностью изложения [Гальперин, 2005]. Например, в предложении:

«Ich ging raus und setzte mich in die Stube an den Tisch und brütete» (*Я вышел и сел в комнате за стол и долго размышлял*) [Holtz-Baumert, 2015, S. 61],

глагол *brüten* ('высиживать птенцов, сидеть на яйцах') употребляется в разговорном стиле и обозначает - *долго думать, размышлять*. Повествователь обозначает свое отношение к ситуации, в которой находился персонаж; при этом сам герой изображается в ироничном ключе (*высиживал птенцов*). В данном случае разговорные языковые элементы помогают автору придать повествованию определенную тональность и выразить свое отношение к персонажам, и т. д.

– имитации речи персонажа:

Все эти Ваиадзе, колхозники, мужики, быдло приезжают с толстыми пачками затертых денег покупать машины [Семенов, 2013, с. 89];

– метафор:

*Разговор этот, длинный, двухчасовой, подробный, казался Налбандову каким-то единым целым, **тяжелым как плита гранита*** [Семенов, 2013, с. 290].

Сохраняя установку письменного текста в общем виде, повествователь стремится к обогащению текста компонентами устной речи, зависящими от основной фабульной нити. Автор (как субъект) в повествовании такого типа отсутствует: в тексте стилизуется речь персонажа, отводится роль рассказчика со

всей речевой атрибутикой его характера. В качестве примера можно привести контекстуальное описание событий, предшествующих гибели героя:

Копытов подошел поближе и сказал:

– Ребятки, домой пора. Поздно. Мужчина, что постарше, заматал головой и замычал что-то невнятное. Вторым икнул и улыбнулся Копытову странной, мертвой улыбочкой. Копытов заметил, что лицо его бледно и покрыто испариной [Семенов, 2013, с. 13].

В данном случае категория персональности выражается с помощью следующих языковых средств:

а) грамматических: сложные предложения (*Мужчина, что постарше, заматал головой и замычал что-то невнятное... Копытов заметил, что лицо его бледно и покрыто испариной*); неопределенное местоимение (*что-то*);

б) лексико-семантических: лексика пренебрежительного контекста (*замычал что-то невнятно*); метафора (*мертвая улыбочка*).

Здесь присутствует нейтральная лексика, относящаяся к герою Копытову, а также лексика негативного характера, больше характерная для описания животного (*заматал головой и замычал*), демонстрирующая неодобрение автором персонажей, с которыми пришлось общаться герою. Имплицитно звучит призыв автора: осудить пьяных, отнестись к ним с осторожностью. В этом случае наблюдается призывно-побудительная функция категории персональности, и т. д.;

2. Демонстрация автором чувства гнева за содеянное преступниками, желание наказания злодеев, которая выражается при помощи:

– аллегорий:

Большие руки крестьянина [Семенов, 2013, с. 14];

– парцеллированных конструкций:

Не должны. Глупо будет и жестоко. Хотя судья судье рознь, а закон для всех один. Был с бандитами? Был. Они стреляли? Стреляли. Банда? [Семенов, 2013, с. 69].

Актуализация рефлексивных процессов реализуется за счет «присоединения» читателя к авторскому тексту, имитирующему персонажа.

Внутренняя речь свойственная каждому субъекту: читатель может оценить соответствующее высказывание внутренней речи, провести оценку мыслей, чувств и интенций персонажа. Нормативная функция реализуется с помощью парцелированного выражения: *Хотя судья судье рознь, а закон для всех один.* Следует отметить, что нормативная функция категории персональности лежит в основе всего текста Ю. Семенова, в котором нет рассуждений о юридических правилах, нормативных актах, статьях закона, но смысл передается с помощью подробного описания профессиональной деятельности персонажей. Например, их поведения на месте преступления:

Росляков начал осторожно – метр за метром – осматривать землю вокруг убитого милиционера. Прежде чем сделать шаг, он внимательно обследовал то место, куда надо будет поставить ногу [Семенов, 2013, с. 15];

3. Призыв к деятельному, созидательному человеку, уважению к профессии, выражающийся при помощи:

– подробных описаний профессиональной деятельности персонажей:

После этого Росляков начал осторожно – метр за метром – осматривать землю вокруг убитого милиционера. Прежде чем сделать шаг, он внимательно обследовал то место, куда надо будет поставить ногу [Семенов, 2013, с. 15];

– повторов:

...люди в научно-техническом отделе в пятый и в десятый раз искали хоть малейшую зацепку, наново анализируя все то, что было привезено с мест происшествия [Семенов, 2013, с. 201].

Способствует реализации побудительно-нормативного компонента текстового потенциала категории персональности повторы: *в пятый и в десятый раз, всё – во всех – на всех – всё*; обобщающие местоимения: *все, во всех, на всех*; эпитет: *малейшую зацепку*, инверсия: *всё решало время*. У читателя формируется нормативное представление о том, что преступник должен быть пойман и это обязательно произойдет, и т. д.

– обобщающих местоимений:

Все эти Вашадзе, колхозники, мужики ... [Семенов, 2013, с. 89];

– эпитетов:

*...искали хоть **малейшую** зацепку, наново анализируя все то, что было привезено с мест происшествия* [Семенов, 2013, с. 201];

– инверсии:

Когда все решают минуты, когда очень т-трудно, когда надо принять только одно решение и оно должно быть точным [Семенов, 2013, с. 80].

4. Призыв к формированию характера персонажа, который выражается при помощи:

– безличных предложений с модальными глаголами:

Es muss unter Männern Geheimnisse geben (У мужчин должны быть секреты) [Holtz-Baumert, 2015, S. 124].

5. Демонстрация значимости процесса воспитания и уважения к родителям, выражающаяся при помощи:

– частиц, введения конструкта *mama sagt*:

*Ich freute mich und sagte, ganz wie mir **Mama** immer **gesagt** hat, ich soll mich bei fremden Leuten vorstellen (Я обрадовался и сказал, так как мне мама всегда говорила, что я должен представляться незнакомым людям)* [Holtz-Baumert, 2015, S. 7–8], ***Mama sagt**, fremde Frauen sind immer Damen (Мама говорит, незнакомые женщины – всегда госпожи)* [Holtz-Baumert, 2015, S. 3].

Например, с помощью использования частиц автор усиливает у читателя впечатление о происходящем:

***Doch** die Kollegin lachte **nur** und nahm mich gleich mit (Однако коллега только рассмеялась и сразу взяла меня с собой)* [Holtz-Baumert, 2015, S. 2–3].

Автор использует вводное слово *doch* и частицу *nur*, предлагая собственную оценку ситуации с позиции непосредственного участника, для которого все происходящее имеет большое значение. Автору необходимо передать данную

оценку читателю, что он делает, подчеркивая отнесенность содержания повествования к реальным переживаниям автора в прошлом, усиливая доверительность в художественном диалоге между повествователем и читателем. Можно отметить, что в высказываниях нарративного или дескриптивного характера частица используется не для выделения, а для выражения других характеристик явления или действия. К примеру, в предложенном примере частица *nur* позволяет автору подчеркнуть тот факт, что героиня ограничилась определенным действием, не комментировала слова героя и не отвечала на них. Тем самым автор акцентирует важность поведения героини в значимой для него ситуации признания или непризнания его творчества.

Таблица 8 – Побудительно-нормативный компонент текстового потенциала категории персональности

Показатель функционального воздействия	Средства выражения	Примеры
Демонстрация автором презрения к персонажам, осуждения преступного	Лексика негативного свойства, характерная для описания	<i>Замотал головой и замычал</i>
Показатель функционального воздействия	Средства выражения	Примеры
поведения	животного	
	Имитация речи персонажа	<i>Все эти Вашадзе, колхозники, мужики, быдло приезжают с толстыми пачками затертых денег покупать машины</i>
	Метафора	<i>Разговор этот, длинный, двухчасовой, подробный, казался Налбандову каким-то единым целым, тяжелым, как плита гранита</i>
Демонстрация автором чувства гнева за содеянное преступниками, желание наказания злодеев	Аллегория	<i>Большие руки крестьянина</i>
	Парцеллированная конструкция	<i>Хотя судья судье рознь, а закон для всех один</i>
Призыв к деятельному, созидательному человеку, уважению к профессии	Подробное описание профессиональной деятельности персонажей	<i>После этого Росляков начал осторожно – метр за метром – осматривать землю вокруг убитого милиционера...</i>
	Повтор	<i>В пятый и в десятый раз; все</i>
	Обобщающие местоимения	<i>Все, во всех, на всех</i>
	Эпитет	<i>Малейшую зацепку</i>
	Инверсия	<i>Все решало время</i>

Продолжение таблицы 8

Призыв к формированию характера	Безличное предложение с модальным глаголом	<i>Es muss unter Männern Geheimnisse geben</i>
Демонстрация значимости процесса воспитания и уважения к родителям	Частица, введение конструкта <i>mama sagt</i>	<i>...Mama immer gesagt hat, ich soll mich bei fremden Leuten vorstellen. ...Mama sagt, fremde Frauen sind immer Damen</i>

Соответственно, результирующие показатели функционального воздействия побудительно-нормативного компонента личности могут быть классифицированы, и основанием для классификации является оценка автором действий персонажей. Показателями функционального воздействия, характеризующего негативное отношение автора к персонажам, являются демонстрация автором презрения к персонажам, осуждение преступного поведения, демонстрация чувства гнева за содеянное преступниками, желание наказания злодеев. Показателем функционального воздействия, характеризующего позитивное отношение автора к персонажам, является призыв к деятельному, созидательному человеку, уважению к профессии.

Таким образом, рассмотрев особенности актуализации рефлексивных процессов адресата в функциональном проявлении личности и ее (категории) компоненты: компонент перцептивной актуализации и побудительно-нормативный компонент, было установлено, что рефлексия позволяет читателю не только воспринимать образ отдельного героя или явления, но и на основе функционирования когнитивных процессов оценивать, эмоционально отражать происходящее, предложенное автором. Функциональное воздействие компонента перцептивной актуализации обусловлено модальностью перцептивного процесса, определяющейся через восприятие звука, визуального образа, времени. Функциональное воздействие побудительно-нормативного компонента – оценкой автором действий персонажей. При этом *компонент перцептивной актуализации* текстового потенциала определяется целым рядом следующих показателей:

- активизация визуально-перцептивной системы читателя за счет создания образа времени, наделенного свойствами материи (которая выражается при помощи: метафор);
- интенсификация визуальных перцептивных процессов (при помощи: сравнений);
- интенсификация слуховых перцептивных процессов (при помощи: метонимии, сравнений, вводных слов, наречий);
- интенсификация восприятия времени (при помощи: метафорических сравнений, градации, физической характеристики языкового феномена, которая отражает особенности явления действительности, вводных конструкций).

Побудительно-нормативный компонент текстового потенциала определяется следующими показателями:

- демонстрация автором презрения к персонажам, осуждения преступного поведения (выражающаяся при помощи: лексики негативного свойства, характерной для описания животного, имитации речи персонажа, метафор);
- демонстрация автором чувства гнева за содеянное преступниками, желание наказания злодеев (при помощи: аллегорий, парцеллированных конструкций);
- призыв к деятельному, созидательному человеку, уважению к профессии (при помощи: подробных описаний профессиональной деятельности персонажей, повторов, обобщающих местоимений, эпитетов, инверсии);
- призыв к формированию характера (при помощи безличных предложений с модальными глаголами);
- демонстрация значимости процесса воспитания и уважения к родителям (при помощи: частиц, введения конструкта *mana sagt*).

Выводы по главе 2

На основании проведенного исследования по проблеме выявления текстового потенциала категории персональности, можно сделать следующие выводы:

1. Комплексность в изучении функционального предназначения категории персональности предполагает изучение языковых средств различных уровней, которые связаны между собой системными отношениями, выявление общего значения, характерного для всех конstituентов комплекса. При этом гетерогенность категории персональности, проявляющаяся в разнородности средств её выражения, требует обращения к выявлению особенностей связей между языковыми единицами разных уровней, закономерностей формирования текстового потенциала персональности.

2. Имплицитность / эксплицитность является одной из значимых характеристик категории персональности. Формирование имплицитных и эксплицитных смыслов происходит в соответствии с интенциями автора с привлечением различных языковых форм, разнообразных единиц не только лексико-семантического и морфологического, но и синтаксического уровней. Текстовый потенциал персональности заключается в том, что персональность способна определять интенсивность проявления ситуативности, модальности, компрессии, уровневой интеграции, вариативность в отборе языковых средств в имплицитных и эксплицитных речевых высказываниях.

3. Значимой функцией категории персональности выступает актуализация рефлексивных процессов адресата посредством целенаправленного обращения автора к опыту читателя, отнесение этого опыта к определенной ситуации, помещение его в локус внимания и актуализация при анализе информации. Рефлексия позволяет читателю не только создать образ отдельного героя или явления, но и на основе функционирования когнитивных процессов оценивать, эмоционально отражать происходящее, предложенное автором.

4. Выявлены следующие особенности экспрессивного синтаксиса и выразительной лексики в функциональном проявлении личности: в качестве синтаксических фигур, способных придавать тексту дополнительную экспрессивность, авторы используют повтор, антитезу, синтаксический параллелизм, эллипсис, риторический вопрос, инверсию, фигуру умолчания, безличные предложения и др. Выразительная лексика связана с выражением индивидуального восприятия автором окружающего мира, которое позволяет ему создавать образы, эмоционально воздействующие на читателя.

5. Представив общее содержание функций категории личности и их результирующих показателей, можно сделать вывод о том, что наибольшую функциональную нагрузку при реализации текстового потенциала категории личности выполняют следующие художественные выразительные средства:

– аллегория (проявляется в информативном, эмотивном, художественно-эстетическом, эмпатийном, побудительно-нормативном компонентах);

– метафоры и метафорические сочетания (в эмотивном, эмпатийном, перцептивной актуализации, побудительно-нормативном компонентах);

– градация (в эмотивном, экспрессивном, идентификационном компонентах, перцептивной актуализации);

– сравнения (в экспрессивном, идентификационном, художественно-эстетическом компонентах, перцептивной актуализации).

6. Наиболее часто проявляется сочетание информативного и эмотивного компонентов потенциала категории личности (в случае использования идиом, аллегорий, эпитетов, неопределенно-личных предложений). Также выявлена высокая частотность сочетания эмотивного и эмпатийного компонентов (проявляется при использовании аллегорий, метафор и метафорических сочетаний, повтора, изменение синтаксиса микротемы (увеличение семантических единиц и грамматических средств по мере отдаления персонажа от настоящего к прошлому)).

Заключение

В результате проведенной исследовательской работы было установлено, что важную роль в структуре текста играет персональность, определяющаяся не только как инструмент транслирования читателю информации, знаний, но и как способ передачи общечеловеческих ценностей, создания социального и культурного поля. Функциональные возможности категории персональности обеспечиваются за счет способности глагольных форм и других языковых средств выражать различные свойства субъекта речи, особенности его деятельности, поведения, характеристики его личности, а также действовать в языке в комплексе с другими текстовыми категориями (модальностью, темпоральностью, субъективностью, эмотивностью, экспрессивностью и др.), формируя предикативность. В рамках выявления сущности и значения персональности, отражающей отношение между всеми участниками коммуникации, было установлено, что данная категория служит орудием изображения, идентификации личности и передачи отношения данной личности к происходящему. Посредством персональности личность представляет в тексте собственные действия, передает опыт, изображает ситуации, стремясь вызвать у адресата понимание, сопереживание и другие чувства, сформировать представление об изображенном в тексте субъекте.

Кроме того, были определены основные функции текста, одной из которых является функция информирования, передачи сообщения, важного с точки зрения содержания текста; с ней связана функция интерпретации, определения автором явлений окружающей действительности для адресата текста. Целый комплекс функций нацелен на оказание воздействия на адресата текста: функция художественно-эстетического воздействия, проявляющаяся в первую очередь в художественной литературе; функция психологического воздействия на адресата – формирования у него важных психологических установок либо корректировка имеющихся установок. Выделяются функции, связанные с передачей автором текста информации о себе адресату: функция самовыражения личности; функция

осознания субъектом собственных эмоций, понимания своих мыслей, своих особенностей и т. д.; функция выражения собственной и общественной культуры, передачи культурных ценностей. Ряд функций предназначен для формирования личности адресата текста: функция рефлексии субъекта, воспринимающего текст, понимания им того содержательного, эмоционального и оценочного посыла, который создал автор текста; функция выражения и объяснения мотивов, ценностей, потребностей воспринимающего текст; диагностическая функция, раскрывающаяся особенности личности, культурных аспектов, социального статуса воспринимающего.

Все выявленные функции предназначены для представления в тексте личности – создающего текст субъекта, изображенных в тексте субъектов, воспринимающего текст субъекта: они позволяют автору «обозначить» собственное присутствие в тексте, а также присутствие других субъектов повествования – рассказчика, повествователя, главного героя, прочих персонажей. При этом категория персональности наделяется определенным потенциалом, реализуемым в тексте в рамках вышеназванных функций посредством языковых единиц разных уровней.

Таблица 9 – Текстовый потенциал категории персональности и языковые средства, участвующие в его реализации

<i>Потенциал текста</i>	<i>Языковые средства</i>
1. Информативный	Деепричастный оборот; местоимения в форме 3-го лица; неопределенные местоимения; предикативное наречие <i>надо</i> ; модальные глаголы; метонимия; аллегория; эпитеты; идиома; эллиптические высказывания; сниженная лексика; единицы, обозначающие лицо, время, действие; названия места действия; неопределенно-личное предложение; парцелированные конструкции; пассивная конструкция
2. Идентификационный	Сравнения; градация; эллиптические высказывания; паронимы; изменение синтаксиса микротемы (увеличение семантических единиц и грамматических средств по мере отдаления персонажа от настоящего к прошлому); сравнительная

Продолжение таблицы 9

	конструкция расчленяет самостоятельное распространенное предложение в инверсионной форме
3. Художественно-эстетический	Глаголы, имеющие большое значение в пределах микротемы; аллегория; сравнения; установление связи концепта «ум» с нравственной сферой; изменение синтаксиса в произведениях, относящихся к разным хронологическим периодам (уменьшение семантических единиц, относящихся к ситуации гибели персонажа); сравнительная конструкция расчленяет самостоятельное распространенное предложение в инверсионной форме
4. Эмотивный	Метафоры и метафорические сочетания; аллегория; олицетворение; эпитеты; идиома; градация; повтор; риторический вопрос; лексика, ассоциирующаяся с детством; отсутствует обозначение лица при определении человека, который лишает жизни другого человека; неопределенно-личное предложение; изменение синтаксиса микротемы (уменьшение семантических единиц и грамматических средств по мере приближения гибели персонажа); изменение синтаксиса микротемы (увеличение семантических единиц и грамматических средств по мере отдаления персонажа от настоящего к прошлому)
5. Экспрессивный	Местоимения, в т.ч. отрицательно-обобщающие; наречия; аллегория; сравнения; градация; повтор; повтор модального глагола; риторическое обращение; имитация речи персонажа; регламентация по времени; паронимы; парцеллированные конструкции; изменение синтаксиса микротемы (уменьшение семантических единиц и грамматических средств по мере приближения гибели персонажа)
6. Эмпатийный	Метафоры и метафорические сочетания; аллегория; повтор; изменение синтаксиса микротемы (увеличение семантических единиц и грамматических средств по мере отдаления персонажа от настоящего к прошлому)
7. Перцептивной актуализации	Метафоры и метафорические сочетания; метонимия; сравнения; градация; физическая характеристика языкового феномена (краткость, временная регламентация) отражает особенности явления действительности (краткость, мгновенность)
8. Побудительно-нормативный	Местоимения, в т.ч. отрицательно-обобщающие; метафоры и метафорические сочетания; аллегория; эпитеты; инверсия; повтор; имитация речи персонажа; лексика негативного свойства, характерная для описания

Продолжение таблицы 9

	животного; подробное описание профессиональной деятельности персонажей; парцеллированные конструкции
--	--

Анализ интенсивности проявления выразительных средств при выполнении категорией персональности ее функций позволил выявить ряд закономерностей. Так, наибольшую функциональную нагрузку выполняют следующие выразительные средства: аллегория (проявляется в побудительно-нормативном, эмотивном, эмпатийном, художественно-эстетическом, информативном компонентах); метафоры и метафорические сочетания (эмотивном, эмпатийном, перцептивной актуализации, побудительно-нормативном); сравнения (экспрессивном, идентификационном художественно-эстетическом, перцептивной актуализации); градация (в эмотивном, экспрессивном, идентификационном, перцептивной актуализации).

Наиболее часто проявляется сочетание информативного и эмотивного компонентов потенциала категории персональности (в случае использования идиом, аллегорий, эпитетов, неопределенно-личных предложений). Также выявлена высокая частотность сочетания эмотивного и эмпатийного компонентов (проявляется при использовании аллегорий, метафор и метафорических сочетаний, повтора, изменение синтаксиса микротемы (увеличение семантических единиц и грамматических средств по мере отдаления персонажа от настоящего к прошлому). Выявлено, что компоненты текстового потенциала персональности могут быть одновременно в определенных языковых конструктах: сочетать в себе информативный / эмотивный и эмотивный / эмпатийный компоненты. Однако, в каждом случае лишь один компонент является доминирующим, исходя из интенциональности автора.

Таким образом, проведенное исследование текстов на английском, немецком и русском языках, позволяет установить, что текстовой потенциал категории персональности является сложным многофункциональным явлением, анализируемым в контексте предлагаемых автором обстоятельств, отражающем

многогранность личностных интенций, эмоционально-когнитивных свойств автора, выраженном в множестве дифференцированных языковых единиц, составляющих единую систему презентации творческого процесса автора. В разных языках текстовая реализация персональности и ее текстовой потенциал во многом схожи. На материале русского, немецкого и английского языков в работе показано, что средства категории персональности выполняют в тексте одинаковые функции: служат для передачи информации о субъекте и адресате речи, раскрывают их представления о явлениях окружающей действительности; транслируют эмоции и экспрессию; идентифицируют субъекта и объекта речи; передают их культурные, социальные особенности; служат оценке и т. п. Схожи и языковые элементы разных уровней, посредством которых транслируется персональность: личные и неличные предложения, формы глаголов и местоимений, вводные слова, средства лексико-семантической выразительности и экспрессивного синтаксиса и т. д. Это подтверждает универсальность категории персональности, то, что она не только представлена в разных языках как важнейший элемент предикативности, но и имеет при этом схожий текстовой потенциал.

У исследований текстового потенциала категории персональности богатые перспективы. Могут быть более глубоко рассмотрены какие-то отдельные языковые средства категории персональности и их реализация в тексте; в процесс анализа могут быть вовлечены данные других языков, что будет способствовать обнаружению более устойчивых закономерностей. В любом случае необходимо сосредоточиться на личности, создающей текст, и представленности в тексте особенностей данной личности – интеллектуальных, когнитивных, эмоциональных, культурных, коммуникативных и т. п.

Список сокращений

КП – категория личности;

ТП – текстовый потенциал / потенциал текста;

ФСП – функционально-семантическое поле;

ФСК – функционально-семантическая категория;

ЯС – языковые средства.

- *автореф.* – автореферат;
- *англ.* – английский;
- *в.* – век / *вв.* – века;
- *в т. ч.* – в том числе;
- *Вып.* – выпуск;
- *г.* – год / *гг.* – годы;
- *дис.* – диссертация;
- *д-р* – доктор;
- *др.* – другие;
- *канд.* – кандидат;
- *кит.* – китайский;
- *конф.* – конференция;
- *лит.* – литература;
- *матер.* – материал;
- *моногр.* – монография;
- *науч.* – научный;
- *науч.-практ.* – научно-практический;
- *п.* – параграф;
- *пр.* – прочее;
- *русск.* – русский;
- *С.* – страницы;

- *сб.* – сборник;
- *ст.* – статья;
- *студ.* – студенческий;
- *T.* – том;
- *т. д.* – так далее;
- *т. е.* – то есть
- *т. п.* – тому подобное;
- *тр.* – труд;
- *филол.* – филологический;
- *яз.* – язык;
- *P.* – *англ.* pages (страницы);
- *S.* – *нем.* seiten (страницы);
- *Vol.* – *англ.* volume (том).

Список литературы

1. Акимова О.Б. Семантика неизвестности и средства ее выражения в русском языке: дис. д-ра филол. наук: 10.02.01. М.: МПУ, 1999. 377 с.
2. Алтабаева Е.В. Модальные функции высказывания с семантикой волеизъявления // Семантика лексических и грамматических единиц. М.: МПУ, 1995. С. 107–113.
3. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83–91.
4. Артамонов В.Н. Субъект категории важности – эксплицитный и имплицитный элемент логико-семантической структуры категории важности // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия «Русская филология». 2009. № 2. С. 7–13.
5. Арутюнова Н.Д. Безличность и неопределенность // Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 793–870.
6. Арутюнова Н.Д. Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М.: Наука, 1969. – 180 с.
7. Бабенко Л.Г. Общие методы и механизмы выявления имплицитного содержания в языке и речи // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов. Калининград; Светлогорск: БФУ им. И. Канта, 2006. С. 8–21.
8. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
9. Балута А.А. Библиейский текст и особенности его перевода: моногр. / А.А. Балута, Н.Г. Епифанцева и др. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 184 с.
10. Баранчеева Е.И. Прагматический потенциал переводного текста // Вестник Новосиб. гос. пед. ун-та. 2015. № 2(24). С. 193–202.
11. Барулин В.В. Категория числа в местоимениях // Исследования в области грамматики и типологии языков. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1980. С. 145–163.

12. Барышева М.В. К вопросу об отношениях между вводным предложением и основным составом высказывания // Грамматические категории и единицы: Синтагматический аспект. Владимир: ВГПУ, 2001. С. 28–30.
13. Бахтин М.М. Проблема текста // Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 299–317.
14. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Наука, 1986. 342 с.
15. Бахтин М.М. Человек в мире слова. М.: Наука, 1995. 213 с.
16. Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М.: Просвещение 1967. 160 с.
17. Бенвенист Э. Общая лингвистика; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова; пер. с фр. Ю.Н. Караулова и др. 2. изд., стер. М.: УРСС, 2002. 446 с.
18. Березина О.А. К вопросу о месте безличности в рамках поля персональности (на матер. английского языка) // Современная лингвистика и межкультурная коммуникация: коллективная моногр. Красноярск: НИЦ, 2012. С. 7–46.
19. Блытова Е.В. Эмотивная семантика немецких фразеологических единиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7–2(49). С. 29–32.
20. Богданов В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 88 с.
21. Бондарко А.В. О структуре грамматических категорий // Вопросы языкознания. 1981. № 6. С. 17–28.
22. Бондарко А.В. Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л.: Наука, 1984. 279 с.
23. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий: Наука, 1976. С. 255–258.
24. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. 229 с.
25. Бондарко А.В. Эксплицитность/имплицитность в общей системе категоризации семантики // Семантико-дискурсивные исследования языка:

- Эксплицитность / имплицитность выражения смыслов: матер. Междунар. науч. конф. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2006. С. 22–23.
26. Борисов А.А. Описание природы как прагматический фокус эмпатии в структуре текста // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 449–450.
27. Борисова Л.И. Метафора в научно-техническом переводе // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Лингвистика. 2016. № 6. С. 63–71.
28. Брудный А.А. Понимание и текст // Загадка человеческого понимания. М.: Политиздат, 1991. С. 114–128.
29. Брудный А.А. Экспериментальный анализ понимания // Вопросы философии. 1986. № 9. С. 60–62.
30. Булыгина Т.В. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенно-личности и обобщенно-личности // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 41–72.
31. Бутусова А.С. Прагматический потенциал эллиптических предложений: на матер. немецкого бытового диалога: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Ростов-на-Дону: Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2003. 216 с.
32. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 501 с.
33. Василенко Л.И. Модальные слова как средство авторизации текста // НДВШ. Филологические науки. М.: Высшая школа, 1984. № 4. С. 76–78.
34. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. 411 с.
35. Виноградов А.С. Открытость текста как условие реализации авторской индивидуальности // Череповецкие научные чтения – 2015: матер. Всеросс. науч.-практ. конф.; отв. ред. Н.П. Павлова. Череповец: ЧГУ, 2016. С. 33–36.
36. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах // Избр. тр. Исследования по русской грамматике. М.: Изд-во АН СССР, 1975. С. 53–58.

37. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 601 с.
38. Виноградова Е.М. Экспликация мотива в пропозициональной, лексической и синтаксической структурах текста // Известия ВГПУ. 2008. № 7(31). С. 80–84.
39. Гак В.Г. Неопределенно-личность в плане содержания и в плане выражения // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 72–86.
40. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Едиториал УРСС, 2005. 148 с.
41. Гапутина В.А. Современный русский медиадискурс моды: институциональность vs персональность (на матер. глянцевого журналов) // Гуманитарные технологии в современном мире: матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. Калининград: Западный филиал РАНХиГС, 2018. С. 47–48.
42. Гетманская Е.В. Образовательная функция детской литературы в фокусе западных исследований // Педагогика и психология образования. 2019. № 1. С. 27–40.
43. Гильмутдинова Л.К. Средства выражения категории персональности в английском языке // Инновационные научные исследования в современном мире: теория, методология, практика: сб. ст. по матер. I Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Вестник науки, 2019. С. 89–92.
44. Глушак Т.С. К проблеме обоснования статуса функционально-семантических категорий в языке // Вопросы языкознания. 1980. № 2. С. 73–79.
45. Гнездилова Л.Б. Роль интенциональности при интерпретации контекста в косвенном речевом акте (на матер. английского языка) // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2017. Т. 31. С. 1126–1130.
46. Голев Н.Д. Языковая личность, антропотекст и лингвоперсонологич. гипотеза языка // Филология: XXI в. (теория и методика преподавания). Барнаул: БГПУ, 2004. С. 12–22.
47. Горбунова Л.Г. Участие «Я»-субъекта в формировании высказываний с присоединением / парцелляцией // Огарев-Online. 2015. № 6(47). С. 9–10.

48. Гриченко Л.В. Средства репрезентации категории персональности в русских и английских анекдотах // Язык и культура (Новосибирск). 2013. № 5. С. 26–30.
49. Гришковская О.Н. Семантические типы пояснительных конструкций в простом предложении // Семантика грамматических форм и речевых конструкций. М.: МОПИ им. Крупской, 1991. С. 79–84.
50. Гусева А.Е. Лингвокогнитивная модель концепта «Поведение человека» и ее вербальная реализация языковыми средствами современного немецкого языка // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2016. № 3. С. 160–168.
51. Далгатова З.М. Стилистические средства выражения авторской модальности в аварской публицистике в сопоставлении с английской: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Махачкала: Дагестан. гос. пед. ун-т, 2015. 19 с.
52. Двоенко Я.Ю. «Я» повествующее как форма выражения лирического субъекта в книге И. Бродского «Новые стансы в августе» // Вестник Тамбов. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 5(133). С. 168–175.
53. Девятова Н.М. Синтаксическое поле сравнения и личность говорящего // Грамматические категории и единицы: Синтагматический аспект. Владимир: ВГПУ, 2001. С. 52–55.
54. Дементьев В.В. Нравственно-оценочная оппозиция персональности ~ имперсональности в текстах М.А. Булгакова // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2012. № 1. С. 99–112.
55. Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40; № 4. С. 368–377.
56. Дешериева Т.И. О соотношении модальности и предикативности // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1987. № 2. С. 34–45.
57. Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 572 с.
58. Доминенко Н.В. Лингвистические средства репрезентации времени и пространства в тексте авторского романтического письма (на примере писем П.Б. Шелли и Дж. Китса) // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8; № 3(28). С. 280–283.

59. Ермакова Е.В. Имплицитность в художественном тексте: на матер. современной русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2010. 322 с.
60. Жирова И.Г. Эмоциональный интеллект языковой личности // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 47–53.
61. Зайцева Т.Б. Экзистенциалистская точка зрения А.П. Чехова на феномен смерти // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 19. С. 271–282.
62. Заречнов В.А. Билетик «на второй сеанс» (дискурс смерти в рассказах В.М. Шукшина 70-х годов) // Шукшинский вестник; под ред. О.Г. Левашовой, Л.А. Чудновой. Барнаул: Алт. дом печати, 2012. С. 77–86.
63. Захарова М.Ю. Категория персональности как способ выражения авторских сентенций // В кн.: Лингвистическая доминанта процесса коммуникации: матер. Всеросс. науч.-практ. конф. ИЛиМК. М.: МГОУ, 2015. С. 17–21.
64. Зимовец Н.В. Стилистические функции эмотивных фразеологизмов в художественной прозе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 11–55.
65. Змеева Т.Е. Обучение иностранному языку в неязыковом вузе: дидактический потенциал юмористических текстов // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: матер. VIII Междунар. науч. конф. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 439–441.
66. Знаменская А.А. Стилистика английского языка. Основы курса: учебное пособие. Изд. 4-е испр. и доп. М.: КомКнига, 2006. 226 с.
67. Золотова Г.А. Категория лица в синтаксическом аспекте // Исследования по славянской филологии. М.: Наука, 1974. С. 109–116.
68. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 351 с.
69. Иванчикова Е.А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и стилистические функции. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968. 293 с.

70. Игнатов И.А. Семантика и функционирование слова «гражданин» в современном русском языке (по данным языка СМИ) // *Litera*. 2019. № 2. С. 215–223.
71. Казимова Э.А. Персональность в дискурсе побуждения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Махачкала: Дагестан. гос. пед. ун-т., 2004. 20 с.
72. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М.: Высшая школа, 1990. 151 с.
73. Канафьева А.В. Об эмоционально-экспрессивном потенциале риторического высказывания // *Русский язык в системе славянских языков: история и современность*. М.: МГОУ, 2006. С. 48–51.
74. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 168 с.
75. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 382 с.
76. Касаткин А.М. О синтаксической синонимии выражения авторства модально-экспрессивных оценок // *Синтаксическая синонимия в русском языке*. М.: МОПИ им. Крупской, 1984. С. 125–134.
77. Кибрик А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук. М.: ИЯРАН, 2003. 90 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ilingran.ru/kibrik/DA_cognitive_perspective@Diss_2003.pdf (дата обращения: 25.04.2020).
78. Кильдибекова Т.А. Когнитивный аспект языковых категорий // *Словообразование и лексические системы в разных языках*. Уфа: Изд-во Башкирск. ун-та, 1996. Вып. 2. С. 58–66.
79. Клинова А.А. Влияние детской литературы на воспитание детей // *Психолого-педагогический взгляд на профессионально-ориентированное образование: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф.* Уфа: АМИ, 2017. С. 148–152.
80. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: КомКнига, 2007. 352 с.
81. Коваль С.Л. Модель коммуникативного акта в прикладных задачах речеведения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Koval.htm> (дата обращения: 25.04.2020).

82. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): дис. д-ра филол. наук: 10.02.19. М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. 654 с.
83. Кожина М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста // Филологические науки. 1987. № 2. С. 35–41.
84. Колесникова С.М. Градуальная лексика в СРЯ // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». М.: МГОУ, 2009. Вып. 2. С. 63–69.
85. Колесникова С.М. Показатели градуальности в современном русском языке // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: грамматика и текст. М.: МГОУ, 2005. С. 23–31.
86. Колшанский Г.В. Паралингвистика: моногр. КомКнига, 2010. 96 с.
87. Колшанский Г.В. Принципы сопоставления семантических систем языков и проблема перевода // Лингвистика и методика в высшей школе. М.: Наука, 1974. Вып. 6. С. 61–69.
88. Компанец Н.А. Категория персональности в дискурсе // Наука и творчество молодых исследователей: итоги и перспективы: матер. II Всеросс. студ. науч. конф. Краснодар: КГУ, 2017. С. 19–22.
89. Копытов О.Н. «Ключ персональности» в художественной прозе // Современные наукоемкие технологии. 2009. № 2. С. 25–29.
90. Королькова А.В. Общие и частные значения категории лица глагола // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1976. С. 80–89.
91. Котурова М.П. Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв.: в 3-х т. / под ред. проф. М.Н. Кожинной. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1994–1998. Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). 395 с. Ч.1. С. 44–77.
92. Кошечая И.Г. Речевые категории в трехуровневой системе языковой материи // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2018. № 1. С. 25–30.

93. Кошечкина И.Г. Категория художественного времени как функциональная доминанта создания текста // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2017. № 4. С. 8–15.
94. Крапина А.Д. Соотношение функции сообщения и функции воздействия в новостных текстах новейшего времени // Языки. Народы. Культуры: Альманах науч. ст.; отв. ред. Е.С. Михеева. М.: РУДН, 2017. С. 179–184.
95. Красина Е.А. Семиотическая организация речевого акта и функции говорящего субъекта // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 88–93.
96. Крылов С.А. К типологии дейктических систем // Лингвистические исследования. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. М.: Наука, 1984. Ч. 1. С. 138–148.
97. Крылова М.Н. Синтаксическая стилистика прозы Б. Акунина // Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Вологда: Маркер, 2016. С. 145–146.
98. Кудряшова А.А. Мотив смерти матери как «завершающее событие» автобиографической прозы о детстве: Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков, М. Горький // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. 2013. № 3. С. 27.
99. Кузнецова М.А. Понятия «потенциал текста» и категория персональности на примере произведения А. Кристи «Пять поросят» // Проблемы исследования и преподавания иностранных языков в поликультурном пространстве: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. С. 67–69.
100. Кузнецова М.А. Сущность и содержание понятия «потенциал текста» и категория персональности // Европейско-азиатское пространство. Инновации в экономике, науке и образовании: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф.; под ред. Е.В. Конеевой. М.: Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С. 71–78
101. Кузнецова М.А. Использование метода контент-анализа в современных исследованиях // Европейское пространство. Инновации в науке и

- образовании: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф.; под ред. Е.В. Конеевой. М.; Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. С.46–52.
102. Кузнецова М.А. Категория персональности и ее текстовой потенциал // Человеческий капитал. 2017. № 1(97). С. 42–45.
103. Кузнецова М.А. Актуальные проблемы типологии языков: сущность, генезис и современное содержание // Человеческий капитал. 2016. № 7(91). С. 67–69.
104. Кузнецова М.А. Связь и место типологии языка в дисциплинарном лингвистическом континууме // Человеческий капитал. 2016. № 7(91). С. 76–77.
105. Кузнецова М.А. Уровневые проявления типологизации в языках // Человеческий капитал. 2016. № 7(91). С. 69–75.
106. Кутинова Е.В. Функции эвфемизмов в архитектонике публицистического текста германских языков // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 43–49.
107. Кухаренко В.А. Типы и средства выражения импликации в английской художественной речи (на матер. прозы Э. Хемингуэя) // Филологические науки. 1974. № 1. С. 72–79.
108. Лаврентьев В.А. Дейктический аспект категории синтаксического лица // Ярослав. пед. вестник. 2011. Т.1.; № 3. С. 179–183.
109. Левицкий Ю.А. Лингвистика текста: учебное пособие М.: Высшая школа, 2006. 212 с.
110. Левочкий С.С. Тема смерти и ночи в творчестве Э. Юнга и Новалиса // Человек. 2015. № 4. С. 114–124.
111. Левченко М.Н. Вербальная репрезентация категории персональности в текстах различных языков и функциональных стилей // Значимые личности в языке и культуре: научное наследие Августа Шлейхера: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф.; отв. ред. Г.Т. Хухуни. М.: МГОУ, 2018. С. 166–177.

112. Левченко М.Н., Елисеева А.А., Елистратова И.В. и др. Интерпретация текста и его грамматических моделей (типологический аспект) М.: Изд-во МГОУ, 2013. 240 с.
113. Левченко М.Н., Лачугина Е.Н. «Эффект обманутого ожидания» гендерно-окрашенных загадок и разгадок (на матер. английского, немецкого и русского языков) // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2015. № 6. С. 94–100.
114. Левченко М.Н., Савина Е.М. Эллиптические предложения в диалогической речи и способы их перевода с немецкого языка на русский язык // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2017. № 3. С. 125–132.
115. Левченко М.Н., Скрыльник А.В. Особенности перевода авторских неологизмов произведения Дж. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2015. № 2. С. 65–72.
116. Лекант П.А. Интенсив это форма или конструкция? // Вестник МГОУ. М.: МГОУ, 2009. Вып. 1. С. 47–51.
117. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. 308 с.
118. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой (логические, языковые и прагматические аспекты). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1992. 152 с.
119. Литвяк О.В. Лингвокогнитивные проблемы отражения имплицитности в высказывании // Молодой ученый. 2018. № 7. С. 207–209.
120. Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур // В кн: Семиосфера. СПб.: Искусство, 2004. С. 603–614.
121. Лысенко В.Л. Фразеологизмы как способ репрезентации языковой личности автора художественного текста (на матер. романа Дж. Голсуорсл «Собственник»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / В.Л. Лысенко. Майкоп: Адыг. гос. ун-т, 2010. 22 с.
122. Мазунова, Л.К. Текст как культурно-языковое пространство и единица обучения иностранному языку / // Вестник Башкир. ун-та. 2001. № 4

- [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.km.ru/referats/C699DBA503F547A2BD9C83AA7318CC69> (дата обращения: 25.11.2020).
123. Максименко О.И. Оценка интеллектуальных лингвистических систем методом нечеткой логики // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2011. № 6. С. 44–47.
 124. Максимова Т.О. Блог в интернет-коммуникации: структура, функции, литературный потенциал // Вестник Черепов. гос. ун-та. 2017. № 1(76). С. 124–131.
 125. Малычева Н.В. Текстовая категория персональности (на материале художественных текстов А.П. Чехова) // Известия Южного федерального ун-та. Филологические науки. 2009. № 4. С. 48–55.
 126. Мальцева Ю.Н. Коммуникативно-прагматические особенности реализации категории персональности (на матер. цикла рассказов Ильзе Айхингер) // Будущее науки – 2018: сб. науч. ст. 6-й Междунар. науч. конф.; отв. ред. А.А. Горохов. Курск: Университетская книга, 2018. С. 355–359.
 127. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: МПУ, 1996. 23 с.
 128. Матезиус В. Избранные труды по языкознанию: пер. с чеш. и англ.; заключ. ст. Д.В. Сичиनावы. М.: Едиториал УРСС, 2003. 228 с.
 129. Машкина Л.С. Образ крестьянина середины XIX в. в отечественной литературе (на примере повестей Л.Н. Толстого) // Мир культуры: культуроведение, культурография, культурология: сб. науч. тр.; под ред. Т.Н. Арцыбашевой, Г.А. Салтык. Курск: КГУ, 2017. С. 125–128.
 130. Метс Н.А. Структура научного текста и обучение монологической речи. М.: Русский язык, 1981. 191 с.
 131. Мещерякова Е.А. Роль междометий в реализации категории персональности (на матер. английских художественных произведений) // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2013. № 2-2(54). С. 113–116.

132. Миниярова И.М. Функционально-семантическ. поле личности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Уфа: Кубан. ун-т, 1993. 19 с.
133. Муратова Е.Ю. Реализация художественного потенциала категории рода в поэтическом тексте // Риторика. Лингвистика. 2016. № 12. С. 48–52.
134. Мирианашвили М.Г. Ритмическая организация немецкой звучащей речи: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 392 с.
135. Мурыгина З.М. Семантическая структура спрягаемых форм русского глагола. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 157 с.
136. Мурыгина З.М. Учебное пособие по лексикологии современного немецкого языка: курс лекций: для основного отделения. М.: Знание, 1958. 99 с.
137. Мусиенко В.В. Вводные конструкции в тексте лингвистической монографии (на матер. работ В.В. Виноградова и Е.С. Кубряковой) // Инновации и перспективы современной науки. Филологические науки: матер. конф. Астрахань: Астрах. ун-т, 2018. С. 64–66.
138. Мухин Н.Ю. Вводные компоненты как средство выражения и установления авторского текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2002. 166 с.
139. Нагорный И.А. Субъектная сфера односоставных предложений с модальными частицами // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 6(61). С. 12–17.
140. Нагорный И.А. Функциональная семантика русских предположител. частиц // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». М.: МГОУ, 2007. Вып. 1. С. 105–109.
141. Недобух А.С., Опалева Л.И., Шамшурина Л.А. Анализ и интерпретация текста: учебно-методическое пособие. Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2008. 83 с.
142. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ, 2003. 277 с.

143. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. Вступительная статья // НЗЛ. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 539.
144. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982. 103 с.
145. Ноздрина Л.А. Грамматика и поэтика // Филологические науки. 1993. №5–6. С. 59–69.
146. Ноздрина Л.А. О категориальном статусе некоторых лингвистических явлений // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 2. С. 39–46.
147. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. ст. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 117–119.
148. Онипенко Н.К. Идея субъектной перспективы в русском языке // Русистика сегодня. М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1994. № 3. С. 74–83.
149. Онипенко Н.К. Композиционно-текстовые возможности моделей русского предложения. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 2014. 318 с.
150. Орехова Е.Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2011. 419 с.
151. Осадчая М.Н. Индивидуально-авторский дискурс О. Мандельштама в фокусе современной фразеологии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3(45). С. 341–344.
152. Ощепкова В.В. Вариативная англоязычная картина мира в лексикографических источниках // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Лингвистика. 2010. № 6. С. 28–36.
153. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 272 с.
154. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса: материал к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974. 292 с.

155. Панкрашова О.С. К проблеме синтаксической вариативности персонотекстов // Текст: проблемы, методы исследования: межвузов. сб. науч. ст.; под ред. Э.П. Хомич. Барнаул: БГПУ, 2008. С. 53–60.
156. Петрухина О.П. Категоризация политического дискурса по принципу институциональности и персональности // Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом: сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: ИЦРОН, 2016. С. 63–66.
157. Перельман Г.И. Сопоставительный анализ немецких и русских частиц // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 261 с.
158. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд. доп. СПб.: Питер, 2005. 480 с.
159. Петрунина С.П. Функционально-семантическ. поле персональности в диалекте // Вестник Томск. гос. ун-та. 2006. № 291. С. 183–187.
160. Петрушина М.З. Модальность, экспрессивность и эмоциональность высказывания с неодобрительной семантикой // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: грамматические категории и лексические единицы. М.: МГОУ, 2008. С. 16–22.
161. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 1956. 512 с.
162. Пименова Е.А. Логико-прагматические аспекты функционирования немецких частиц *noch*, *schon*, *erst*: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иваново: Иван. гос. ун-т., 2003. 209 с.
163. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике: моногр. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. 191 с.
164. Потеня А.А. Мысль и язык: Собр. тр. М.: Лабиринт, 1999. 269 с.
165. Разинкина Н.М. Стилистика английского научного текста. М.: Едиториал УРСС, 2005. 210 с.

166. Рожаева Н.С. Персональность как текстообразующая категория // Междунар. студ. науч. вестник. 2015. № 5–1. С. 49–51.
167. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru/rubinshtein/chelovek_i_mir (дата обращения: 25.04.2020).
168. Русская грамматика: в 2-х т. / Редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1980. Т.1. 636 с.
169. Русский литературный язык в контексте современности: матер. II Всеросс. науч.-методич. конф. с междунар. участием (Ульяновск, 19-21 октября 2011 года) / под ред. д-ра филолог. наук В.Н. Артамонова. Ульяновск: УлГТУ, 2012. 170 с.
170. Сальникова Е.В. Трансформация отношения к ночи и темноте на переломе от Средневековья к Новому времени // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 2–1(16). С. 177–181.
171. Северская О.И. Взаимодействие семиотических кодов: поэтический текст как фокус эмпатии // Язык как медиатор между знанием и искусством: Сб. докл. Междунар. науч. семинара; отв. ред. Н.А. Фатеева. М.: Азбуковник, 2009. С. 81–87.
172. Селезнева Л.В. Креативно-информативная функция PR-текстов // Журналистика XXI века: опыт прошлого и вызовы будущего: Сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Тирасполь: Ин-т яз. и лит., 2013. С. 333–338.
173. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
174. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 244 с.
175. Серебрякова А.Ю. Различные средства выражения категории персональности в философских текстах И. Канта // Иностранные языки: сравнительно-сопоставительные исследования, вопросы преподавания и межкультурной

- коммуникации: сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Тюмень: ВекторБук, 2015. С. 58–60.
176. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка: учебник для институтов иностранных языков. 2-е изд. испр. и доп. М.: АСТ, 2004. С. 221–225.
177. Скрипник К.В. Категории модальности и персональности в рекламном слогане как типе текста (на матер. английского языка) // Тенденции развития науки и образования. 2016. № 15–5. С. 11–14.
178. Слово в тексте и в словаре: сборник статей к семидесятилетию акад. Ю.Д. Апресяна / сост. И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин; отв. ред. Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. М.: Языки русской культуры, 2000. 647 с.
179. Солганик Г.Я. Стилистика текста: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 1997. С. 256–259.
180. Соловей Е.И. Персональность как функционально-семантическая категория // Современные тенденции развития науки и образования: матер. Междунар. науч.-практ. конф.; под общ. ред. А.И. Вострецова. Нефтекамск: Мир науки, 2019. С. 96–102.
181. Соловей Е.И. Ядерные и периферийные средства выражения персональности как функционально-семантической категории // Инновационное развитие современной науки: проблемы и перспективы: матер. Междунар. науч.-практ. конф.; под общ. ред. А.И. Вострецова. Нефтекамск: Мир Науки, 2019. С. 130–135.
182. Сорокина Э.А. Новое в Отечественной лексикографии: англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов. Название и происхождение: от А до Z // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Лингвистика. 2015. № 5. С. 166–171.
183. Социоллингвистика и социология языка: хрестоматия / Отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. 588 с.
184. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Истоки, 2001. 252 с.

185. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки, 2000. 27 с.
186. Стилистика и литературное редактирование / под ред. проф. В.И. Максимова. М.: Гардарики, 2004. 651 с.
187. Стратийчук Е.Ю. Когнитивный подход в исследовании дискурса // Актуальные проблемы современной лингвистики: матер. Всеросс. науч. конф., посвящ. юбилею проф. А.Я. Загоруйко. Ростов-на-Дону: СКНЦ, 2005. С. 16–26.
188. Стратийчук Е.Ю. Персональность как текстообразующая категория художественного текста (на матер. русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ростов-на-Дону: СКНЦ, 2006. 23 с.
189. Сусов И.П. Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы. Калинин: КГУ, 1986. С. 7–11.
190. Тарасова А.Н. Ситуация общения: факторы и модели // Язык и действительность: сб. ст. по итогам II Междунар. конф. М.: МПГУ, 2017. С. 229–235.
191. Телегин Л.А. Развитие метафорических значений. Синестезия прилагательных с перцептивными признаками «Мягкий» и «жесткий» в русском, английском, французском языках // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Лингвистика. 2017. № 6. С. 95–105
192. Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1991. 370 с.
193. Тимошенко, З.В. Персональность/имперсональность текста как стилеобразующий фактор // Лингвистика текста и обучение иностранным языкам: сб. ст. Киев: Вища школа, 2000. С. 76–82.
194. Тихонова О.А. Категория персональности в поэтической речи И. Бродского // Ярослав. пед. вестник. 2010. Т.1; № 2. С. 138–141.
195. Торопов В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–285.

196. Тупикова Н.А. Ин-персональность в поэтическом слове // Уроки русской словесности: сб. науч. тр.; под ред. Л.А. Константиновой. Тула; М.: ТГУ, 2017. С. 120–124.
197. Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. №3. С. 105–114.
198. Тураева З.Я. Опыт описания категорий текста // Анализ зарубежной художественной и научной литературы: Межвуз. сб. Вып. 3. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. С. 3–8.
199. Уразаева Н.Р. Категория персональности как базовая категория молитвенных текстов (на матер. немецкого языка) // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. 2002. № 465. С. 200–210.
200. Ушакова Т.Н. Рождение слова: Проблемы психологии речи и психолингвистики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 524 с.
201. Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 46–50.
202. Филиппов К.А. Лингвистика текста: курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 334–337.
203. Филиппова И.Н. Трансцендентальность перевода широкозначной лексики (на матер. романов А. Кристи и их переводов на русском и немецком языках) // Вестник МГОУ. 2015. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/690> (дата обращения: 25.04.2020).
204. Харабаева В.И. Персональная ситуация адресантной определенно-личности (на материале якутского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6–2(24). С. 191–195.
205. Химик В.В. К соотношению понятий экспрессивности, модальности и персональности // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов-на-Дону: Ростов. гос. ун-т, 1987. С. 128–133.
206. Химик В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л.: ЛГУ, 1990. 180 с.

207. Хроменков П.Н., Максименко О.И. Конфликтогенные компоненты текстов авторской поэзии // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2016. № 4. С. 27–37.
208. Хухини, Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А. Лингвокультурные аспекты межъязыковой передачи Библейского текста М.: МГОУ, 2014. 198 с.
209. Цатурян М.А. Дискурсивный характер языковой личности в политическом дискурсе // Вестник Адыг. гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2019. № 2(237). С. 91–95.
210. Цурганова Е.А. Герменевтика – наука о смысле текста // Вестник РАН. 1994. № 12. С. 1095–1099.
211. Чаплыгина И.Д. Вводные компоненты как средства адресованности // Русский язык: номинация, предикация, экспрессия. М.: МГОУ, 2002. С. 227–231.
212. Черняков А.Н., Цвигун Т.В. Подступы к поэтическому языку Егора Летова: персональность/имперсональность // Подробности словесности: Сб. ст. к юбилею Л.В. Зубовой. СПб.: Свое издательство, 2016. С. 398–407.
213. Чистов В.А. Категориальные ситуации персональности в английских переводных текстах (на матер. переводов романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В.А. Чистов. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2008. 19 с.
214. Чумакова Т.В. Парадигматика однокомпонентных инфинитивных предложений с семантикой возможности/невозможности // Приволжский научный вестник. 2013. № 8–2 (24). С. 74–78.
215. Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка М.: Учпедгиз, 1957. 400 с.
216. Швечкова Н.И. Особенности изображения русского крестьянина в цикле рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника» // Гуманитарные науки и стратегии образования: пути интеграции: сб. науч. тр. по матер. V Междунар. науч.-практ. конф. Надькинских чтений; отв. ред. Л.П. Водясова. Саранск: МГПУ, 2018. С. 194–198.

217. Шевцова В.М. Персональный дейксис в прагматике дискурса (на примере современной литургической проповеди) // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. тр. М.: Тезаурус, 2015. С. 555–560.
218. Шелестюк, Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2009. 42 с.
219. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка: учебное пособие. М.: Русский язык, 2001. 288 с.
220. Шемелева Т.В. Проявление категории персональности в поэтическом тексте (сб. «Мужская и женская лирика» А.Х. Астаховой) / // Исследовательские парадигмы в современной филологии: матер. V Всеросс. науч. конф. Краснодар: КГУ, 2018. С. 91–98.
221. Шигуров В.В. Вводно-модальное употребление глаголов в форме 3-го лица множественного числа как средство экспликации субъективной модальности высказывания // Междунар. журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 11–2. С. 306–309.
222. Широбокова Л.А. Инфинитивные конструкции с начальным ИГ в заголовках британских газетных текстов // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 510–512.
223. Шлык Е.В. Зона пересечения категории модальности, темпоральности, персональности и аспектуальности в русском и английском языках // Вестник Брянск. гос. ун-та. 2012. № 2-2. С. 333–338.
224. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 492 с.
225. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1994. 45 с.
226. Шоцкая Л.И., Рустамова А.С. Специфика реализации художественного потенциала лексики и фразеологии русского языка в литературе для детей // Известия Дагестан. гос. пед. ун-та. Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 4(5). С. 72–76.

227. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 432 с.
228. Юдин А.А. Грамматическое содержание категории лица глагола в современном русском языке // Вопросы теории русского языка. Рязань, 1968. С. 56–123.
229. Юдин А.А. Лицо в глаголе как грамматическая категория // Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та. 1970. Вып. 278. С. 220–227.
230. Юдин А.А. Неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения в современном русском языке // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. 1954. Вып. 75. С. 85–122.
231. Ягунова Е.В. Коммуникативная и смысловая структура текста и его восприятие // Вопросы языкознания. 2007. №6. С. 33–49.
232. Якимова Е.М. Историко-культурный потенциал текстов семейных родословных // Молодой ученый. 2016. № 11. С. 1728–1731.
233. Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 455 с.
234. Ярыгина Е.С. Конструкции вывода-обоснования в синтаксической системе современного русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГОУ, 2003. 109 с.
235. Blum-Kulka Sh. Too many words: length of utterance and pragmatic failure // Studies in Second Language Acquisition. 1986. Vol. 8; No. 2. P. 165–179.
236. Book Discussion Forum // Linguist. 2003. № 19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.linguistorg//issues/14/14-1734.html> (дата обращения: 25.04.2020).
237. Büchler M. Measuring the influence of a work by text re-use // Bulletin of the Institute of Classical Studies. Supplement. 2013. No. 122. P. 63–79.
238. Homer B.D., Ramsay B.D. Making Implicit Explicit: the Role of Learning // Behavioral and Brain Sciences. 1999. № 22(5). P. 770–772.
239. Lohmann S.A. Signaling Model of Informative and Manipulative Political Action // The American Political Science Review. 1993. Vol. 87; No. 2. P. 319–333.
240. McAloney H. Informative Function of the Scientific Report // The Technical Writer. 1957, convention issue. P. 13–15.

241. Michell G. Indicating the truth of propositions: a pragmatic function of sentence ad-verbs // In: Papers from the regional meeting of Chicago Linguistic Society (CLS), 1976. V. 12. P. 112–119.
242. Schendels E.I. Die Kategorie Mensch in der deutschen Gegenwartssprache // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1980. Bd. 33; Heft 3. S. 371–378.
243. Schepper K. de. Separating interlocutor phenomena from grammatical person // Journal of Pragmatics. 2015. Vol. 88. P. 137–147.

Фактический материал и справочные издания:

244. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь; гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998а. С. 136–137.
245. Арутюнова Н.Д. Речевой акт // Языкознание. Большой энциклопедический словарь; гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998б. С. 412–413.
246. Белянин В.П. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М: ПАИМС, 1994. 192 с.
247. Булыгина Т.В. Понятийные категории в языкознании // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1986. С. 385–386.
248. Володин А.П. Лицо // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 271–272.
249. Кибрик А.А., Паршин П. Дискурс // Энциклопедия Россия-On-Line [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/1008254al.htm> (дата обращения: 25.04.2020).
250. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.

251. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1987. 797 с.
252. Семенов Ю.С. Петровка, 38. Огарева 6. Противостояние: сб. М.: Клуб семейного досуга, 2013. 589 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://massolit.club/book/petrovka-38-ogareva-6-protivostoyanie> (дата обращения: 25.04.2020).
253. Степанов Ю.С. Личности – безличности категория // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 272– 273.
254. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
255. Christie A. Five little pigs. М.: Каро, 2012. 261 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://engshop.ru/Five-Little-Pigs-skachat/> (дата обращения: 25.04.2020).
256. Holtz-Baumert, G. Alfons Zitterbacke. Geschichten eines Pechvogels. М.: Изд-во ВКН, 2015. 245 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://padabum.com/d.php?id=174989> (дата обращения: 25.04.2020).
257. Le nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris: Le Robert, 2010. 2837 p.
258. Müller, W. Leichtverwechselbare Wörter // DUDEN Taschenbücher, Bibliographisches Institut AG, Mannheim 1973. 336 p.